

Творческая Мастерская «Альтернатива – Арт»

в рамках реализации проекта с использованием гранта Президента Российской Федерации на развитие гражданского общества, предоставленного Фондом президентских грантов

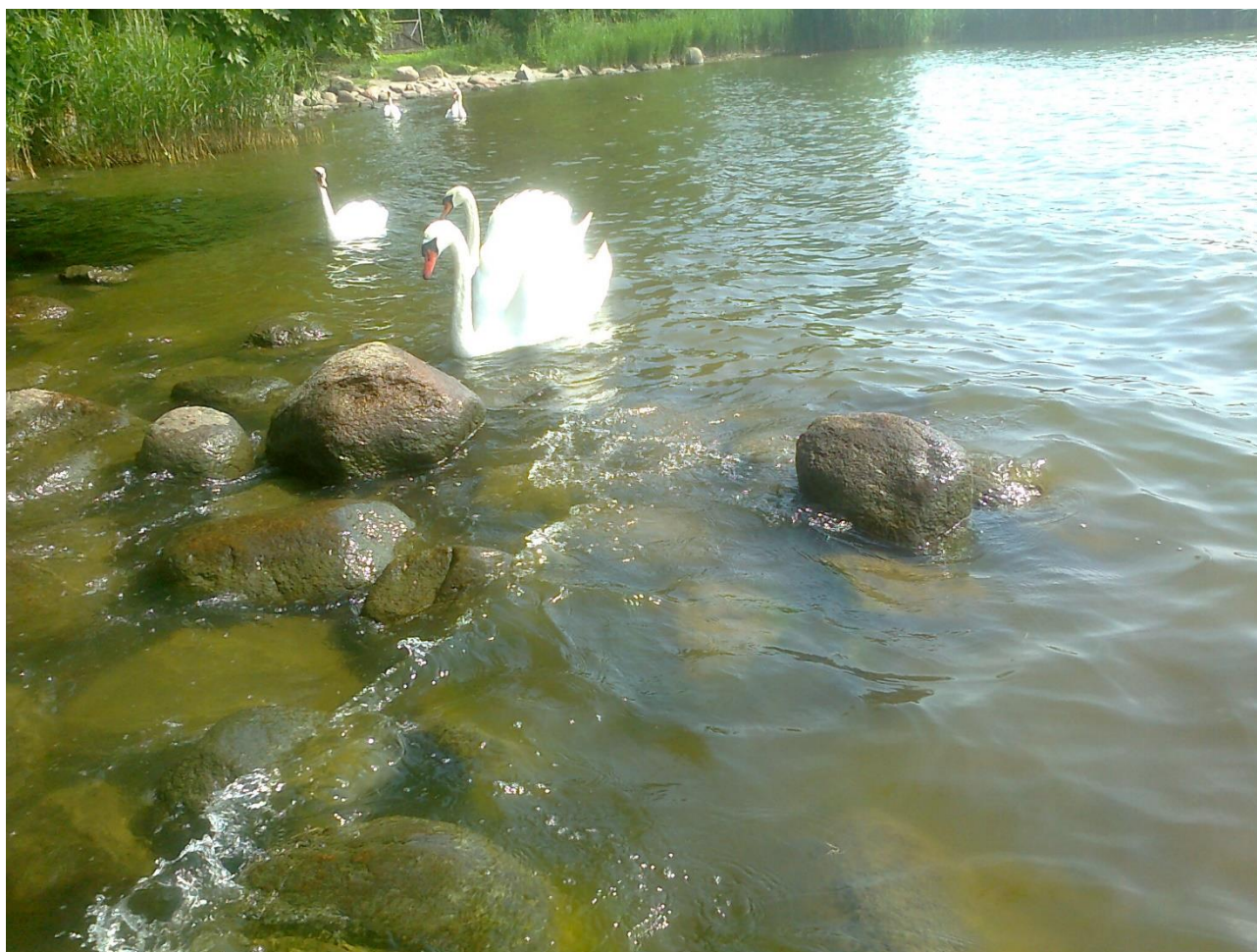
«История. Люди. Память» – серия видеофильмов с субтитрами об историческом наследии, проблемные репортажи с субтитрами об исчезающих объектах истории и культуры на территории Калининградской области»

№ 19-1-026322

ПРЕДСТАВЛЯЕТ

туристический маршрут по Балтийскому городскому округу

«Приморск – ключ понимания запада России»

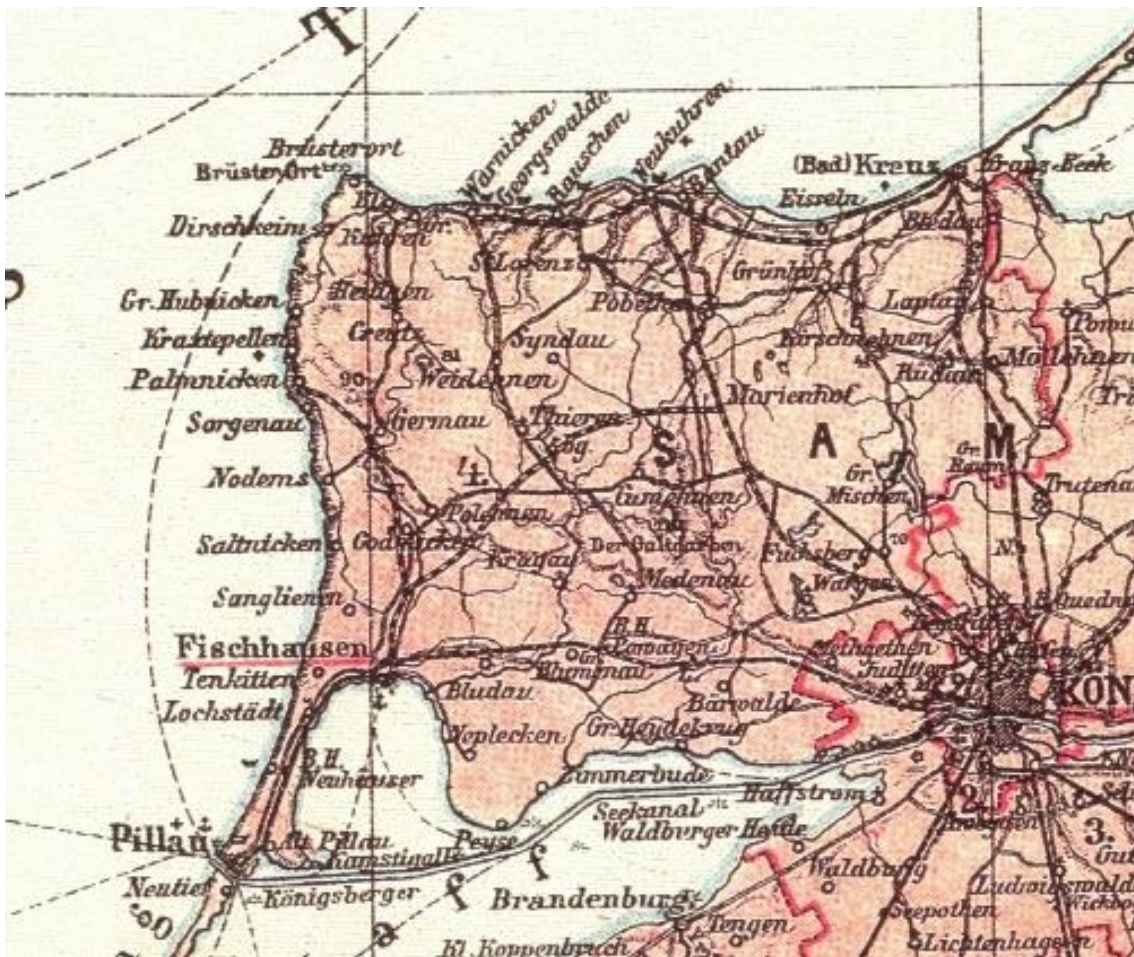

«Фишхаузен с его замком имеет большое значение как ключ к стране», – этот вывод сделал в 1603 году голландский инженер де Кемп, который по распоряжению курфюрста объехал Пруссию, чтобы подготовить предложения по повышению обороноспособности страны.

Переиначив вывод де Кемпа, проект «История. Люди. Память» подготовил туристический маршрут по Балтийскому городскому округу, а конкретно по городу Приморску и его окрестностям под названием – «Приморск – ключ понимания запада России».

Маршрут проекта пролегает по посёлкам, переданным в оперативное управление администрации г. Приморска, применить его можно как целиком, так и частично, а возможно, и переработав под свой маршрут, путешествуя по западу Калининградского полуострова.

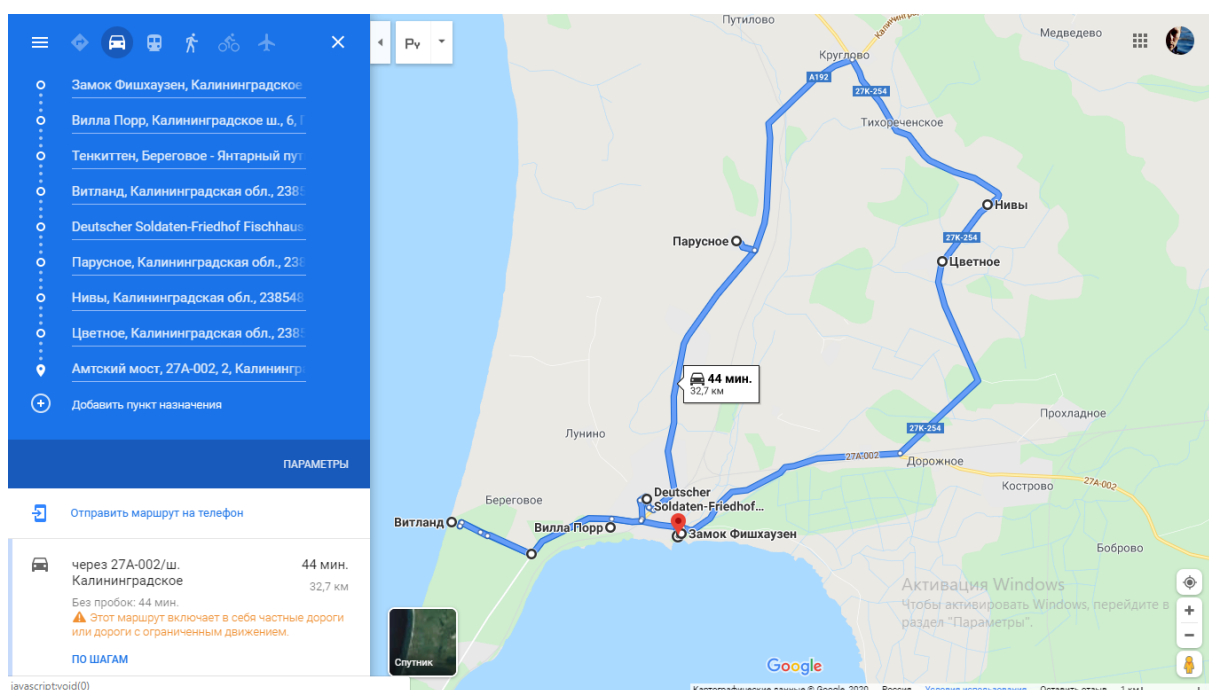
Указом Президиума Верховного Совета СССР от 7 апреля 1946 г. был образован Замландский район. Он располагался на одноименном полуострове и имел на протяжении 60 км непосредственный выход в Балтийское море. Сухопутная граница Замландского района совпадала с немецким районированием, произведенным ещё в 1913 г. и уточненным в 1928 г.

Указом Президиума Верховного Совета РСФСР от 7 сентября 1946 г. «Об административно-территориальном устройстве Калининградской области» Замландский район стал именоваться Приморским, центром которого до 25 июля 1947 г. был город Приморск.

Население района на 1 июня 1946 г. составляло 18240 человек. Среди них насчитывалось 1512 человек, прибывших из СССР, 466 советских граждан, подлежащих репатриации, и 16262 немца.

Ещё в 1950-х годах г. Приморск был центром Фишхаузенского района.

От стартовой точки в Приморске – замка Фишхаузен, мы отправимся в Танкиттено/Береговое – этот посёлок имеет два названия, довоенное и современное, не удивляйтесь... Поговорим об Адальберте, покружимся возле дальномера – уточним его происхождение. Затем двинемся в Парусное за Вином, Карлом Вильгельмом... физиком. В посёлке Нивы, бывший Компейнен, чья жительница Клара Кляйнин была осуждена за

колдовство в конце XVII века, мы найдём плиту, но только не ей, а на месте «захоронения 93 пехотной дивизии. В память всем жертвам Второй Мировой войны, отдавшим жизнь в Калининграде и окрестностях». Приостановимся в посёлке Цветное, здесь располагается археологический памятник бронзового века, но, к сожалению, он разрушен.

В самом Приморске особой популярностью пользуется немецкое военное кладбище, восстановленное в 90-х годах прошлого столетия. Здесь же несколько памятных валунов – Первой мировой, трём войнам перед объединением Германии в империю – и крест со старого городского кладбища.

Обязательно посетим мемориальный комплекс на братской могиле советских воинов, погибших при штурме г. Фишхаузен и его окрестностях, всего захоронено здесь более 2 200 бойцов.

Не обойдём вниманием и памятник со статусом Объекта культурного наследия местного значения на территории Приморска – парк «Приморский» – комплекс садово-парковой архитектуры, посаженный в 1870 году на территории стариной

усадьбы Порр, также Объекта культурного наследия. Основанием для признания парка памятником природы ещё в 1985 году, в 2007 году его перевели из регионального в местное значение, является ценное наличие интродуцентов и декоративных форм деревьев и кустарников: псевдотсуга белая, дуб красный, липа серебристая, лапина крылоплодная, бархат амурский и другие. Парк имеет научное значение.

В первом блоке сопроводительного материала собраны статьи по материалам работ Оскара Шлихта и Г. А. Шайбы об истории города Фишхаузен. Отдельный блок посвящён посёлку Береговому, в который вошли статьи калининградских краеведов В. И. Кулакова и В. И. Болучевского. Несколько статей-зарисовок дают представление о хауптамте (районе) Фишхаузен, об истории рыболовства в Восточной Пруссии и Калининградской области, об истории развития морской торговли и соответственно развития Кёнигсбергского порта через Пиллау, а также статья о Вислинском заливе заслуженного эколога РФ Алексея Феликса Евгеньевича. Сопроводительный материал, следуя маршруту, включает исторические материалы о населённых пунктах вокруг Приморска. Сюда же включены воспоминания русского учёного, статьи немецких исследователей, одна из которых посвящена роли Кёнигсберга в распространении Реформации в Пруссии.

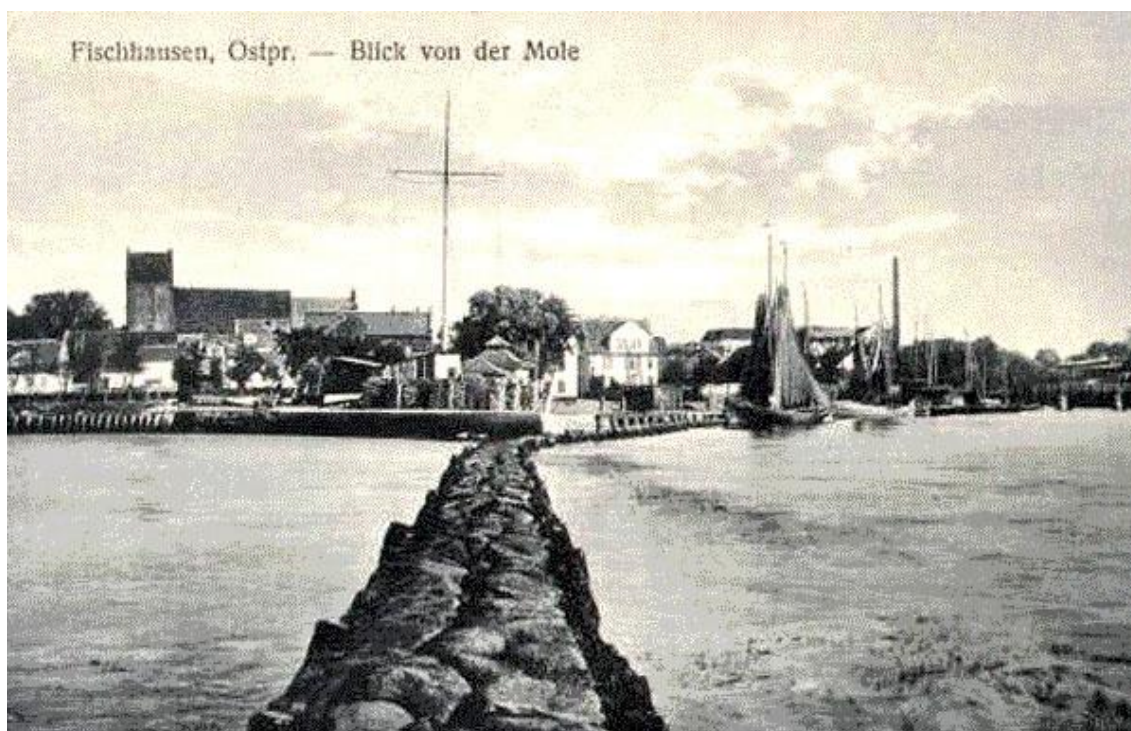
I.

«Согласно данным Королевского Прусского управления геодезической съёмки, Фишхаузен расположен на высоте 7,012 м относительно уровня моря для нивелировки. Город простирается с востока на запад непосредственно вдоль Фришес Хафф и находится в местности, богатой ландшафтными привлекательностями и историческими местами. Ландшафт должен был быть ещё прекраснее прежде, когда далеко простиравшиеся леса окаймляли город со стороны суши.

Свежий и чистый воздух, поступающий с близкого моря и с залива, а также живописное положение города сделали его излюбленным местом пребывания герцога Альбрехта. Здесь часто бывал и курфюрст Георг Вильгельм, чтобы поохотиться в богатых дичью лесах округи.

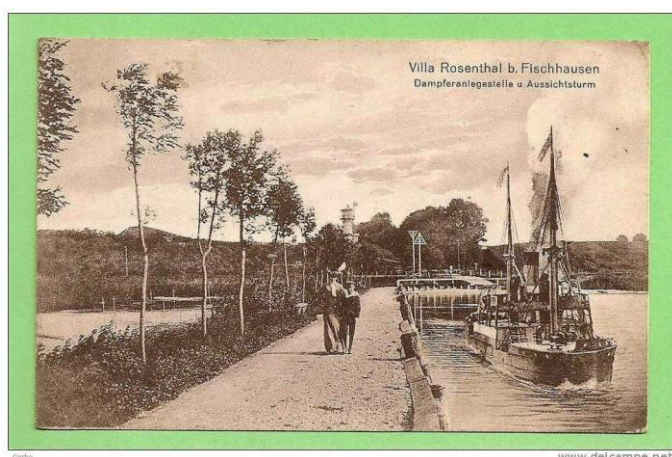
Коренной фишхаузенец, сын амтского писаря и внук городского писаря, рождённый в замке 17 июня 1702 года, профессор Кёнигсбергского университета и член Берлинской Академии наук Карл Генрих Раппольдт, оставивший после себя хорошую память не столько своими научными работами, сколько любовью к родине, выразившейся словом и делом, сообщает, что эта местность была прозвана стариками «прусским раем». А домашний учитель в домене Фишхаузен конца XVIII века Браун воспевает её красоту следующими словами:

«Да, этот край –
Бывший, конечно, рай:
Он с невинной четой распрощался,
Но змей-искуситель остался».

Священник Фишхаузена конца XVIII – начала XIX веков Шеффер красноречиво описывает яркое впечатление, которое производит на зрителя вид с самого прекрасного наблюдательного пункта, вершины Розенталя: «Внизу тихая, глубокая долина – перед нею вся шириною в мили поверхность распростёртого залива, где отражается каждое небесное облако, – через залив Бальга, Хайлигенбайль, Камстигаль, Пфундбуде, Лохштедт, далее Тенкиттен – и, когда совершаю прогулку тихим летним вечером и луна отражается на струящейся водной поверхности своим серебряным цветом, а соловьи играют на своих волшебных флейтах, то я не знаю, где бы могло быть для глаза и уха больше пищи, а также для сердца, так как взгляд с подобной возвышенности всё же вызывает такие своеобразные чувства! Как будто ощущаешь себя возвысившимся над мишурой тщеславия на этой земле».

От Розенталя, прекрасно расположенного, и от весьма часто посещаемого иностранцами, единственного в городе сада-ресторана ведёт на юг шоссе около Гардины (пограничный вал между Витландом и Замландом) и, минуя старый орденский замок, через Королевский лес на приморский курорт Нойхойзер, который удалён от Фишхаузена почти на 7 км и может быть достигнут за 10 минут езды по

железной дороге. Идя пешком от Розенталя на запад, за 40 минут попадаешь к находящемуся непосредственно у моря кресту Святого Адальберта, который был обнесён в 1897 году искусно сделанной оградой и, среди хорошо ухоженных скверов, является наиболее притягательным пунктом для иностранцев.

Положение города между заливом и морем является причиной того, что, кроме резких перемен погоды, средняя температура здесь приблизительно на 1° ниже, чем в Кёнигсберге. Вследствие преобладающих западных и северных ветров, которым местность открыта, растительность весной отстаёт в своём развитии на 8-10 дней по сравнению с материковой сушей. Напротив, постепенно охлаждающаяся вода смягчает температуру поздней осенью и зимой. Морозы наступают обычно лишь в конце декабря или в начале января. В целом положение города должно быть охарактеризовано как весьма здоровое».

Г. А. Шайба «История города Фишхаузен», к 600-летию города 1905 года. Опубликовано на сайте В. И. Болучевского <http://fishhausen.ru/book/8.htm#prgrf1>

1. Замок Фишхаузен.

«Ах, если бы чужая беда и несчастье делали нас мудрее,
мы, несомненно, были бы в большей милости у Бога!»

Симон Дах.

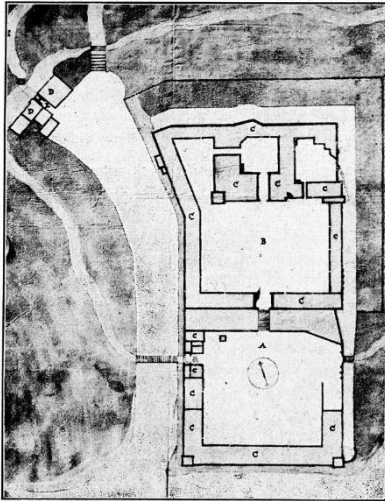
Скудные сведения имеет когда-то бывший один из крупнейших крепостных сооружений Пруссии древний епископский замок Фишхаузен, да и те появились не раньше начала XVII века, более ранние рассказы носили характер легенд, окутанных мраком таинственности.

Замок был построен в 1264 году вторым замландским епископом Генрихом фон Штриттбергом. Начало строительство

каменной крепости относится к 1285 году. Крепость едва ли отличалась в лучшую сторону от многих других орденских оборонительных сооружений того времени. Обожжённый кирпич являлся основным строительным материалом, тогда как природный камень, редко встречающийся в районе Фишхаузена, использовался вероятно, только в фундаментах. Внешние и внутренние стены сохраняли цвет обожжённого кирпича. Наружная сторона стен оживлялась как окнами, так и похожими на них нишами, а их проёмы – цветными пластинками. Кирпичи и строительный раствор изготавливались тщательно, поэтому стены пережили ряд столетий.

По сведениям Г. А. Шайбы из юбилейного издания 1905 года об истории города Фишхаузен, от зданий, которые некогда относились к епископскому замку, сохранились лишь остатки собора, курьерский дом и руины жилища епископа. Собор служил в качестве зернового амбара, курьерский дом превращён в жильё доменского арендатора, руины расположены в южной части амтского сада поблизости от гавани.

Как выглядел замок, никто не знает, так как до сих пор не найдено его достоверное описание или изображение.

Grundriß des Schloßes Fischhausen.
Nach einer Zeichnung von de Kemp aus dem Jahre 1608.
A und B Höfe. C Wohngebäude. D Mühle.
Nach einem Plan im Geheimen Staatsarchiv Berlin.

Об устройстве замка можно составить для себя относительно точное представление на основании сохранившихся планов. Для этого подходит в первую очередь рисунок, сделанный голландским инженером де Кемпом в 1603 году. По распоряжению курфюрста он объехал в это время Пруссию, чтобы подготовить предложения, касавшиеся повышения обороноспособности страны. Он пришёл к выводу, что «Фишхаузен с его замком имеет большое значение как ключ к стране». Де Кемп предложил дополнительное укрепление Фишхаузена путём сооружения вала шириной в 60 футов в основании.

Ansiicht des Schloßes Fischhausen
Nach einer Zeichnung von de Collos um 1700

Столетием позже состоявший на прусской службе английский инженер де Коллас начертил план с видом замка, причём независимо от шведского плана. Тем не менее, эти планы почти точно соответствуют друг другу. Согласно чертежу де Колласа, размеры крепости без валов и рвов, можно оценить приблизительно – 150 м в длину и 75 м в ширину.

Иоганн Михаэль Гизе в 1826-28 годах создал планы укреплений и замков, также набросал план и два эскиза замка Фишхаузен. Один вид Гизе изготовил по рисунку, собственности архивариуса Хеннига, который, как говорят, имел и описание замка. Другой вид Гизе скопировал с картины, висевшей в 1826 году в церкви Меденау и нарисованной в 1654 году. Вид замка, созданный Джоном де Колласом в 1713 году, можно лишь с трудом привести в соответствие с упомянутыми рисунками Гизе; помимо этого, он не согласовывается с планом. Он имеет цену фантастического изображения; так замок Фишхаузен не мог выглядеть в то время.

По сообщениям Шеффера, священника Фишхаузена конца XVIII – начала XIX веков, замок уже в 1797 году был в руинах.

Schloß und Stadt Fischhausen
Nach einer Zeichnung von C. S. Rappoldt aus dem Jahre 1725

Материал разрушившегося замка использовался во времена курфюрстов частично для расширения крепости Пиллау, частично – для строительства домов в слободе Фишхаузена. Курфюрст Фридрих III 8 августа 1697 года продал каменщику Иоганну Виллену построенный из материала старого замка дом перед въездом в замок за 300 марок.

В старину замок был укреплен с востока и севера валом, позади которого вдоль замка тянулся широкий ров. Последние следы вала ещё можно отыскать в виде холма в саду домена. Замковый ров был засыпан оберамтманом Герлахом. Укрепления и остатки стен с юга смыты до упомянутых руин в гавани. С запада замок был укреплен Мельничным ручьём и сильной стеной. Находившиеся с этой стороны жилые дома позднее были пристроены к стене.

При сносе одного из этих домов в 1901 году натолкнулись на фундамент стеной большой часовой башни. Любые сомнения можно было бы устранить раскопками фундаментов, сохранившихся после разрушения замка, по крайней мере, в начале XX века.

Намного труднее, при почти полном отсутствии наглядных рисунков, представить себе более или менее правильно внешний облик замка. Мериан в своей «Типографии», составленной в середине XVII века, называет его «возведённым из кирпичей обширным зданием, которое обтекает вода».

Plan der Befestigung des Schloßes und der Stadt Fischhausen durch die Schweden
Nach einem Plan im schwedischen Reichsarchiv in Stockholm

Как все крепостные сооружения времён ордена, замок Фишхаузен состоял из главного здания, или цитадели, и форбурга, расположенного впереди неё и превосходящего её в размерах. Ворота, снабжённые шведами защитной стеной, находились на месте Амтского моста. Форбург и цитадель соединялись проездом, проходившим под главным этажом капеллы.

Цитадель представляла собой четырёхстороннее замкнутое здание, его в сообщениях XVII века называют «старым» или «задним» этажом, там же упоминаются много больших залов. Комната больного Альбрехта Фридриха находилась в этом здании, как и богато украшенные разноцветными гербами курфюршерские покои вместе с другими жилыми помещениями.

Собор имел главное украшение крепости – высокую пятиэтажную башню с романской крышей. На башне были превосходные часы, она, наверное, стояла на возвышенности, непосредственно у Мельничного ручья – в одном акте ревизии от 1621 года её называют очень выцветшей и набитой льдом. В этом же акте говорилось и о других башнях у залива. На некотором расстоянии располагались две башни, в одной из них размещались

гостевой зал и летнее помещение, а во второй – пекарня и пивоварня. Часовая башня служила маяком кораблям, проходившим по заливу.

Окружавшие замок стены, в связи с оккупацией шведами части Замланда в 1629 году, усиленные контрфорсами, имели наверху бойницы. Заполненные водой рвы были уже к 1684 году частично заболочены, но в 1788 году замок ещё изображался со стенами и рвами вокруг, остатки которых были засыпаны в конце XIX – начале XX веков.

Через подвальные своды собора, которые были оборудованы для усадьбы арендатора, вёл проезд во внутренний двор замка. Воротные петли сохранялись до начала XX века. Этот проезд позволял сделать заключение, что собор относился к прочным сооружениям, которые в виде защиты окружали внутреннюю часть замка. Крытый, выложенный мозаикой проход связывал её с жилищем епископа. По сообщениям оберамтмана Герлаха, мозаичная мостовая была погребена под мусором на глубине около 1 м.

На начало XX века прежний храм внутри полностью разрушился, лестницу к кафедре и место поднятых хоров ещё можно сегодня опознать. После сооружения кафедрального собора в Кёнигсберге собор в Фишхаузене служил епископам Замланда и позже прусским герцогам в качестве домашней капеллы. Во времена курфюрстов духовенство городской церкви совершало в ней особое богослужение для прислуги фогта.

К убранству капеллы относился когда-то богато позолоченный образ Святой Марии и алтарь с искусной резьбой, остатки которого видел ещё Шеффер. В замке долго сохраняли кровать, на которой умер слабоумный герцог Альбрехт Фридрих, необычной длины, которую, как говорили, использовал один из епископов, она демонстрировалась на так называемом «старом этаже».

В замке Фишхаузен проводил свои заседания Береговой и Янтарный суд, основанный 21 ноября 1644 года Великим курфюрстом. В первое время суд состоял из государственного казначея и шести заседателей, а позже – из четырёх человек, и собирался по необходимости. Документы этого суда впоследствии оказались в Кёнигсбергском государственном архиве. Служебные помещения в замке были и у

городского суда, причем этот небольшой орган власти имел широкие полномочия. Тюрьма, вероятно, находилась в подвалах под капеллой. В замке размещался, так называемый, «дворянский суд». В 1705 году он состоял из писаря, вахмистра, двух комиссаров, привратника и шести членов магистрата, а позже был преобразован в службу юстиции домена.

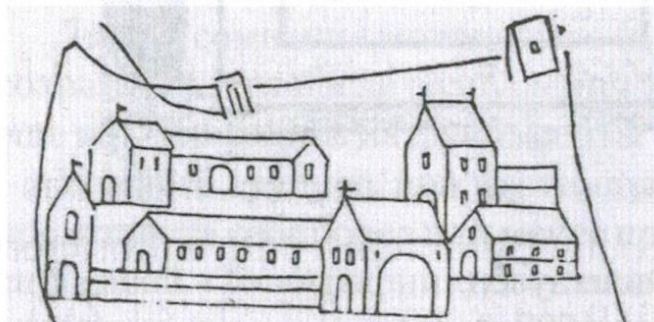
Свободная площадь перед капеллой была судебной площадью. Здесь когда-то пробегали переулком похитители янтаря, здесь же проводился высокий суд курфюрстовским фогтом, судьями и заседателями города. 20 февраля 1677 года здесь была обезглавлена Мария Шульцин за убийство своего ребёнка; 12 октября 1681 года была лишена жизни Анна Вихерн за такую же провинность. 26 июня 1682 года здесь была казнена Анна Хинцин, после того как её предварительно изорвали раскалёнными клещами. И тёмные суеверия повлекли за собой легенды об этих жертвах. На этой же площади были сожжены 14-летний мальчик из Кирпейнена в 1686 году и Клара Кляйнин из Компейнена в 1693 году за колдовство, после того как несчастные были принуждены к признанию своей вины мучительными пытками. С балкона амтсхауза властвовавшие персоны наблюдали за исполнением приговоров. Ещё в конце XVIII века к воротам замка были прикреплены цепи, которыми приковывались преступники за шею, грудь и руки.

В XVI – XVII веках часто сообщали о ветхости сооружений замка, в это время были обновлены все крыши. 13 июля 1666 года тогдашний бранденбургский наместник в Пруссии Радзевил сообщил курфюрсту: «Здания в амте Фишхаузен очень нуждаются в ремонте, в особой опасности находится арсенал, где лежит большое количество пороха. Так как в Фишхаузенском лесу нет пригодной строевой древесины, таковую можно было бы выделить из Капорнского бора».

Народная молва вплоть до первой половины XX века применяла название «амт» к остаткам бывшей крепости.

Изначально важная роль Фишхаузена была исчерпана, расцветавший Пиллау превзошёл его.

Замок в 1638 г.

Георг Вильгельм и Великий курфюрст ещё посещали Фишхаузен, чаще всего в связи с охотой: леса на западе Замланда были излюбленными охотничьими угодьями. И курфюрст Фридрих III, будущий король Пруссии Фридрих I, много раз приезжал в Фишхаузен на охоту, однако повелел без всякой пощады снести хорошо знакомый ему замок.

Переговоры об этом велись с 1697 года, а сразу после вступления на престол в 1701 году король Фридрих I приказал снести части замка, которые больше не использовались, а строительные материалы применить для строительства крепости Пиллау. Граждане Фишхаузена, вместе с тогдашним фогтом фон Валленродтом, попытались предотвратить это, обратившись к королю с прошением, но он не отменил свой приказ, а в 1705 году даже расширил его, указав, чтобы были снесены все здания, в которых не было абсолютной необходимости.

На долю королевского архитектора фон Унфрида выпала печальная задача руководить сносом, который был почти завершён к концу 1705 года, потом работы велись только в часовой башне, откуда надеялись получить 100 тысяч кирпичей.

Часы, в то время единственные в Фишхаузене, перенесли с этой башни на одну из двух боковых башен капеллы, которую фон Валленродт смог сохранить от сноса. Но 18 июля 1776 года часовая башня была разрушена молнией.

К началу XX века от капеллы наряду со стенами, которые могли бы прослужить столетия, хорошо сохранились великолепные подвальные помещения, пригодившиеся для молочного производства в домене. Главный этаж стал хозяйственным складом.

В XVII веке путешественники ещё любовались прекрасной резьбой по дереву и портретами герцогов в этом храме. В конце XVIII века существовали остатки алтаря, а также много было религиозных книг, в том числе одна книга о святой Елизавете Тюрингской, однако потом всё исчезло. Сиденья и шведские плитки пола попали отсюда в городскую кирху.

Капелла, вместе с соседними старым жилым зданием, в качестве историко-архитектурного памятника подлежала охране со стороны прусского министерства сельского хозяйства.

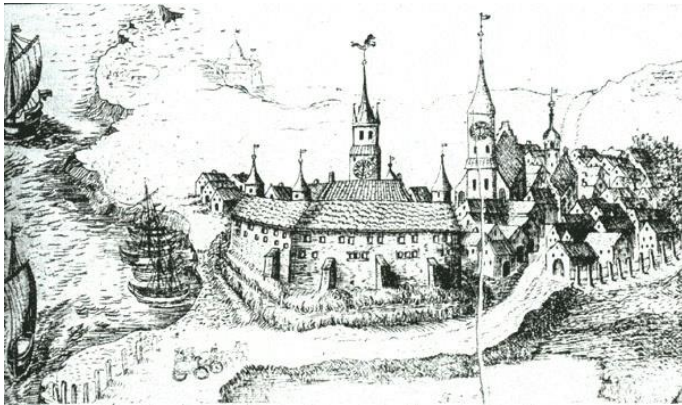

Это строение, видевшее последние атаки восставших замландцев, бывшее в течение двух веков епископским храмом, а потом домашней капеллой прусских герцогов, где венчался герцог Альбрехт и произошло крещение родоначальниц прусской, саксонской и мекленбургских династий, заслуживало охраны и восстановления.

Оскар Шлихт считал, что это должно было стать задачей общественности, городских властей и государства. Но... восстановление капеллы так и не произошло...

По материалам работ Оскара Шлихта и Г. А. Шайбы об истории города Фишхаузен.

2. Фишхаузен

Задолго до завоевания Орденом Замланда, в 1243 году территория полуострова была поделена: две трети предназначались для Ордена, одна треть – для церкви. В 1252 году папа назначил брата Ордена Иоанна Дитриха первым епископом Замланда, но тот не занял свой пост, потому как стал епископом Любека в 1254 году.

Фишхаузен стал резиденцией епископов Замланда лишь при втором самбийском епископе Генрихе фон Штриттберге. В 1264 году епископу фон Штриттбергу с большим трудом удалось получить от Ордена земли у северного берега залива Фришес-Хафф (совр. Калининградский залив) с обширной, но мелководной бухтой Шоневик в районе будущего Фишхаузена, присвоенные рыцарями вопреки предыдущим договорённостям, в обмен на землю у пролива в районе замка Лохштедт.

Еще до прихода ордена на этом месте существовала большая рыбацкая деревня Шоневиц. Название происходило от имени знатного прусса Шоневике, владевшего этими землями, а не от словосочетания «die schöne Bucht», указывающего на живописное расположение населённого пункта в изгибе Фишхаузенской бухты. Прусский дворянин Шоневике яростно поддерживал Орден рыцарей. Однако во время прусского восстания видный вождь коренного населения становится последовательным противником Ордена. Поэтому после подавления великого прусского восстания, владения Шоневика были изъяты, все его привилегии были отменены, о нём и его семье следы в истории потерялись.

В 1266–1268 годах на берегу залива, в устье небольшой речушки, епископ построил деревянный замок, окруженный рвом с земляным валом. Этот замок стал резиденцией епископа Замланда, после 1269 года его отстроили в камне и до 1523 года оставался собственным церковным замком епископства.

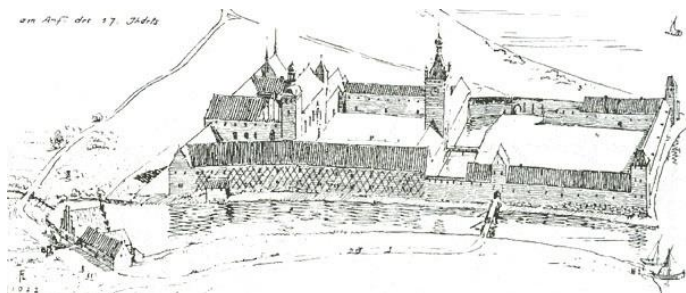

В 1268 году в замке обосновались пятеро выходцев из Нижней Саксонии — Людвиг, Луперт, Аполлониус, Иоганн Хобант и Вернер Шварц; каждый из них получил по одному городскому лену, взяв на себя обязательство жить при крепости и в случае необходимости участвовать в ее обороне.

Тот факт, что обе стороны столь настойчиво претендовали на эту территорию, мог объясняться предполагаемыми крупными залежами янтаря в окрестностях Фишхаузена. Местопребывание образованного 1 января 1285 года Соборного Капитула было перенесено в Фишхаузен в 1294 году, но в 1302 году Капитул снова вернулся в Кёнигсберг, где получил разрешение на строительство Кафедрального собора в 1333 году на территории Кнайпхофа.

Уже в начале 14 века была построена крепость. После 1320 года задокументирована как «Castrum Vischhausen». Название не имеет ничего общего с рыбалкой.

7 апреля 1299 года третий самбийский епископ Зигфрид фон Райнштайн (Регенштайн) из гор Гарц заключил договор с четырьмя выходцами из Штральзунда, взявшими на себя обязательство основать здесь город с Кульмским правом. Для этих целей они должны были заниматься вербовкой колонистов из Германии, так как основным населением Шоневика являлись пруссы, а требовались специалисты в различных областях деятельности. Характерно, что местное прусское население имело такие же права и обязанности, как и прибывшие немецкие переселенцы.

В итоге 19 августа 1305 года епископ подписал документ, согласно которому поселок у замка Шоневик получал городское право. Первым, кто возглавил управление городом, стал Берnardус де Барте — один из четырех штральзундцев.

Со временем название Шоневиз преобразовалось в Бишовесхузен/Бишофхаузен – «Епископский дом», Бишхузен, Фишхузен, а затем в Фишхаузен. Согласно другой версии, сомнительно, что название происходит от Бишофсхаузена. В 1306 году город назывался «Выщюзин», от которого должно было произойти имя Фишхаузен при епископе Якобе фон Кульм (1344–1357).

Вместе с городскими правами Фишхаузену был пожалован герб: в голубом поле щита епископский посох перекрещивается с мечом орденового рыцаря (замландский герб), под ними располагалась рыба головой вверх.

В 1315 году была построена городская церковь.

После 1309 года Фишхаузен получил право варить пиво. На 26 участках были расселены рыбаки, которые получили соответствующие права на рыболовство, согласно которых имели наследственное право, разрешающее ловить рыбу, а также сдавать своё право в аренду. В городе прежде всего развивались производство кирпича и рыбная ловля; торговля ограничивалась хлебным рынком, существовала также ярмарка местного значения.

С 1436 года город стал именоваться Фишхаузен – «Рыбный дом».

В период Тринадцатилетней войны (войны городов 1454 – 1466 гг.) Фишхаузен оказался в центре военных событий. Фишхаузен примкнул к Союзу городов, а после интервенции наёмного войска под командованием графа Ханса фон Гляйхена в 1455 году снова перешёл на сторону Ордена. Вместе с Лохштедтом (совр. пос. Павлово Балтийского муниципального района) он временно служил опорным пунктом в боевых действиях орденского войска под командованием верховного маршала Генриха Ройс фон Плауэна против Кнайпхофа. Фишхаузену постоянно приходилось отражать нападения со стороны Данцига, совершавшиеся через косу Фрише-Нерунг (совр. Балтийская коса) и залив.

Так, в 1456 году прибывшие на кораблях из Данцига войска союзников Польши осадили Лохштедт. Утром следующего дня неожиданно подвергся нападению Фишхаузен. Город был разграблен и опустошен. Подошедший вскоре из Кёнигсберга орденский отряд полностью уничтожил вражеский десант.

В 1459 году на город было совершено нападение со стороны Браунсберга (совр. Бранёво, Польша), однако все атаки были отражены.

1462 году Орден осадил город Фрауэнбург. Чтобы напугать осаждающих, отряд наемников из Польши, Гданьска и Эльбинга, переправившись через залив, незаметно разместился под Фишхаузеном и захватил город в свои руки. Ратуша, церковь и городские дома были разграблены, а когда наемники поссорились из-за добычи, то капитаны подожгли и сожгли всё, чудом уцелели кирха и замок, и затем сбежали на своих кораблях. Фишхаузену потребовалось много времени, чтобы прийти в себя.

Невзирая на все бедствия, жизнь в Фишхаузене продолжалась. В 1475 году епископ Йоганнес III Рэвинкель подтвердил документ об основании города и городские привилегии от 1413 года, согласно которым горожане имели право бесплатно пользоваться строительным материалом из окрестных лесов, которые в результате исчезли.

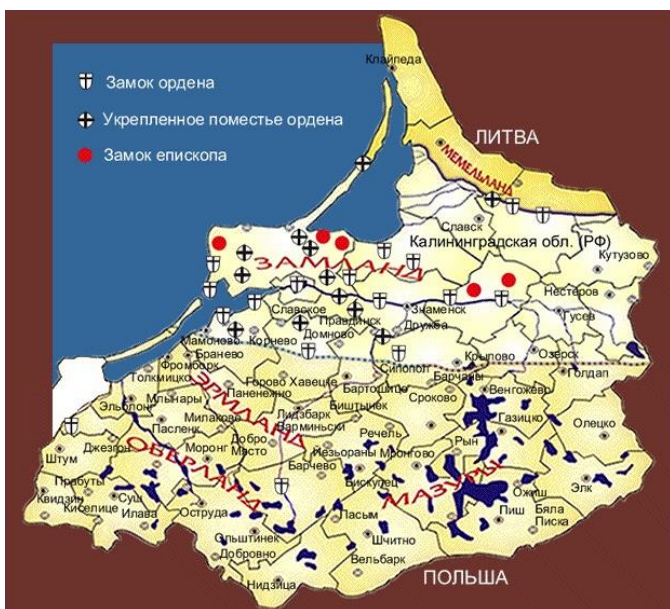
Для жителей города, расположенного у залива, было крайне важно иметь разрешение на рыбную ловлю. Местная администрация с благосклонностью предоставляла такое право, определяя, правда, границы лова — не далее ручья Меденаубах, позднее переименованного в Лаукефлис.

Источник: сайт <http://www.ostpreussen.net/>

3. Роли личностей Фишхаузена в истории Пруссии

С 1522 года Фишхаузен был резиденцией епископа Георга фон Поленца, о котором мы успели немного рассказать на наших страницах в социальных сетях, освещая маршрут и деятельность проекта в Гвардейском районе

https://www.facebook.com/pg/HistoryK39/posts/?ref=page_internal https://vk.com/wall-168806484_644

Георг фон Поленц – первый протестантский епископ христианского мира и последний епископ Замланда – принял решение о передаче епископства во владение герцогу Альбрехту. Поленц первым ввёл «в штат» переводчиков, которые читали молящимся текст латинских проповедей по-немецки и по-пруски. Со всею сердечностью принял в Пруссии в сентябре 1523 года посланника Лютера Йоханнеса Брисмана, который 27 сентября выступил в Кёнигсбергском соборе с первой евангелической проповедью. Проповедь епископа Георга

фон Поленца на Рождество 1523 года отчетливо показала его переход к реформатской вере, в том числе и читателям многочисленных оттисков проповеди за пределами Пруссии. Его «Реформационный мандат» от 28 января 1524 года, которым он ввел использование немецкого языка в обряде крещения, что открыло аналогичную перспективу и для других языков в стране. Он также рекомендовал читать сочинения Лютера.

Тем временем Фишхаузен перестал быть резиденцией епископа, но через некоторое время стал одной из любимейшей летней резиденцией герцога. После секуляризации Тевтонского ордена в том же 1525 году епископ Замланда Георг фон Поленц отказался от епископства и перенес свою резиденцию в Нойхаузен (ныне город Гурьевск), а замок Фишхаузен стал собственностью государства. Осенью Поленц переехал в пожалованную ему герцогом Альбрехтом крепость Бальга.

А с 1525 года в Фишхаузене размещалось управление земельными территориями Земландского полуострова.

В 1525 году во время восстания крестьян за стенами замка укрывалась знать Замланда. Герцог Альбрехт, как известно, подавил это восстание, а после перепуганная восточно-прусская знать разъехалась по своим родовым поместьям.

Ряд событий в истории Фишхаузена связан с именем герцога Альбрехта.

Первого июля 1526 года в Замковой капелле Фишхаузена герцог Альбрехт обвенчался с датской принцессой Доротеей, дочерью короля Дании и герцога Гольштейна. О любовной истории первого герцога с принцессой датской мы поведали на наших страницах, рассказывая о замке Лабиау

<https://www.facebook.com/HistoryK39/posts/356688201710075>
https://vk.com/historyk39?w=wall-168806484_208

Альбрехт с семейством скрывался в Фишхаузене – «прусском раю», от вспыхнувшей эпидемии чумы, полагая, что здешний чистый воздух «развеет» заразу. В 1527 году здесь родилась первая дочь герцога Альбрехта и герцогини Доротеи – Анна-София, в 1555 году вышедшая замуж за герцога Мекленбургского и ставшая, таким образом, родоначальницей обеих мекленбургских правящих династий. В 1529 году в стране снова свирепствовала чума, а герцогиня Доротея ожидала в Фишхаузене родов...

Немного о Доротее...

Доротея была дочерью герцога Фридриха Голштинского и Анны Бранденбургской. После того, как в 1523 году её отец стал королём Дании, был предложен проект её брака с герцогом Ричардом де ла Полем, претендентом на престол Англии, последним из Йоркской династии. Этот проект поддерживал французский король Франциск I, но из него ничего не вышло.

В 1525 году поступило предложение о браке из новообразованного герцогства Пруссия. Брак был организован немецким канцлером её отца Вольфгангом фон Утенхофом, в феврале следующего года объявлена дата бракосочетания.

В июне 1526 года Доротея прибыла в Кёнигсберг. Пока на датском престоле царствовали её отец и её брат, Доротея обеспечивала хорошие отношения между королевством Дания и герцогством Пруссия. Альбрехт и Доротея поддерживали активную переписку с Кристианом III, служили его политическими советниками и присутствовали при его коронации в Копенгагене в 1537 году, были крёстными родителями племянника Доротеи — Шлезвиг-Гольштейн-Зондербургского герцога Ганса II.

Доротея скончалась в 1547 году. В Кёнигсбергском соборе был поставлен памятник в её честь. Немного о надгробной скульптуре Доротеи мы рассказали на наших страницах в социальных сетях во время работы в Полесском районе, рассказывая о замке Лабиау

<https://www.facebook.com/HistoryK39/posts/357942021584693> https://vk.com/historyk39?w=wall-168806484_212

Здесь же в Фишхаузене в 1553 году родился и наследник трона Альбрехт Фридрих, позже обвенчавшийся в замковой капелле с Марией Элеонорой Юлих-Клевской. В результате этого брака Гогенцоллернам достались плодородные рейнские земли, принадлежавшие семье Марии Элеоноры. Позже Фишхаузен стал резиденцией сына Альбрехта от Анны-Марии Брауншвейгской – герцога Альбрехта Фридриха, и его жены Марии Элеоноры. Герцог Альбрехт Фридрих постоянно жил в Фишхаузене вместе с женой.

Мария Элеонора — старшая дочь Вильгельма Богатого от его второго брака с Марией Австрийской. Она родилась 16 июня 1550 года в Клеве. В 1573 году её выдали замуж за герцога Пруссии Альбрехта Фридриха. Брак был организован советниками герцога.

В 1592 году Мария отправилась с двумя дочерьми в Юлих, чтобы заявить права старшей из них на наследство отца, поскольку её брат, Иоганн Вильгельм, унаследовавший герцогство Юлих-Клеве-Берг после смерти отца, был бездетным. Одновременно она хотела обеспечить замужество дочерей, желая найти им достойных мужей.

В итоге ей удалось выдать старшую дочь за будущего курфюрста Бранденбурга Иоганна Сигизмунда, благодаря чему тот в будущем унаследовал Пруссию и часть Юлиха-Клеве-Берга.

Старшая дочь герцога Пруссии Альбрехта Фридриха и Марии Элеоноры Анна венчалась в Кёнигсберге 30 октября 1594 года с маркграфом Иоганном Сигизмундом, мать которого предупреждала сына, что невеста не отличается особой красотой. Брак был заключён по расчёту в обеспечение бранденбургских претензий на герцогство Пруссию. В браке родилось восемь детей, из которых трое умерло в раннем возрасте. Брак имел территориально-политическое значение, поскольку Анна как племянница последнего клековского герцога Иоганна Вильгельма рассматривалась прусскими Гогенцоллернами наследницей объединённых

герцогств Юлих-Клеве-Берг, а также графств Марк и Равенсберг.

Анна превосходила своего супруга в политическом и интеллектуальном плане. Кроме того, она обладала железной волей и отличалась темпераментностью. Когда у курфюрста начинались запои, супруга била о его голову тарелки и стаканы. Она создала собственные дипломатические связи и сама выступала представителем своих интересов наследницы на западе. Ей принадлежали планы раздела спорных территорий, она сама вела переговоры с конкурентами из Пфальца. Во время Ютеборгского съезда 1611 года она принимала заключение совета. В 1612 году в обеспечение своих интересов она отправила к императору Матвеею собственного посланника.

В конце наследного спора по поводу юлих-клековского наследства Гогенцоллерны были вынуждены поделить наследство с Пфальцем-Нейбургом. Тем самым земли Рейнской области и Вестфалии впервые отошли к курфюршеству Бранденбург.

После перехода супруга в кальвинизм Анна выступила защитницей лютеранского населения. Протесты и ходатайства по большей части направлялись на её имя. Своей настойчивостью в посещении лютеранских служб она внесла вклад в утверждение лютеранского вероисповедания. Она поддерживала тесные связи с курфюршеством Саксония, центром лютеранской ортодоксии.

После перехода титула курфюрста к сыну Георгу Вильгельму Анна сохранила своё обширное влияние. Она выступила противницей Габсбургов и выдала свою дочь Марию Элеонору за короля Швеции Густава Адольфа, не предупредив об этом своего сына, и тем самым с самого начала нанесла удар по авторитету и международному имиджу курфюрста. Анна вновь поставила цель укрепить претензии Бранденбурга на прусский трон, что было крайне рискованным шагом, поскольку Пруссия в это время вела войну с Польшей, которой подчинялась Пруссия.

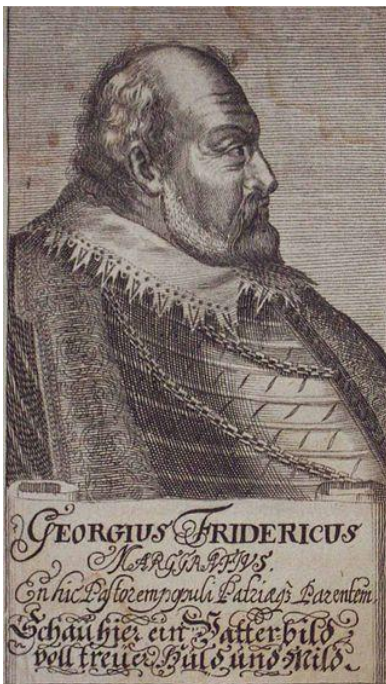

Анна Прусская похоронена в Кёнигсбергском Кафедральном соборе.

Но вернёмся в Фишхаузен, который поставлял зерно и деньги на содержание созданного Альбрехтом в 1544 году Кёнигсбергского университета.

После смерти герцога его душевнобольной сын Альбрехт Фридрих до своей кончины жил в замке Фишхаузен. О бытовавшем мнении, что прусский

герцог Альбрехт II Фридрих был психически болен, несколько ниже приводим исследовательскую работу С. Ястера, психиатра нейрохирургической клиники города Гёрлиц (Германия) с новыми фактами на эту тему.

В 1578 году Георг Фридрих становится регентом и опекуном больного Альбрехта Фридриха. По некоторым сведениям, сначала его болезнь представляла собой всего-навсего склонность к меланхолии. Развеять которую юному Альбрехту Фридриху помогала охота на зайцев. Днём он травил зайцев в особом Заячьем загоне. По вечерам и в ненастную погоду точил какие-то странные детали на токарном станке. И никогда не засыпал без длительного убаюкивания. Поговаривали, что для него в зале замка была сконструирована специальная кровать, типа большой колыбели... 27 августа 1618 года Альбрехт Фридрих умер. Тело его было погребено в соборе в Кёнигсберге, но памятник на могиле герцога-«безумца» ставить не стали...

Иоганн Сигизмунд, став герцогом Пруссии сразу же после смерти Альбрехта Фридриха, в 1618 году объединил Пруссию с Бранденбургом и перенёс столицу из Кёнигсберга в Берлин.

По материалам работ Г. А. Шайбы «История города Фишхаузен», изданной в 1905 году и Оскара Шлихта.

4. Б. ЙЕНИГ. «ЗНАЧЕНИЕ КЁНИГСБЕРГА ДЛЯ ПРИНЯТИЯ И РАСПРОСТРАНЕНИЯ РЕФОРМАЦИИ В ПРУССИИ».

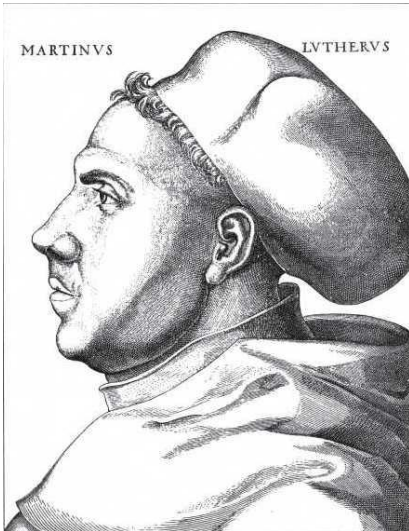
Альбрехт фон Бранденбург-Ансбах, Великий магистр Тевтонского ордена, в поисках помощи в противостоянии с Польшей приобрел опыт переосмысления христианского вероучения, что подвигло его при содействии Мартина Лютера и двух епископов, ставших протестантами, провести Реформацию в стране Тевтонского ордена с ее секуляризацией. Направленные на это различные меры включали использование немецкого, польского и литовского языков.

В 1457 г. Кёнигсберг стал главным городом Пруссии, городом резиденцией главы Тевтонского ордена, располагался он в восточной части Пруссии, которая осталась под властью ордена, после того как война против Прусского союза и Польши — Литвы (1454—1466) была им проиграна. До этого Кёнигсберг как место пребывания Верховного маршала был вторым по значению политическим центром орденского государства. Свое становление как духовный центр Кёнигсберг начал, когда в одном из его городов на долгое время обосновался пусть не епископ одного из четырех прусских епископств, а именно Замланда, но все же соборный капитул. Здесь не без участия орденского управления возведен Кёнигсбергский собор (строился с 1330-х гг.), крупнейший собор в стране Тевтонского ордена. Уже в дореформационное время Кёнигсберг ввиду присутствия соборного капитула, инкорпорированного в Тевтонский орден, и конвента в крепости Тевтонского ордена имел в интеллектуальном смысле трансрегиональное значение.

Со времен Реформации мы говорим о «национальной церкви», потому что ее развитие началось именно в это время. Ведь средневековая церковь понималась еще как универсальная церковь, она была разделена на церковные провинции и епархии, границы которых не обязательно совпадали с политическими границами.

1. Пруссия накануне Реформации. Период правления Великого магистра Альбрехта фон Бранденбург-Ансбах.

В Пруссии тоже возникла национальная церковь — и дала Кёнигсбергу новое и большее значение как внутри страны, так и за ее пределами. Гёттингенский историк церкви Пауль Чаккерт, который в 1884—1889 гг. преподавал и занимался научными исследованиями в Кёнигсберге, писал в статье «Герцог Альбрехт как деятель Реформации»:

«В регионе, где под влиянием Лютера началась Реформация, мы встречаем на далеком востоке национальную церковь столь уникального характера со столь многими выдающимися личностями, что, пожалуй, стоит уделить ей особое внимание: это церковь орденовой страны Пруссии». Особое внимание необходимо уделить ей еще и потому, что новейшая биография Лютера (Х. Шиллинг) лишь коротко упоминает Альбрехта как «почитателя Лютера», а новейшая подробная история Реформации (Т. Кауфман) затрагивает герцогство Пруссия только в связи с вопросом о епископах, о котором мы еще будем говорить. Когда маркграф Альбрехт фон

Бранденбург-Ансбах в 1511 г. был избран Великим магистром Тевтонского ордена, ему была подчинена только оставшаяся во владении ордена в 1466 г. менее ценная восточная часть страны; кроме того, он должен был присягнуть королю Польши. Как и его непосредственный предшественник Фридрих фон Заксен, он попытался избежать этого. Попытка освобождения в ходе «Войны всадников» 1519—1521 гг. не удалась, но он получил четыре года перемирия для поиска решения. От императора и империи он и орден не дождался никакой значимой поддержки, только обещания, облеченные в красивые слова. Таковы были предпосылки превращения «политика» Альбрехта в «богослова» с сохранением за ним и роли суверена. Осенью 1522 г. он прибыл на свою франконскую родину в Нюрнберг, где проходил рейхстаг. Там он услышал проповеди богослова Андреаса Осияндера, уже находившегося под влиянием Лютера. Они, как позже заявлял Альбрехт, и привели его к изменению образа мыслей. В июне 1523 г. Альбрехт предпринял первую попытку контакта с Виттенбергским реформатором, чтобы обсудить с ним возможность реформирования ордена, что из дипломатических соображений можно было сделать только тайно. Личная встреча в Виттенберге случилась только в конце ноября, прошла она с участием богословов Филиппа Меланхтона и Пауля Сператуса.

Визит князя из имперского княжеского дома был экстраординарным событием и для реформаторов. Ответ Лютера на обсуждавшиеся вопросы мы находим в опубликованном им в декабре 1523 г. сочинении «К господам Тевтонского ордена, о том, что надлежит им избегать ложного целомудрия и стремиться лишь к истинному целомудрию в супружеской жизни», в котором он советовал преобразовать орденовое государство в Пруссии в светское княжество.

За время отсутствия Великого магистра идеи Реформации достигли Пруссии. Чтобы удержать в своих руках решение связанных с этим «политических» вопросов, Альбрехт должен был действовать энергично.

Его доверенным лицом в орденской стране был Георг фон Поленц, с 1519 г. епископ Замланда, который во время долгого отсутствия Альбрехта был регентом в Пруссии. Он тоже был убежденным сторонником Реформации и со всею сердечностью принял в Пруссии в сентябре 1523 г. посланника Лютера Йоханнеса Брисмана, который 27 сентября выступил в Кёнигсбергском соборе с первой евангелической проповедью. Вероятно, Великий магистр сам призвал его сделать это. Проповедь епископа Георга фон Поленца на Рождество 1523 г. отчетливо показала его переход к реформатской вере, в том числе и читателям многочисленных оттисков проповеди за пределами Пруссии. В следующем году он все еще в отсутствие Великого магистра предпринял дальнейшие действия, призванные способствовать делу Реформации. В частности, следует отметить его «Реформационный мандат» от 28 января 1524 г., которым он ввел использование немецкого языка в обряде крещения, что открыло аналогичную перспективу и для других языков в стране. Он также рекомендовал читать сочинения Лютера.

После того как в 1524 г. все переговоры ордена с императором и империей, в том числе и на заседаниях рейхстага, о помощи в противостоянии с Польшей не увенчались успехом, осталась только возможность политического договора с польским королем. Посредниками в этом стали герцог Фридрих II Лигницкий и маркграф Георг фон Бранденбург, брат Альбрехта. У польских магнатов мнения были разные, но ввиду близкого родства Альбрехта с королем Сигизмундом I теплилась надежда на установление мира по северной границе. Мирные переговоры в Кракове закончились 8 апреля 1525 г., а 10 апреля последовала инвеститура Альбрехту

герцогства Пруссия. Снятие орденского плаща было предусмотрено уже в договорных документах, введение Реформации не было предметом договора. Таким образом Альбрехт достиг того политического положения, которое делало возможным дальнейшее развитие национальной евангелической церкви, центром которого стал Кёнигсберг.

2. Епископы или консистории

Значительными фигурами начального периода становления национальной евангелической церкви в Пруссии были епископы Георг фон Поленц в Замланде и Эрхарт фон Квайс в Помезании. Последний был избран на вакантное место епископа соборным капитулом в Мариенвердере в 1523 г. по настоянию Великого магистра Альбрехта. Ученый-юрист был до того канцлером герцога Фридриха II Лигницкого; он также вступил в Тевтонский орден.

В его лице Альбрехт приобрел человека с реформатскими убеждениями. Это стало особенно очевидным, когда он к 1 января 1525 г. издал для своей епархии Реформационный эдикт «*Themata episcopi Risenburgensis*». Пруссия оказалась уникальной в том, что Реформацию здесь инициировали два епископа, в то время как Великий магистр, то есть верховный правитель страны, находился вне ее пределов. Ничего подобного больше нигде в империи не случилось.

Успешная реформаторская деятельность обоих епископов и других протестантских проповедников в Кёнигсберге не мешали новоиспеченному герцогу осуществлять из Кёнигсберга высшее руководство также и делами церкви. Это началось в мае 1525 г. с присяги не только сословий, но и обоих

епископов и прежних братьев Тевтонского ордена, которые за исключением шести рыцарей способствовали политическим и церковным изменениям. Епископов Альбрехт рассматривал как государственных чиновников, так что после смерти Эрхарта фон Квайса на место епископа Помезании он продвинул в 1530 г. придворного проповедника Пауля Сператуса. Таким образом, впервые в Пруссии должность епископа занял богослов (и не юрист). Он, как увидим позже, сделал очень много для развития евангелической церкви в Пруссии, при том что его официальная резиденция как Помезанского епископа находилась не в Кёнигсберге.

Замландский епископ Георг фон Поленц умер 28 апреля 1550 г., помезанский епископ Пауль Сператус — 12 августа 1551 г. По примеру Виттенберга, где в 1539 г. для саксонского курфюршества была создана первая консистория как надзорный церковный орган, состоящий из богословов и юристов, Альбрехт стремился сделать это и в герцогстве Пруссия. Прусские сословия же были заинтересованы в том, чтобы сохранить оба епископских места как противовес государю. Более полутора десятилетий Альбрехту удавалось избегать новых назначений. Только смута 1566 г., возникшая из споров о поддержанной герцогом доктрине Андреаса Осияндера, которые ввиду возрастной слабости Альбрехта уже не могли быть разрешены внутри страны и имели своим следствием вмешательство представителей польского короля, позволила сословиям вновь добиться назначения епископов.

Уже в октябре 1566 г. сословия выдвинули кандидатуры Георга Венедигера и Йоахима Мёрлина, которых после переговоров с ними назначили на должности епископов Помезании и Замланда. После того как в 1587 г. умер Йоханнес Виганд, епископ Помезании (с 1575 г.), который в личной унии (с 1577 г.) должен был присматривать и за епископством Замланд, новые епископы не назначались. Ведь после смерти Альбрехта в 1568 г. герцог Георг Фридрих ввел по примеру других территорий консисториальный порядок.

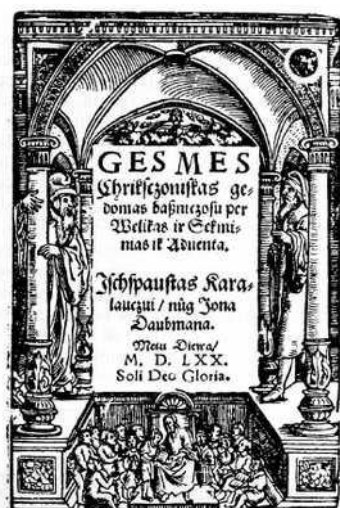
3. Церковное законодательство, синоды и визитации

Из Кёнигсберга, резиденции светской власти герцогства Пруссия, был дан импульс реформам церковной жизни, проводившимся под надзором и контролем. Это стало продолжением многовековой практики, когда лица, облеченные доверием обычно духовного главы, посредством церковных собраний, именуемых синодами, и инспекторских посещений (визитаций) церковных учреждений содействуют развитию церковной жизни. После того как средневековое, а затем и римско-католическое каноническое право практически были лишены силы, в герцогстве, как и в других местах, суверен и сословия разработали новые своды правил, а именно Земельные уложения со специальными разделами,

касающимися церковной жизни, и особые церковные уложения. Уже в первом церковном уложении герцогства Пруссия от декабря 1525 г., за содержание которого в первую очередь были ответственны оба епископа, были предусмотрены ежегодные синоды и визитации, для того чтобы проводить в жизнь единые формы богослужений и проповедей «чистого учения». Полномочия и инструкции к первой евангелической визитации на немецкой территории вообще, то есть еще до того как в 1527/28 гг. прошли визитации в курфюршестве Саксония, получили 31 марта 1526 г. Пауль Сператус и бывший рыцарь Тевтонского ордена Адриан фон Вайблинген. В девяти пунктах были расписаны задачи визитаторов. Большинство этих пунктов касалось содержания и обеспечения пасторов и их церквей. В том, что касалось форм богослужения, пасторы должны были придерживаться недавно принятого церковного уложения. Им полагалось также пройти проверку на предмет «как они проповедают Слово Божье и действуют». Пасторов, не готовых воспринять поучения, надлежало заменять.

Визитация 1526 г., которая, предположительно, не была завершена, побудила герцога Альбрехта 24 апреля 1528 г. вновь направить мандат на визитацию всех церквей герцогства двум епископам. Предусмотрены были «проверка обучения пасторов, введение должностей архипресвитеров, проведение ежеквартальных синодов в приходах... содержание звонарей» и другое. Во «второй визитации», как она значится в актах, было не только заявлено, но и предпринято исследование церквей Натангии, то есть общин, прежде относившихся к средневековой епархии Эрmland. Поручено сие было Георгу фон Поленцу и придворному проповеднику Паулю Сператусу. Визитаторы переписали имущество церквей и составили инвентарные книги; были названы церкви для будущих архипресвитеров. Пасторов по необходимости обеспечили «Церковью Благочестия» Лютера как руководством по проповедованию.

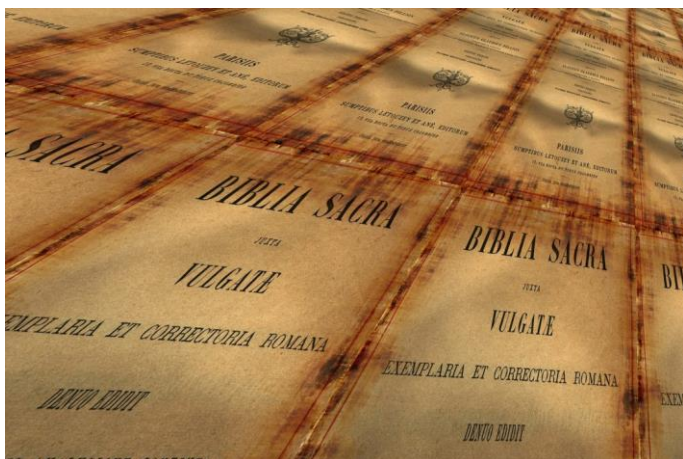

Опыт визитаций в эти ранние годы побудил герцога уже 5 июля 1529 г. приказать обоим епископам проводить синоды и визитации ежегодно. «Вера, учение, матримониальные вопросы и другие чрезвычайно важные действия, которые пасторам исполнять было опасно и сложно», должны были стать их предметами. Синоды смогли провести уже 2 февраля 1530 г. для замландских пасторов в Кёнигсберге, 16 февраля для

мазурских пасторов в Растенбурге (ныне Кентшин, Польша) и 7 марта для помезанских пасторов в Мариенвердере (ныне Квидзын, Польша). А 12 мая 1530 г. в Кёнигсберге состоялся синод для пасторов всех приходов с участием обоих епископов. Неизвестны какие-либо документы от этих собраний, кроме фрагмента «Синодального евангелического уложения прусских епископов Помезании и Самбии» («*Episcoporum Prussiae Pomezaniensis atque Sambiensis Constitutiones synodales evangelicae*»), предложенного епископами на первый кёнигсбергский синод как основы реформатского учения. Это сочинение служило для подготовки духовенства. Предшествовавшие визитации показали, что в стране по-прежнему бытовали многие обычаи из дохристианских времен. Напечатано это сочинение, скорее всего, не было, так как 25 июня 1530 г. рейхстаг принял «Аугсбургское исповедание» («*Confessio Augustana*») как официальное изложение вероучения всех лютеранских сословий, печатать же особый прусский вероучительный трактат — даже если он и был создан раньше — стало делом излишним.

И после синодов 1530 г. визитации были необходимы. Так Сператус 31 января 1538 г. жаловался герцогу, что «люди во всех церковных приходах в большинстве своем не знают, во что они верят. Они не посещают церковь. Официальные лица, которые должны поощрять их к этому, сами не ходят в церковь. Людей, конечно, невозможно принудить к вере, но должно заставлять их ходить в церковь. Также нужны обновленные предписания против осквернения воскресенья. Многие не исполняют десятину, другие только частично». Такие жалобы поступали в сословные собрания и нашли свое следствие в Земельном уложении 1540 г. Визитации дали ясно понять и церковникам, и герцогу, что со времен Средневековья миссионерское проникновение в население все еще не вполне удалось. Правителю страны и ее церковному руководству еще многое нужно было сделать.

4. Пастор и община

Пасторы должны были исполнять свою ежедневную работу как в столичном городе, так и в малых городах и сельских общинах. В Кёнигсберге было три еще средневековые городские церкви и одна в предместье, а именно Альтштадтская приходская церковь Св. Николая, приходская церковь Св. Барбары в Лёбенихте и собор в Кнайпхофе, который одновременно был приходской церковью

этого города. Кроме того, на улице Штайндамм стояла приходская церковь Св. Николая. Чтобы продвигать принятое с 1523 г. тогдашним Великим магистром Альбрехтом и обоими епископами реформатское вероучение в церковную жизнь Пруссии, требовалось больше священников. Встречи Альбрехта с Лютером в Виттенберге имели своим следствием то, что последний рекомендовал богословам проповедовать новую веру в Пруссии.

Первым прибыл уже упомянутый Йоханнес Брисман. Поскольку он не смог сразу же получить место проповедника в соборе, он отправился на несколько лет в Ригу, чтобы там поддержать создание евангелической церкви. В кёнигсбергский собор он вернулся в 1531 г. Упоминавшегося Пауля Сператуса, с 1524 г. проповедника при дворе Альбрехта, из-за его выдающегося для Пруссии значения иногда в литературе называют «вторым евангелистом Пруссии» (после Брисмана, который был «первым»). «Третьим евангелистом», прибывшим в Кёнигсберг по рекомендации Лютера, стал Йоханнес Полиандер (Грауман), которого в 1520 г. аргументы Лютера в диспуте с Йоханнесом Экком подвигли принять его богословскую сторону.

Для продвижения евангелического богослужения в массы важным было совместное пение прихожан. Мартин Лютер лично создавал церковные песни, в Пруссии же этим занимались сам герцог Альбрехт, а также Сператус и Полиандер. Их сочинения вышли за пределы Пруссии; по одной песне каждого из этой троицы еще сегодня содержит «Евангелическая псалтырь». Выдающееся значение имел до конца XVIII в. также и за пределами Пруссии немецкий перевод стихов из «Гугенотской псалтыри» из Женевы, сделанный кёнигсбергским лютеранином и юристом Амброзиусом Лобвассером, произведение которого, известное в протестантском мире как «Lobwasser», затмевало труды всех конкурентов.

Население герцогства Пруссия, которое и являло собой тех самых «мирян», было неоднородным как в этническом и языковом отношении, так и в сословном. Истоки этого — в миссионерской деятельности Тевтонского ордена, начиная с XIII в. Для со действия распространению христианской жизни среди коренных пруссов орден приглашал немецкоязычных сельских и городских поселенцев в страну (особенно в XIII—XIV вв.). С конца XIV в. в Пруссию из соседней Мазовии поехали польскоговорящие крестьяне и мелкие дворяне (шляхта). Наконец, с конца XV в. на север орденской страны начали переселяться литовцы.

Подлинное дворянство как сословие стало формироваться в стране только после того, как не получившие вознаграждения за ратный труд бывшие главы отрядов наемников ордена после 1466 г. остались в Пруссии с семьями, и некоторые знатные люди прусского происхождения были признаны равными им по рангу. Это сосуществование и взаимодействие разных языков и сословий было характерно для четырех прусских епископств к востоку от Вислы, но проникновение миссионеров в население этих епископств, как в других странах империи и у ее восточных соседей с их давними христианскими традициями, до конца Средних веков не произошло. Церковники и богословы, которым герцог Альбрехт поручил распространение реформатской веры, имели поэтому «сложное для возделывания поле». Снова и снова в Кёнигсберг сообщалось о неудачах, при этом часто речь шла о людях, чьи предки прибыли из империи и которые уже давно были христианами.

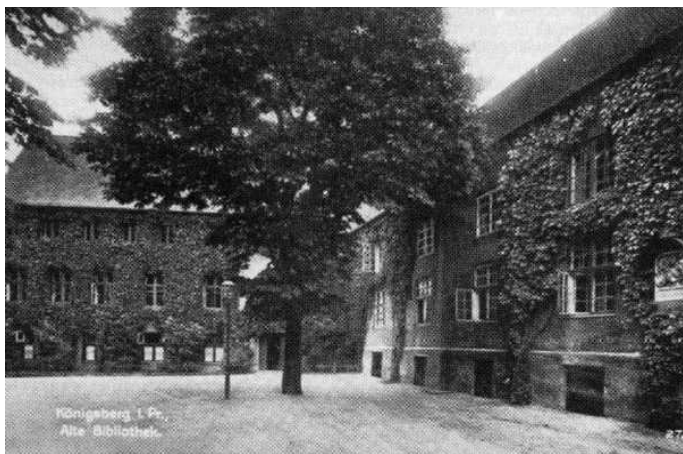
Особо герцог заботился о мирянах, не говоривших по-немецки. Для пруссов Замланда было сделано несколько переводов «Катехизиса», так как качество переводов изначально не было достаточно хорошим. Для выходцев из Мазовии на юге страны использовали пасторов, прибывших из Польши, которые покинули родину из-за их евангелических убеждений. Двух церковников — Йоханнеса Секлуциана и Йоханнеса Малетиуса — следует назвать особо за то, что они славно потрудились на литературной ниве, переведя «Катехизис» на польский язык. Сложнее было найти достаточное количество проповедников, говоривших на литовском языке, для герцогских подданных литовского

происхождения сразу после 1525 г., хотя необходимость решения этой задачи была осознана и признана с самого начала Реформации в Пруссии.

Позднее здесь использовали пасторов, время от времени прибывавших из Великого княжества Литовского, как, например, литовского дворянина Мартина Мажвидаса, но в основном это были пасторы из герцогства, даже если литовский не был для них родным. Перевод «Катехизиса», сделанный Мажвидасом, стал первой печатной книгой на литовском языке. К концу жизни герцога Альбрехта, благодаря усилиям неизвестных переводчиков, появился «Сборник проповедей», который по месту его последующего и современного хранения называется «Вольфенбюттельским благочестием». Абсолютно великое дело было сделано в конце XVI в., когда Йоханнес Бреткунас, не литовец по происхождению, который сначала был пастором в Лабиау, а потом в литовской общине в Кёнигсберге, перевел на литовский язык в полном объеме «Библию» Лютера.

6. Университет и богословское образование

Реформация с самого начала — это университетское явление, так как Мартин Лютер и Филипп Меланхтон были университетскими профессорами. В Пруссии изначально все было по-другому, потому что здесь не было средневекового университета, в котором богословы могли бы реализовывать вновь приобретенные познания. Здесь о распространении реформаторского учения заботились

только светская и церковная власть. Так как Виттенберг в распространении нового учения играл ведущую роль, герцог и епископы просили совета и помощи отсюда. Для преобразования христианской повседневной жизни было важно не только привлекать на свою сторону выдающихся людей, но и обучать пасторов для городских и сельских общин. Поэтому кульминацией реформаторства герцога Альбрехта должно было стать создание в Кёнигсберге собственного университета, в котором преподавали бы богословы. В нем вновь создаваемое пасторское сословие должно было получать профессиональную подготовку.

Для начала важным стало то, что для проповеднической деятельности в городе и при дворе в Кёнигсберге из Виттенберга были посланы трое «первых евангелистов» (Брисман, Сператус и Полиандер). Вместе с тем имел место не предполагавшийся наплыв религиозных беженцев, покинувших своих духовных и светских правителей из-за преследований с их стороны и рассчитывавших найти в стране слывшего толерантным герцога Альбрехта возможность исповедовать и проповедовать реформированную веру. В деле продвижения Виттенбергской богословской доктрины это могло привести к таким осложнениям, как продолжавшиеся до приблизительно 1536 г. споры с так называемыми швенкфельдианами.

Поэтому герцог Альбрехт столь сильно был увлечен идеей создания в своей стране специального учебного заведения по модели Виттенберга, прежде всего для обучения тех, кто стремился стать пастором. Это привело к основанию университета в Кёнигсберге в 1544 г. Кёнигсбергский университет стал вторым после основанного ландграфом Филиппом Гессенским в 1527 г. университета в Марбурге евангелическим государственным университетом. При его создании Альбрехт следовал советам из Виттенберга. Первым ректором и профессором красноречия стал зять Меланхтона Георг Сабинус. Место первого профессора (Professor Primarius) богословского факультета занял рекомендованный Лютером литовец Станислаус Рапагелянус, который как приверженец Реформации бежал из Польши-Литвы в Виттенберг. Второго профессора (Professor Secundarius), Мельхиора Изиндера, назначили только в 1548 г. Он прибыл в Кёнигсберг также по рекомендации из Виттенберга и поначалу принял профессию греческого языка. По конфессиональным причинам получить для этого университета императорскую или папскую привилегию об основании было невозможно. Поэтому герцог Альбрехт обратился к сюзерену, королю Сигизмунду II Августу, который 18 марта 1560 г. в Вильне выдал ему желанную грамоту со ссылкой на права университета в Кракове.

Кёнигсбергский университет приобрел вышедшую далеко за пределы Пруссии притягательную силу для ученых, склонившихся к реформатскому учению, которые ехали в Кёнигсберг из соседних стран, в большинстве своем оставшихся римско-католическими, в особенности из Польши-Литвы. Лифляндцы тоже оказались в их числе, так как в этой ставшей евангелической стране университет основали позднее. Молодой университет Кёнигсберга не обошли стороной богословские споры. Когда одряхлевший герцог Альбрехт 20 марта 1568 г. умер, дело его жизни, старейшая евангелическая национальная церковь в созданном им герцогстве уже настолько укрепилась, что смогла преодолеть тяжелейший кризис, в который герцог ее, сам того не желая, вверг. За изменение религиозного мировоззрения в 1522 г. он чувствовал себя столь обязанным нюрнбергскому реформатору Андреасу Осиандеру, что после объявления императором Карлом V Аугсбургского интерима в 1548 г. пригласил его в Кёнигсберг, сделал проповедником в Альтштадтской церкви и назначил профессором в университет, при том что тот не имел ученой степени. Очевидно, герцог не мог или не хотел видеть, что из-за учения Осиандера об оправдании, расходящегося с учением Лютера, он повергает церковь и страну в широкомасштабную и жесткую борьбу.

Это была ирония судьбы, когда в 1566 г. комиссары католического сюзерена сместили осииандристов с должностей, чем гарантировали дальнейшее существование евангелического герцогства, а вместе с тем и сохранение значения Кёнигсберга для продвижения Реформации.

Перевод С. Е. Чекиной.

5. О хауптамте Фишхаузен

Епископская и орденская части Замланда, как и вся Пруссия, были разделены на камерамты. Они подчинялись тогда епископскому фогту, проживающему в основном в Повундене (Храброво), или орденскому фогту и опекуну Грюнхофа (Рощино), находившемуся, в свою очередь, в подчинении Кёнигсбергскому комтурству.

После секуляризации стало необходимым новое разделение на административные округа, и из амтов были образованы Фишхаузенский (или Замландский) хауптмат и Шаакенский хауптмат (центр в Шаакене – пос. Некрасово).

В состав хауптамта Фишхаузен входили амты Фишхаузен, Лохштедт и Лаптау, а в хауптмат Шаакен – амты Грюнхоф (Рощино), Капорн (Взморье) и Росситен (Рыбачий на Куршской косе).

Среди амтов хауптамта Фишхаузен особое место занимал тогда амт или, как его чаще называли, фогство Фишхаузен. Оно включало в себя церковные приходы Фишхаузен, Гермау (Русское), Хайлигенкройц (Красноторовка), Тиренберг (быв. Дунаевка) и Куменен (Кумачево), занимало большую часть всего

хауптамта. В него, кроме этих церковных приходов, входили ещё церковные приходы Лаптау (Муромское), Альбрехтсдорф (ныне не существует) и Старый Пиллау, филиала Альбрехтсдорфа.

Развитие 38 хауптматов, находившихся в составе Пруссии, было относительно однородным, исключением являлись лишь четыре из них – Фишхаузен, Шаакен, Тапиау и Бранденбург (пос. Ушаково), наделённые особыми привилегиями.

Хауптмат Фишхаузен был хорошим источником доходов для Пруссии и её властителей: он был обязан нести постоянные расходы на содержание Кёнигсбергского университета и, наряду с этим, вносить в государственную казну большие суммы. Например, в начале XVIII века они составляли около 40 тысяч талеров в год.

Кёнигсбергский университет был любимым детищем герцога Альбрехта. Герцог серьёзно ощущал нехватку местных духовных лиц: ведь иностранцы, которых он привлекал в страну для евангелической службы, не имели необходимых знаний прусского, литовского и польского языков. В 1325 – 1521 годы в иностранных университетах обучалось приблизительно 450 замландцев, в том числе 410 человек из Кёнигсберга и несколько жителей Фишхаузена, причём Прага имела особую притягательную силу как бывшая резиденция св. Адальберта. Однако указанное количество ни в каком отношении не было достаточным. Устраняя эту нехватку, в 1542 году открыли в Кёнигсберге вольную школу, которая и была преобразована в университет.

С ним амт Фишхаузен был связан не одно столетие. В привилегии университета от 18 апреля 1557 года, где были точно установлены размеры сборов с амта, даже указано: «Чтобы вносить платежи на вечные времена». Ежегодные расходы амта Фишхаузен на университет составляли 4 тысяч марок, из них 1 тысяча марок – в виде продуктов для бесплатного питания 28 студентов, а 3 тысячи марок были предназначены для профессоров.

При этом меню каждого студента составляло утром полтора фунта мяса, поделённые на четыре блюда, три четверти фунта хлеба и штоф пива, а вечером – такое же количество мяса, поделённое на три блюда, столько же хлеба и пива. Из-за роста цен на продукты питания амт попытался в 1609 году сократить поставки натурой, но это было запрещено.

При Георге Фридрихе пытались заботы об университете почти полностью возложить на Фишхаузен как на «удобное и спокойное пристанище муз».

Во время оккупации амта шведами поставки в университет были прерваны. Это стало причиной прекращения бесплатного питания студентов, но оно было возобновлено, когда амт продолжил платежи после ухода шведов. Тогда же были приняты некоторые меры по экономии продуктов питания.

Однако размеры платежей становились всё больше: в 1664 году они составляли 17 636 талеров, а в 1665 году – 19 174 талера. К ним ещё добавлялись продовольствие, бесплатные дрова и рабочая одежда для трёх теологов.

Между тем кёнигсбергские профессора очень сетовали на нерегулярность денежных выплат со стороны амта. В одном прошении на имя курфюрста они сообщили о долгах в деньгах за пять кварталов и в зерне – за два с половиной года. Причина этого состояла, вероятно, в том, что в трудные годы гарнизон Пиллау конфисковал зерно, предназначенное для университета. Когда в 1697 году было заново

приведено в порядок профессорское жалование, арендаторов Фишхаузена и Лаптау предупредили, чтобы они своевременно пересылали деньги и продукты питания на соответствующие семестры.

При короле Фридрихе Вильгельме I поставки продовольствия были полностью заменены денежными выплатами университету.

Хауптамтом Фишхаузен управляли лица, которых в Земланде называли хауптманами или фогтами и которые были уроженцами Пруссии, а глава хауптамта Шаакен носил звание ландфогта Замланда. Функции фогтов были довольно значительными: например, им полностью подчинялись местная администрация, юстиция, церковь, школа, военное командование и

счетоводство. Фогту придавались в помощь писарь хауптамта и судебный писарь, которыми могли быть лица только дворянского происхождения.

Сфера деятельности фогтов с течением времени претерпела много изменений и с продвижением административных реформ становилась всё более ограниченной, особенно после 1721 года. В этом году фогтам оставили только полицейские и церковные дела, тогда как юрисдикция стала функцией юстицколлегий, сделавших ненужными судебных писарей. Военные и финансовые дела уже в конце XVII века были поставлены на новую основу и переданы другим органам власти.

В 1704 году по распоряжению короля Фридриха I должность фогта стала привилегией заслуженных генералов, которые, привыкнув к повиновению, усиливали влияние короля на местную администрацию. Им, наряду с бесплатным жильём, полагалась пенсия в 500 талеров, на которую они, однако, по велению экономного короля Фридриха Вильгельма I должны были ещё содержать служебные здания. Несмотря на это, пост руководителя амта был весьма желанным, за его получение даже велись торги.

В 1752 году деятельность фогтов была полностью прекращена, хотя в 1789 году министр финансов фон Гауди упоминался как фогт Фишхаузена.

Долог ряд фишхаузенских фогтов, и не всегда достоверно известно время их деятельности, часто за них принимают больших здешних чиновников-дворян или даже управляющих замком, хотя это не соответствует действительности.

Незадолго до смерти герцога Альбрехта съезд сословий объявил о своём решении присвоить привилегированный чин фогтам четырёх хауптамтов, в том числе Фишхаузена: они стали членами коллегии ландратов и были привлечены к важным государственным делам, из них также выбирались оберраты.

При Великом курфюрсте политическая ценность должности фогта намного снизилась; небольшой совещательный орган, состоявший из обератов, четырёх фогтов и бургомистра Кёнигсберга, был в то время на не особенно хорошем счету и в итоге просто распущен.

Фогты хауптамта Фишхаузена не могли распоряжаться в замке по своему усмотрению, и даже воспрепятствовать сносу замка Фишхаузен. Они не управляли замком и относившимися к нему землями. Фридрих Вильгельм I назначил администраторов, носивших звание амтмана и занимавшихся управленческой деятельностью, полицейскими делами и взиманием налогов. Их чин был приравнен к лейтенантскому, и так было, пока на смену им не пришли доменные арендаторы, хозяйствовавшие здесь вплоть до первой половины XX века.

Короли Фридрих I и Фридрих Вильгельм I часто бывали в Фишхаузене. Они содействовали тому, что в Шаакенском и Фишхаузенском хауптамтах в 1738 году, раньше, чем во всех других частях Пруссии, была успешно осуществлена реорганизация школьной системы. Благодаря этому впоследствии в районе Фишхаузен появилось 27 школ.

Известно неблагоприятное мнение короля Фридриха II об этом районе, основанное на том, что он однажды после поездки туда возвратился домой с ревматическими болями. А в своей инструкции по защите провинции от русских войск он написал: «Местность вокруг Фишхаузена, хотя она мне не знакома, считаю пригодной для сооружения крытых траншей». Конечно, в итоге ничего не смогло помешать русским войскам занять провинцию. Фридрих II же всегда считал Восточную Пруссию чем-то вроде пограничного вала между Германией и Востоком.

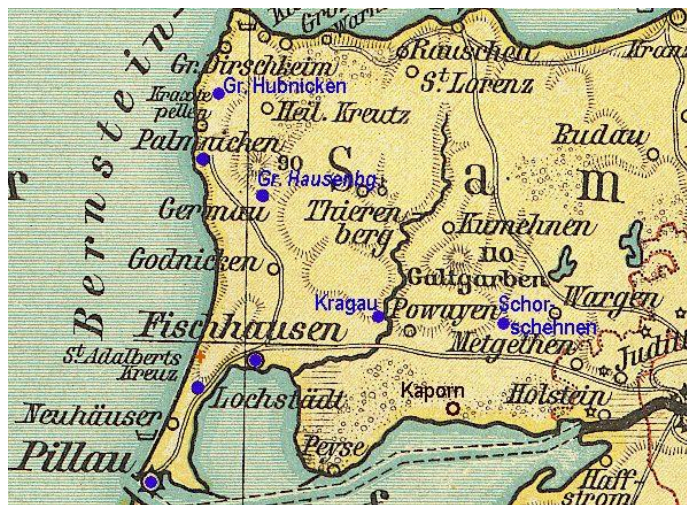
Пребывание русских в Восточной Пруссии не оказало какого-либо неблагоприятного влияния на Фишхаузен, а вот французы в 1807 – 1813 годах принесли ему не мало бед.

Мобилизационные мероприятия против Франции начались уже в 1805 году, тогда в Фишхаузене царил по-настоящему военная жизнь. После неудачного исхода той кампании сюда пришли первые французы. 18 июня 1807 года в Фишхаузен вступили 6 тысяч человек в составе четырёх полков с 75 орудиями под командованием генерала Сент-Гиларе, чтобы блокировать отсюда Пиллау.

По окончании войны в городе снова появился постоянный гарнизон мирного времени, который, однако, в 1811 году был навсегда удалён.

Вскоре появились признаки похода Наполеона, направленного против России: для огромной армии были устроены военные дороги, одна из которых вела через Фрише Нерунг и город Фишхаузен, а в Фишхаузене организовали этапный склад.

В июне 1812 года по этой дороге двигалось на восток множество воинских частей Наполеона, а уже через несколько месяцев их жалкие остатки возвращались обратно.

После поражения Наполеона пришло освобождение, которое с воодушевлением приветствовали жители Восточной Пруссии, в том числе Фишхаузена.

Вскоре после собрания в Сословном доме Кёнигсберга о создании восточнопрусского ландвера для деблокирования Пиллау через Фишхаузен прошли русские воинские части, освободив его от французов.

Когда по окончании похода против Франци провели расследование убытков, понесённых в эти годы, было установлено, что Фишхаузен относился к наиболее пострадавшим городам Восточной Пруссии.

В 1818 году Фишхаузен стал центром вновь созданного Фишхаузенского (Замландского) района и местопребыванием администрации западной части Замланда, эта функция с 1752 года принадлежала Шаакену.

По материалам работы Оскара Шлихта, уроженца Фишхаузена, краеведа и исследователя прусской культуры, почётного гражданина родного города, где в его честь была названа улица (в настоящее время улица Янтарная в Приморске).

6. «ПСИХИЧЕСКАЯ БОЛЕЗНЬ ПРУССКОГО ГЕРЦОГА АЛЬБРЕХТА ФРИДРИХА. НОВЫЕ ФАКТЫ» С. ЯСТЕР, психиатр нейрохирургической клиники города Гёрлитц (Германия). Перевод С. Е. Чекиной.

«Нельзя с позиций одного времени оценивать человека, мыслей которого оно (время) не может постичь и принять. Разве будет кто-нибудь взвешивать и оценивать мнение ребенка и мотивы его действий, когда происходит чрезвычайное или речь идет о чрезвычайном? Учение об этом гласит: нельзя оценивать события и их последствия по тому, как они нам внешне представляются, нужно стремиться проникнуть в их глубинный смысл, и тогда откроется истина». Георг Бюхнер

Бытует мнение о том, что прусский герцог Альбрехт II Фридрих (1553-1618) был психически болен, а его болезнь – следствие плохой наследственности. В исторических сочинениях источники, сообщающие о болезненном состоянии монарха, рассматриваются как абсолютно достоверные, а сомнения, высказываемые некоторыми исследователями, остаются без внимания. А был ли юный герцог душевнобольным? Какую роль сыграли врачи в классификации его болезни как меланхолии?

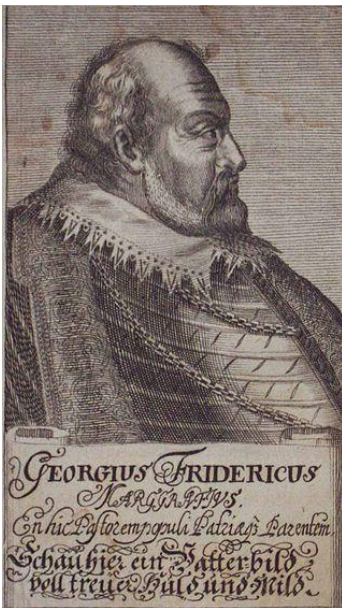
Герцог Альбрехт (1490-1568) разработал идеальную программу воспитания сына. В качестве его воспитателей упоминались Якоб фон Шверин, придворный проповедник Йоханнес Функ, а также придворный лейб-медик Симон Титиус и магистр Кристофорум Невиус. Известно, что Альбрехт Фридрих вырос двуязычным. Он принимал участие в открытии летнего ландтага 5 августа 1566 г., он (13-летний!) председательствовал в процессе против советников, обвиненных в государственной измене. После того как в 1578 г. маркграфу Георгу Фридриху польским королем были переданы опека и герцогство, Альбрехт Фридрих мирно жил со своим двором в Кёнигсберге. Счастливый брак был благословлен 11 детьми, из которых выжили 5 дочерей, все они были психически здоровы. Он пережил всех упоминавшихся в связи с его болезнью людей и умер накануне Тридцатилетней войны в возрасте 65 лет.

Если попытаться реконструировать историю его болезни по документам, то в них нет ничего примечательного до дневника 1572-1573 гг. и протокола допроса 1573 г.

В «Дневнике Лукаса Давида» рассказывается о так называемой психической болезни Альбрехта Фридриха. Вероятно, «Дневник» составлен в палате верховных советников и охватывает промежуток с ноября 1572 г. по октябрь 1573 г., начинается с описания письма, которое 24 ноября 1572 г. Альбрехт Фридрих собственноручно написал Каспару фон Лендорффу и заканчивается свадьбой Альбрехта Фридриха с Марией Эленорой. Почему дневник начинается этим письмом и заканчивается свадьбой? Почему он не был продолжен в период возможных обострений болезни? Его больше не могли вести после свадьбы? Или уже собрали достаточно материала?

В любом случае дневник является единственным непосредственным описанием поведения Альбрехта Фридриха, поэтому его фактическое содержание я сравнил с записями Грегора Мёллера в «Acta Borussica». В период, совпадающий со временем, описанным в дневнике, Мёллер изобразил поведение герцога, никоим образом не отклоняющееся от нормы. Следовательно, встает вопрос о том, какую цель преследовал автор дневника и в какой степени поведение герцога действительно можно рассматривать как отклоняющееся от нормы? В тексте дневника, не изобилующем пробелами в событиях, просматривается определенный их отбор, сделанный автором, поэтому из приведенных в дневнике фактов необычного поведения герцога делать заключение о его психической болезни нельзя.

Маркграф Георг Фридрих фон Бранденбург-Ансбах 9 ноября 1573 г. прибыл в герцогство, чтобы выяснить все обстоятельства заболевания, и учинил расследование. В протоколе допроса содержатся противоречивые мнения врачей.

Некоторые доктора с детства наблюдали у принца отчетливые признаки изменений, другие же ничего необычного в молодом герцоге не замечали. Если учесть обстоятельства появления этого документа, противоречивость свидетельств разных персон, то высказывания против молодого герцога кажутся неубедительными.

В актах Тайного совета находится заключение, датированное 9 января 1574 г. и озаглавленное «Consilium Medicorum quo procuram Ducis Prussiae instituendam». В документе от 5 декабря 1574 г. Симон Титиус описывает конкретные обстоятельства медицинского заключения. Очевидно, что наряду с Титиусом авторами этого заключения, сделанного по поручению Георга Фридриха, следует считать врачей Стоюса и Фидлера. Описание болезни в заключении отсылает к состоявшемуся 3 месяцами ранее допросу: бросаются в глаза те же изображения юности Альбрехта Фридриха, а также упоминание о плохом влиянии воспитателей.

Наряду с этим приводятся астрологические связи, сообщается о наследственной предрасположенности к болезни. Но, по крайней мере, упомянутый дедушка по отцовской линии, Фридрих фон Бранденбург-Ансбах Старший, не был душевнобольным. И другие родственники тоже были психически здоровы, так что плохую семейную наследственность следует исключить.

В целом, складывается впечатление, что полученные в ходе допроса сведения были перенесены в заключение консилиума врачей для придания им большей весомости, и в этой форме должны были существовать независимо от протокола допроса.

В 1574 г. заболевание квалифицируется еще как излечимое. В последующих заключениях, в 1575 и 1576 гг., болезнь рассматривалась уже как неизлечимая. Для ее оценки важно, что в медицинских заключениях ввиду отсутствия собственных наблюдений за принцем их составителей, собрано только то, что, по тогдашнему мнению, рассматривалось как причина заболевания: осияндровское восприятие веры и религиозные споры (в Прусском герцогстве в XVI в. активно велись теологические дискуссии, которые порой превращались в ожесточенные споры. Одна из дискуссий, получившая название «осияндровская распря», связана со взглядами А. Осияндера, с 1549 г. возглавлявшего кафедру богословия в Кенигсбергском

университете. В лютеранстве господствовала идея о том, что Бог непосредственно принимает оправданного грешника. Осияндер же полагал, что такое принятие происходит только через посредство Христа. Богословы разделились на два лагеря. Спор имел политические последствия, так как Осияндера поддержал герцог Альбрехт. «Распря» продолжалась до середины 60-х гг. XVI в. (См., например, Лавринович К.К. Альбертина: Очерки истории Кенигсбергского университета. Калининград, 1995. С. 54-55). – Прим. ред.), больная сифилисом кормилица, перенесенные в детстве и юности болезни, извлеченные на свет в ходе допроса 1573 г., трудности с назначением Гешузиса и со свадьбой, а также безуспешное лечение некоторыми врачами. Почему же болезнь, которая считалась излечимой, была объявлена неизлечимой?

В течение следующих столетий историки и медики исследовали обстоятельства этой болезни. И. Фойгт так размышлял о возникновении психического заболевания: «От того, что сегодня понимают под сумасшествием, то есть почти полным отсутствием умственных способностей, разума и рассудка или полной неспособности к восприятию, в ранней юности герцога, если судить по запискам Шверина, нет ни малейшего следа, ведь они свидетельствуют не только о стабильном физическом благополучии и безмятежном здоровье молодого принца, но и сообщают нам, что ему в его тринадцать лет магистр Функ преподавал уроки Святого писания, истории и философии. Не учили же всему этому слабоумного мальчика?»

«Наконец, мы должны оспорить и предположение, что болезнь принца состояла в основном на его изначальном слабоумии и очень незначительных приложениях умственных способностях сумасшествия или таковое, по крайней мере, было в какой-то степени подготовлено большой ограниченностью ума уже в его ранней юности. Этому противоречат многократные свидетельства о его рано разбуженных добросовестным воспитанием умственных способностях; этому противоречит также все, что мы знаем из записок Шверина о юности принца.

Не только он сам (Шверин – прим. пер.), но и магистр Функ, то есть оба, и учитель, и воспитатель, которые наиболее верно могли оценить состояние ума их воспитанника, еще летом 1565 г. (письмо Шверина от 23 июля) не сомневаются в том, что молодой принц вполне способен по достижении совершеннолетия принять регентство над страной».

Таким образом, Фойгт сомневался в протоколе допроса, но признал высказывания врачей. Ломайер уделил внимание болезни Альбрехта Фридриха в изданной им в 1893 г. «Книге о придворном хозяйстве»:

«Сохранившийся протокол допросов разных лиц открывает нам глубокое и весьма поучительное, но при этом прямо-таки вызывающее отвращение проникновение в царившие при Кёнигсбергском королевском дворе и в правящих кругах нравы и настроения, и если это не дает полного решения, то, все же позволяет узнать так много, что, независимо от того, были ли правдивы ходившие тогда и пользовавшиеся доверием слухи об определенных

процессах или нет, больше не нужно искать особых причин, могущих привести молодого князя в положение Альбрехта Фридриха в отчаяние, повредить его разум и психику. В любом случае бросается в глаза, что маркграф в качестве результата расследования, протоколы которого он утаил от сословий, велел донести до широкого сведения информацию о том, что его племянник с раннего детства был обременен слабоумием, при этом вопреки живому противоречию сам утвердился у сословий сам утвердился и поначалу, кажется, находился в тесных связях с советниками и первым сословием. Объяснение этому, пожалуй, можно без большого труда найти в том, что он понял, что получить бразды правления в свои руки он сможет только, перво-наперво объявив о неизлечимости болезни суверена...»

Таким образом, Ломайер первым принял во внимание возможность того, что протокол служил только для того, чтобы ввиду неизлечимости болезни Альбрехта Фридриха объявить герцога недееспособным, после чего Георг Фридрих смог бы занять его место.

Первым медиком, который занимался этой темой, был известный берлинский психиатр Иван Блох. В 1922 г. он предпринял попытку интерпретации болезни в духе современной психиатрии, опубликовав 3 письма упомянутого в дневнике доктора Золенандера.

Из одного из них Блох процитировал его понимание профессии медика, которое явно отличается от точки зрения приверженцев старого учения: «Поэтому медицинское обследование должно проводиться совершенно другим образом, чтобы оно пошло на пользу государству и врачам. Для лечения необходимы, прежде всего, две вещи: во-первых, точный диагноз, и, во-вторых, индивидуализированная терапия».

Блох подробно показал, как Золенандер сопровождал герцога в Пруссию. Во всех письмах Золенандер рассматривал герцога как психически здорового человека. Письма датированы 8 октября, 6 ноября и 9 декабря 1573 г., то есть были написаны до и после свадьбы Альбрехта Фридриха. Установленная душевная болезнь герцога не привела бы, наверное, к браку.

Блох первым засомневался в заболевании, так как письма, которые появились в то же время, что и дневник, сообщали совершенно иные сведения о герцоге, чем уже распространившиеся рассуждения о психическом расстройстве. Однако, из назначения регента он делает вывод о том, что Альбрехт Фридрих всё же имел высокую степень помутнения в мозгах.

В то время никому не казалась нелепой мысль о том, что герцогство Пруссия могло быть поглощено Польшей. Это нестабильное положение было, безусловно, причиной вмешательства Георга Фридриха и курфюрста Иоганна Георга.

Седьмого октября 1573 г., то есть перед состоявшейся 14 октября свадьбой Альбрехта Фридриха с Марией Эленорой, Георг Фридрих обсуждал с Иоганном Георгом дальнейшие шаги. Наряду с очень наглядным описанием того, как представляли себе обращение с душевнобольными людьми в то время, они подробно рассмотрели перспективы приобретения административных прав в герцогстве и вопрос об опеке над Альбрехтом Фридрихом. Несмотря на состоявшуюся свадьбу, из-за которой Георг Фридрих и Иоганн Георг больше не могли претендовать на герцогство, они решили, что Георг Фридрих как ближайший родственник должен поехать в герцогство, чтобы походатайствовать там о передаче ему административных прав и опеки над Альбрехтом Фридрихом.

После допросов Георг Фридрих писал совершенно открыто, что достигнутые между ним и Иоганном Георгом соглашения из-за состоявшейся свадьбы в этой форме не выполнимы, и они, если они выступают как администраторы, то, возможно, будут лишены императором их ленов, потому вынуждены использовать другие пути, чтобы император согласился с передачей управления герцогством и опеки над Альбрехтом Фридрихом Георгу Фридриху.

После допроса придворных собравшиеся на ландтаге в Кенигсберге 5 декабря 1573 г. составили письмо Георгу Фридриху, которое подтверждает, что Альбрехт Фридрих получил в юности хорошее воспитание, никаких признаков психического заболевания у него не было. Правда есть письмо от 15 декабря 1573 г., в котором уже грехи молодого герцога (то есть его вера – Прим. автора) называются первопричиной его болезни. Ответные послания Георга Фридриха также сохранились. Правда, они, написанные, пожалуй, раньше прочих, имеют на полях примечание «не отправлено».

Георг Фридрих подтверждает, что Альбрехт Фридрих с детства был психически здоровым, и болезнь разразилась только год назад. Он уже намекает на подготовку медицинского освидетельствования. Другие послания, почти дословно повторяющие текст этого письма, отличаются от него появлением в части, где описывается воспитание Альбрехта Фридриха, частицы «не», из-за которой складывается впечатление, что он был душевнобольным с рождения.

Эти документы соответствуют высказываниям врачей в протоколе допроса. Кроме того, бросается в глаза значение различий в понимании веры между Альбрехтом Фридрихом и придворными.

На сделанное по велению Георга Фридриха первое медицинское заключение от 9 января 1574 г. есть ответ Якоба фон Шверин, воспитателя Альбрехта Фридриха, датированный 24 января 1574 г. Он говорил преимущественно о религиозном воспитании Альбрехта Фридриха, но высказался и относительно предполагаемого психического заболевания. Воспитатель не описал никаких признаков душевной болезни Альбрехта Фридриха в юности, косвенно выразил свое невысокое мнение о работавших при дворе врачах, которые на допросе возвели напраслину на его воспитанника. Этим письмом опровергался протокол допроса.

Также есть письмо советников монарха от 19 февраля 1574 г., из которого следует, что они не исключают правления герцогини. Однако герцогиня при попытке взять принять регентство наталкивается на сопротивление верховных советников, дворянства и сословий, которые отказывают ей в этом дерзком требовании.

Из того факта, что советники отказывали в принятии регентства и опеки как Георгу Фридриху, так и герцогине, можно заключить, что советники имели интерес сохранить свою власть и после совершеннолетия князя, при этом, возможно, подобный план возник еще до смерти старого.

Прежнее предположение, что Георг Фридрих только в 1575 г. после выборов Стефана Батория установил контакт с польским королем, должно быть исправлено на основании документов Тайного совета. Так он, следуя воле ландтага, уже в 1574 г. написал польскому королю, что Бранденбургский дом при совещании об опеке не должен быть обойден.

В это время Генрих Валуа был польским избранным королем, комиссары которого в 1574 г. должны были регулировать в Пруссии на ландтаге вместе с сословиями администрацию и опеку. После смерти брата Карла IX Генрих без формальной отставки покинул Польшу, чтобы Генрихом III подняться на французский трон. Из-за отсутствия польского короля этот ландтаг был отложен.

После вступления на престол Стефан Баторий потребовал от герцога присяги и поначалу хотел говорить только о сонаделении леном Георга Фридриха или Иоганна Георга. В благодарность за поддержку при выборах и финансовую помощь в войне против России Стефан Баторий предоставил опеку и управление Георгу Фридриху. В договоре, заключенном в Мариенбурге 23 сентября 1577 г., король передал маркграфу опеку над больным герцогом и герцогство Пруссию, но, не как причитающееся ему по праву, а «из милости».

Что же случилось в действительности? Документы Тайного совета позволяют сделать вывод, что Георг Фридрих еще до отъезда в Пруссию добился точных договоренностей, что получит герцогство. Он использовал расследование обстоятельств болезни как основу для достижения своего интереса, то есть получения регентства и опеки над Альбрехтом Фридрихом. Затем по распоряжению Георга Фридриха высказывания врачей на допросах были внесены в медицинское заключение и в соответствии с традициями того времени повторились в более поздних заключениях.

Умерший герцог Альбрехт наделал значительных долгов. Из-за них и зарплата врачей выплачивалась нерегулярно, поэтому они были вынуждены искать дополнительные доходы. А то обстоятельство, что все врачи, которые объявили Альбрехта Фридриха душевнобольным, поступили на службу Георга Фридриха и впоследствии составили медицинские заключения в соответствии с пожеланиями заказчика, в соответствии со старой немецкой пословицей «Чей хлеб я ем, того песню я и пою».

Бросается в глаза, что первое заключение, которое назвало Альбрехта Фридриха неизлечимо больным, было составлено после 13 августа 1575 г. Как известно, вступление Стефана IV Батория на престол состоялось 15 сентября 1575 г., поэтому возможно, что это заключение, как и другие документы, датированные 1575 г., были подготовлены только после восшествия на престол нового короля.

Хотя меланхолия в то время считалась излечимой, через год болезнь окончательно была объявлена неизлечимой. Это противоречие можно объяснить только необходимостью написать такую бумагу для документального обоснования определенной цели.

Как мы можем прочитать у Фойгта, Георг Фридрих через своего уполномоченного фон Вамбаха и, вероятно, подкуп создал партию, которая должна была помочь ему добиться поставленных целей.

Если резюмировать все эти обстоятельства, то в Пруссии в господствующем слое не было никого кроме герцогини и герцога, кто был бы заинтересован в независимом правлении Альбрехта Фридриха.

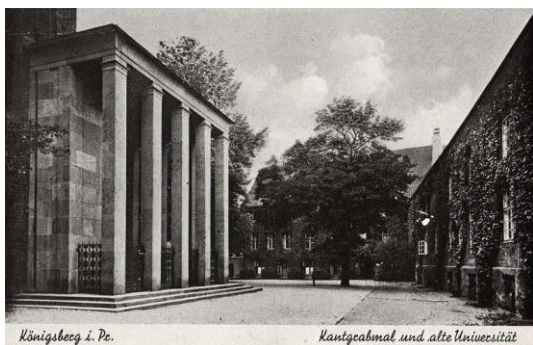
И что же осталось от «заболевания»? И какое место следует отвести ему с медицинской и исторической точек зрения? То необычное в поведении Альбрехта Фридриха в 1572-1573 гг., что было задокументировано, выглядит небесспорным.

Протокол допроса содержит утверждения, которые при ближайшем рассмотрении вызывают сомнения. Имеющиеся источники с достаточной вероятностью позволяют рассматривать Альбрехта Фридриха как психически здорового человека вплоть до 1572 г., и в документах 1572-1577 гг. нельзя найти никаких оснований говорить о его заболевании. Кризис 1587 г. можно объяснить тем, так что на основе политических обстоятельств болезнь можно рассматривать как выдуманную изобретенную, должную послужить определенным силам для достижения ими власти. Георг Фридрих бесцеремонно использовал допрос в своих интересах, чтобы получить власть в герцогстве Пруссия. Распределение медицинских заключений во времени соотносится с политическими датами в том смысле, что они поддерживают Георга Фридриха в стремлении добиться регентства. Эти заключения были политическим смертным приговором для Альбрехта Фридриха. С медицинской точки зрения психическое заболевание с большой вероятностью может быть исключено, речь может идти только о депрессивной реакции на условия жизни.

С исторической точки зрения болезнь была раздута и использована, в совокупности с медицинскими фактами болезнь может рассматриваться как сконструированная.

7. Фишхаузен при Альбрехте Фридрихе

В 1544 году герцог Альбрехт основал в Кёнигсберге университет. На содержание новой академии, как и на выплату профессорам, он пожаловал 3000 марок, которые ежегодно должны были выдаваться из государственной казны. Кроме того, он ежегодно выплачивал ещё 1000 марок на содержание бедных студентов.

Так как эти суммы, вследствие постоянного безденежья герцога, выплачивались не всегда пунктуально, профессора попросили, чтобы государь проявил к ним известную доброту и некоторую любезность, дабы они имели надёжные и постоянные доходы. На это герцог распорядился, чтобы Кёнигсбергскому университету ежегодно выплачивались 4000 марок от амта Фишхаузен во все времена. Но чтобы теперь профессора могли находить недалеко необходимое продовольствие и приобретать его по сносным ценам, амт Фишхаузен должен был поставлять им и обязательные натуральные пайки, стоимость которых вычиталась из 4000 марок.

Эти натуральные пайки составляли: 25 ластов зерна, 12 ластов ячменя, 2 ластва гороха, 4 бочки масла. За бочку масла должно было насчитываться по 15 марок и за каждый шеффель зерна – по 4 гроша, так что в результате за поставляемое продовольствие ежегодно вычиталось 528 марок. (*1 ласт = 60 шеффелям; 1 марка = 20 грошам = 2/3 рейхсмаркам стоимости на начало XXв.*)

Первая поставка последовала осенью 1556 года. Поскольку впоследствии продовольствие становилось всё дороже, ставки профессоров (профессор получал в среднем 150 марок годового жалованья, равные 100 маркам стоимости на начало XX века) должны были повышаться. Поэтому курфюрст Иоганн Сигизмунд простил университету платёж в 528 марок и сохранил поставку.

Только в 1725 году король Фридрих Вильгельм I повелел, чтобы всё содержание профессоров впредь оплачивалось Кёнигсбергским рентным ведомством. Взамен поставки натурой король выплачивал университету сумму в 28000 талеров.

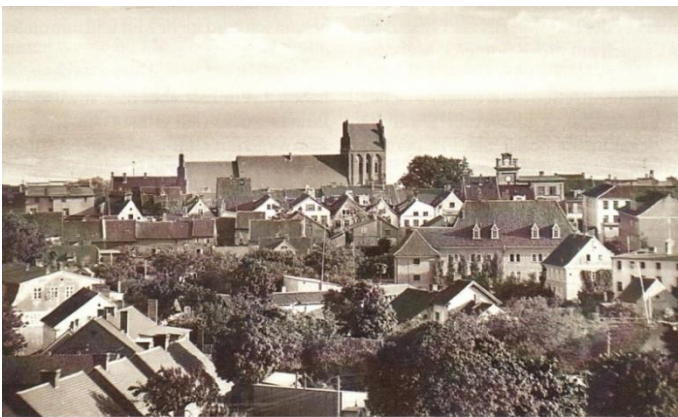
В 1567 году Альбрехт Фридрих, сын и наследник Альбрехта старшего, со своим гофмейстером фон Шверином направился в Фишхаузен, чтобы здесь поправить своё пошатнувшееся здоровье. Годом позже умер старый герцог...

Альбрехту Фридриху было тогда лишь 15 лет. Согласно воле усопшего герцога, четыре правительственных советника должны были осуществлять опеку над несовершеннолетним государем, пока ему не исполнится 18 лет. Король Польши должен был быть главным опекуном.

Но состояние дел заставило молодого герцога самому держать бразды правления под руководством правительственных советников. Теперь для молодого государя начались тяжёлые времена.

Знать и духовенство стремились тогда подорвать авторитет молодого герцога и захватить власть. Угрозами и запугиванием они пытались уничтожить в нём любой счастливый признак самостоятельности и силы воли. Намеренно делали всё, чтобы его обидеть и унижить. Более всего огорчало его, что Хесусиус был вопреки его воле избран епископом Замланда и без его утверждения возведён в сан епископа. Из-за продолжающихся обид несчастный молодой государь, подававший некогда большие надежды, впал в глубокую меланхолию, которая постепенно перешла в неизлечимую душевную болезнь.

В своей меланхолии он часто жаловался, что его отравили, и так как правительственные советники энергично отклоняли любую попытку лечения государя и даже наказывали за неё, в народе сохранилась уверенность, что ему действительно давали яд. Рассказывали, что герцог в феврале 1573 года направился в Фишхаузен на свадьбу фогта фон

Виттмансдорфа с дочерью бургграфа фон Кройца, где появилась и многочисленная знать. Государь был по-настоящему радостным и весёлым и занимался маскарадом с двенадцатью другими молодыми людьми в чёрных, жёлтых и белых одеждах. Разгорячённый танцами и пьянящими напитками, он вступил в связь с одной светской дамой. Бургграф и присутствовавший здесь же помезанский епископ доктор Бенедигер истолковали тогда такое распутство уже обручённого государя как нарушение супружеской верности и решили, по совету лейб-медика, охладить разгорячённую кровь герцога при помощи поднесённого ему лекарства. Хотя питьё и оказало тотчас же ожидаемое воздействие, оно повлекло за собой всё более усиливавшуюся тоску и расстройство духовных сил, вплоть до слабоумия.

С начала правления Альбрехта Фридриха прошло пять лет, в течении которых он часто бывал в Фишхаузене. В это время правительственные советники установили контакт с герцогом Юлих-Клевским, чтобы получить его согласие на брак дочери Марии Элеоноры с герцогом Альбрехтом Фридрихом. Из Пруссии в Клеве отправилось большое посольство, чтобы просить руки принцессы тремя годами старше, и, несмотря на всяческие странные отговорки и препятствия с его стороны, 14 октября 1573 года дело дошло до свадьбы.

Её справляли в больших масштабах, причём на амты была возложена поставка 154 быков, 108 телят, 6000 кур, 150 каплунов, 570 овец, 5 лосей, 10 оленей и огромного количества другого продовольствия вместе с 90 бочками медового напитка.

Герцогиня Мария Элеонора в молодости оказалась перед трудной задачей излечения герцога, но, по-видимому, состояние его здоровья в 1575 году заметно улучшилось, так как она с большой радостью писала дружившей с нею маркграфине фон Бранденбург: «Мы без сомнений надеемся на дорогого Господа, что Его божественное всеисие сжалится над Его возлюбленным детищем, такой недуг с того полностью снимет и позволит ему вернуться к прежнему здоровью».

Но надежда на выздоровление была тщетной, поэтому герцогиня попыталась, ради больного герцога, взять на себя регентство в Пруссии, которое, как она считала, подходило ей одной. Однако она наткнулась на сильное противодействие со стороны правительственных советников, которые не были склонны немедленно выпустить из рук власть, имеющуюся у них со времени смерти герцога Альбрехта.

Опекунство над «глупым господином», как был прозван Альбрехт Фридрих, получил маркграф Георг Фридрих фон Бранденбург-Ансбах-Кульмбах, ранее получивший ленное право на Пруссию для себя и бранденбургского курфюршеского дома от Польши, который в 1577 году взял на себя правление и до своей смерти, последовавшей в 1603 году, осуществлял его к счастью для страны.

Польский король также поджидал момента, чтобы полностью завладеть Пруссией. Однако Герцогу Фридриху удалось временно отвлечь короля от его планов перспективами военной поддержки и суммой в 200 тысяч гульденов и поучить опекунство над герцогом. 6 июня Георг Фридрих появился в Фишхаузене, чтобы там принять у замландцев присягу на верность. Здесь он столкнулся с сопротивлением, так как дворянство не сразу пожелало регента в лице маркграфа.

Недовольство прусских правительственных советников было велико: для них появилась реальная опасность потерять прежние права и свободы, особенно когда Георгу Фридриху 27 февраля 1579 году удалось заменить опеку передачей в постоянный лен: «Если он или Альбрехт Фридрих останутся без мужского потомства, то порядок наследования выпадет на курфюршеский дом Бранденбурга».

Из-за опеки герцог и герцогиня были лишены какого-либо влияния на государственные дела, их даже не миновали обиды личного характера. Так, они были вынуждены освободить несколько комнат, бывших в их распоряжении в кёнигсбергском замке, несмотря на просьбы герцогини, и тогда Фишхаузен стал постоянным местом жительства несчастного герцога и его супруги. Кажется, будто они подвергались унижениям со стороны властей: при одной ревизии в то время констатировалось, что «весь прекрасный инвентарь исчез» и что «в доме не было четвертинки масла».

Больной герцог был доставлен в весьма подходящий замок Фишхаузена, где и оставался под постоянным присмотром до конца своей жизни. Его самое большое удовольствие состояло в том, чтобы травить зайцев своими борзыми в большом заячьем загоне, который простирался от замка до государевой конюшни Коббельбуде. Чтобы устроить ему по возможности больше развлечений, на стене замка за городом для него установили токарный станок. Когда он не охотился, он старался проводить здесь время в выполнении токарных работ. Резной алтарь замковой капеллы, возможно, был изготовлен им. Он никогда не засыпал без длительного убаюкивания. Адлерхольд рассказывает об этом следующее: «Так, в некоей комнате наверху можно увидеть два подвешенных к балкам железных прута длиной почти по два фута и привязанную к ним кровать вышеназванного господина с наложенными деревянными валиками, причём она может быть подтянута ввысь, где в любое время можно укачивать господина».

Простые люди проявляли сочувствие к состоянию здоровья герцога: сообщалось о разнообразных, но безуспешных попытках лечения. Интересной долей этих попыток являлась доска с молитвами о здоровье герцога.

Следует ещё упомянуть из этого времени о том, что в 1569 году епископ Мёрлин проверял церковь в Фишхаузене и что в 1580 году чума снова зло неистовствовала в городе, где по приказу регента в сентябре была отменена ярмарка. Вся герцогская семья спасалась от чумы бегством в Тапиау.

В 1603 году в Ансбахе умер, не оставив мужского потомства, регент Пруссии Георг Фридрих. Устав от борьбы с могущественным прусским дворянством, он в течение 17 лет вообще не приезжал в Пруссию и правил ею из Ансбаха.

Под предлогом заботы о своём тесте Альбрехте Фридрихе, а скорее всего не упустить наследство, новый регент с 1603 по 1608 годы курфюрст Йоахим Фридрих фон Бранденбург оправил своего сына Иоганна Сигизмунда в Пруссию. Но прежде чем тот прибыл в Кёнигсберг, неожиданно Йоахим Фридрих скончался, и в 1609 году Иоганн Сигизмунд взял на себя опеку над больным герцогом, а позднее был пожалован леном на Пруссию. Это можно считать первым этапом присоединения Пруссии к Бранденбургу.

2 июня 1608 года в Фишхаузене умерла герцогиня Мария Элеонора. 35 долгих, трудных лет она была верна больному герцогу, теперь же вокруг него образовалась пустота, и в замке Фишхаузен для него сложились весьма неблагоприятные условия. Не хватало даже самого необходимого продовольствия. Так, были жалобы на то, что рыба из прудов амта, предназначенная для герцогской кухни, совсем не доставлялась в замок, а продавалась фишхаузенским горожанам.

В последние годы жизни Альбрехта Фридриха чаще всего называли маркграфом фон Бранденбургом.

27 августа 1618 года несчастный герцог Альбрехт Фридрих скончался в Фишхаузене на шестьдесят шестом году жизни. Его кончина произошла в поистине жалких условиях, а вот погребение было обставлено с большой роскошью.

31 августа тело герцога, с обвитым жемчугами букетом свежих цветов в руках, положили в дубовый гроб, обтянутый бархатом, и перенесли в обитую чёрным сукном капеллу замка Фишхаузен. Впереди шли несколько мальчиков из фишхаузенской школы вместе с кантором. В похоронной процессии приняла участие дочь Анна, замыкали процессию магистрат, суд и горожане Фишхаузена.

Проповедь читал придворный проповедник Бем. Тело оставалось в замке Фишхаузена до 5 февраля 1619 года, а затем в сопровождении горожан было перевезено в Кёнигсберг и погребено в соборе.

Правление Альбрехта и Альбрехта Фридриха продолжалось 107 лет, причём почти столетие Фишхаузен был их резиденцией.

По материалам работ Г. А. Шайбы «История города Фишхаузен», изданной в 1905 году и Оскара Шлихта.

8. Фишхаузен под властью бранденбургских курфюрстов

После смерти герцога Альбрехта Фридриха в 1618 году Пруссия объединилась с Бранденбургом, Фишхаузен стал городом бранденбургских курфюрстов. Уже упоминалось, что в 1613 году курфюрст Иоганн Сигизмунд, тогда ещё регент страны (Пруссии), обновил привилегию 1305 года городу Фишхаузен.

Через год в 1619 году скончался сам курфюрст Иоганн Сигизмунд и его сын Георг Вильгельм взял власть в свои руки. При курфюрсте Георге Вильгельме (1619-1640 гг.), король-протестант Швеции Густав II Адольф из династии Ваза, зять курфюрста, вступил в войну с католическим королём Польши из той же династии Сигизмундом III, которая была развязана в Пруссии и навлекла нежданную беду и на Замланд, в особенности на Фишхаузен.

Главной причиной раздоров и шведско-польской войны стали споры за наследство. В 1586 году умер польский король Стефан Баторий, и на его место в следующем году был избран сын шведского короля Юхана III, бывший с материнской стороны внуком польского короля Сигизмунда I – он вступил на престол Польши под именем Сигизмунда III, для надёжной перспективы вступления на польский трон он был воспитан в католической вере. После смерти Юхана III в 1592 году его сын стал претендовать на шведский трон, шведский королевские советники объявили его и его потомков из-за католической веры не имеющим права на корону Швеции. Тем не менее, в 1592 – 1599 годах он был её королём, а королём Польши являлся до 1632 года.

Курфюрст Георг Вильгельм, недостаточно энергичный и деятельный государь, искал своё счастье в слабом нейтралитете, который не уважали ведущие войну стороны, тем более что курфюрст не был в состоянии непосредственно подкрепить его силой оружия.

Положение курфюрста между враждующими сторонами было затруднительным: на стороне Швеции он, будучи польским ленником, нарушил бы свои обязательства перед Польшей, а на стороне Польши поссорился бы со своим зятем Густавом Адольфом, чего не желал.

Король Густав Адольф обратил своё внимание на захват поблизости от морского фарватера слабо укрепленного и защищаемого города Пиллау, так как этот населённый пункт предоставлял ему не только желанную возможность безопасного сообщения с заморской родиной, но и прекрасно расположенный плацдарм, с которого он мог бы нападать на врага в разных направлениях. Поэтому он, недолго думая, 6 июля 1626 года причалил с 80

кораблями к косе у Пиллау.

Курфюрстовский гарнизон, состоявший из 104 человек под командованием полковника фон Хохендорфа, был отброшен в результате трёхчасового боя, после чего шведы овладели территорией.

Поскольку прусские правительственные советники не отважились без позволения курфюрста продлить договор о нейтралитете, король, не позволяя далее препятствовать себе, направился через залив к Эльбингу и польской Пруссии. Здесь он встретил посланцев прусского правительства, во главе которых стоял фогт Фишхаузена, ландрат Фабиан фон Борк, доверенное лицо курфюрста. Предварительное, до решения курфюрста, перемирие было результатом затяжных переговоров в Эльбинге. Консультации продолжались всё лето. Густав Адольф проявил при этом замечательное долготерпение, но в результате Георг Вильгельм был вынужден подчиниться королю. Пиллау остался во власти короля, который взятые укрепления расширил и занял внушительным отрядом.

После осеннего отъезда короля Швеции в крепости Пиллау остались шведские войска, на время своего отсутствия ведение войны поручил своему канцлеру Акселю Оксеншерне. Тем временем Польша настаивала на увеличении сопротивления курфюрста шведам, особенно на занятии Фишхаузена, поблизости от которого концентрировались польские отряды.

Прусские войска были слишком слабы и для усиления своих позиций против вторгшихся и захвативших Пиллау шведов, в начале 1627 года прибывает курфюрст Георг Вильгельм и перебрасывает в замок Фишхаузен три роты Бранденбургского полка фон Крахта. Они стали первым гарнизоном Фишхаузена. Позже на его основе был сформирован 4-й пехотный полк Король Фридрих Великий. Но 4000 пеших воинов и 600 всадников, эта незначительная сила, могла оказать шведам слабое сопротивление. Несмотря на это, курфюрст всё ещё колебался, к какой стороне ему примкнуть.

После повторной высадки Густава Адольфа в Пиллау весной 1627 года его первым желанием было избавиться от этого угрожающего соседства и находившемуся практически под арестом в Лохштедте прусскому правительству дали понять: Фишхаузен будет занят шведами.

Король Густав Адольф привёл с собой 6 новых полков и тотчас приказал своим войскам наступать до Лохштедта, выдвинул траншеи под стены крепости и блокировал её 18 июня. В крепости находились прусские правительственные советники. С малым гарнизоном они не смогли оказать сопротивления и поэтому вынуждены были подчиниться требованиям шведов. Густав Адольф заключил с правительственными советниками в 1627 году в Лохштедте договор о нейтралитете, который сначала должен был иметь силу лишь в течение 5 месяцев, а позднее возобновляться. Пиллау остался в руках шведов.

Итак, в целях обеспечения безопасности своей военной базы в Пиллау от нападений со стороны суши, шведский король Густав Адольф занял Фишхаузен, приказав укрепить город, дабы подготовить его к возможной осаде польскими отрядами. Были усилены валы и рвы вокруг замка, город также получил лёгкое насыпное защитное сооружение в виде вала, потом появились шанцы (окопы) на Айскеллерберге, на пригорке около ветряной мельницы и в направлении на Дарген (Лунино).

Шведская оккупация Фишхаузена продолжалась до 1635 года и привела город к упадку. Как в городской ратуше, так и в замке все документы времён шведской оккупации погибли, сохранились лишь межевая книга и старейшая домовая книга, случайно находившиеся за пределами замка. В это же время исчез весь инвентарь, который, пользуясь понятным беспорядком, вынесли и не возвратили участники

какой-то праздничной вечеринки.

Чтобы уберечь страну от грабежей, ландтаг ассигновал поддержку обеих сторон. Но недовольство в стране новым обременением было так велико, что, например, депутат от амта Фишхаузен появился в ландтаге лишь по строгому приказу курфюрста.

Вследствие занятия морского фарватера врагами и взимания повышенной грузовой пошлины торговля была полностью нарушена, неопределённое, колеблющееся между войной и миром положение потребовало больших жертв в деньгах и средствах ведения войны, рыскавшие вокруг шведские воины помешали добыче янтаря и разграбили поля.

Так жители города Фишхаузен и его окрестностей вынуждены были тяжело страдать от бедствий войны. Но война всё больше затягивалась. И в следующем, 1628 году Густав Адольф прибыл с новыми подкреплениями в Пиллау, чтобы отсюда вторгнуться в Польшу. Но так как король захотел положить конец двусмысленной позиции курфюрста, он в четвёртый раз высадился 31 мая 1629 году в Пиллау и приказал занять Лохштедт и Фишхаузен сильным войском. Только теперь курфюрст решился на уступки.

Потом по инициативе Франции и Англии начались мирные переговоры между Польшей и Швецией. С этой целью в июле 1629 года собрались в Фишхаузене французский представитель барон де Шарнак, английский делегат Томас Рот, от Польши – пять посланников, от Швеции – канцлер и тогдашний генерал-губернатор Пруссии Оксеншерна, фельмаршал Врангель и генерал Баньер. Густав Адольф находился в это время в Западной Пруссии. 14 сентября 1629 году Густав Адольф выехал в Фишхаузен для участия в переговорах. Здесь он встретился с Георгом Вильгельмом. При посредничестве гофмейстера Андреаса фон Крейцена 31 октября 1629 года было заключено в Фишхаузене шестилетнее перемирие, положившее конец боям между шведами и поляками.

Но лишь перемирие на следующие 26 лет, достигнутое в сентябре 1635 года в Штумсдорфе при посредничестве французского государственного деятеля кардинала Ришелье, привело, в конце концов, к заключению постоянного мира в Оливе в 1660 году, которое нарушалось военными действиями.

Непосредственно после этого Густав Адольф отплыл из Пиллау обратно в Швецию, чтобы оттуда оказывать помощь притесняемым в Германии евангелистам.

Следствием переговоров в Фишхаузене явилась оккупация шведами не только Фишхаузена, где появился их губернатор, но и значительной части Замланда, которая ввергла весь Замланд в большую нужду.

Пиллау, Лохштедт, фогтский округ Фишхаузен, а также город Фишхаузен оставались под шведским секвестром, лишь церкви беспрепятственно поддерживали свои доходы и права. Точно так же не были отняты у Кёнигсбергского университета доходы из амта Фишхаузен. Секвестрованные области много страдали от шведской администрации и гарнизона. Строгая воинская дисциплина, которая господствовала на глазах набожного и строгого короля, в шведских войсках постепенно совсем исчезла. Шведские солдаты обращались с Замландом, как с завоёванной страной, и полностью истощили её по жестокому военному образцу.

Начальником шведского гарнизона в Фишхаузене был подполковник Йохим Никлас Гунтерберх. Чтобы по возможности защититься от почти возобновившихся военных действий, шведы всюду закладывали вершанцы – укрепления в форме четырёхугольников, заложенные на возвышенностях и окружённые насыпями и рвами. Когда, наконец, после шестилетнего гнёта 15 сентября 1635 года, город Фишхаузен был уже полностью разрушен.

По случаю освобождения страны Георг Вильгельм велел знаменитому Дадлеру изготовить модель медали, на одной стороне которой были изображены сам курфюрст и принц Фридрих Вильгельм, а на другой – Фишхаузенская бухта.

Согласно этому договору, шведы очистили город и секвестрованные области Замланда. В измученной стране на несколько лет установился покой. За крепостные укрепления в Пиллау Георг Вильгельм заплатил шведам 10000 талеров. Для покрытия этих расходов и для содержания наёмников курфюрст назначил новый налог; с каждого жилого дома должны были взимать в городах три гульдена. Город Фишхаузен от этого налога был освобождён, так как его жители полностью обеднели и остались без средств. Город находился в точно таком же отчаянном положении, как после нападения поляков в 1462 году.

Печальные последствия шведского деспотизма проявлялись ещё долгие 45 лет в неблагоприятном экономическом положении города. Раздоры десятилетиями нависали над Пруссией тяжким грузом, от которого её смог освободить лишь Великий курфюрст Фридрих Вильгельм. Пиллау и Замланд в целом находились под постоянной угрозой высадки шведов. Это

было причиной, по которой Фишхаузен долгие годы страдал от присутствия чрезвычайно сильного гарнизона.

Вскоре после ухода шведов в гарнизон заступили части полка Трухзеса, а в 1639 году в Фишхаузен вступила конная рота лейб-гвардии бранденбургского курфюрста. Они, как и все более поздние гарнизонные части Фишхаузена, составляли единственную группу войск, предназначенную для защиты Пиллау, поскольку Пиллау был тогда ещё слишком незначительным, чтобы расквартировывать большое количество солдат за его пределами.

По материалам работ Г. А. Шайбы «История города Фишхаузен», изданной в 1905 году и Оскара Шлихта.

9. Фишхаузен во времена правления Великого курфюрста.

В 1640 году в Фишхаузене разместилась новая прусская лейб-гвардейская конная рота подполковника фон Хохендорфа. К тому моменту рота лейб-гвардии бранденбургского курфюрста численностью 443 человека вернулась в Марк. Численный состав новой без офицеров достигал 180 человек, а первой задачей явилось сопровождение в 1641 году курфюрста Фридриха Вильгельма в

Варшаву для пожалования леном. Эта гвардия состояла под непосредственным командованием курфюрста, и её следует рассматривать, хотя бы по названию, как предшественницу прусской гвардии.

В 1643 году гарнизон был усилен лейб-гвардейской пехотной ротой в составе 202 человек, ею командовал курфюршеский шталмейстер (придворный, командовавший конюшнями) Пьер де ля Каве, «капитан гвардии», имя которого с тех пор встречалось в военных хрониках Замланда за многие годы.

Известно, что в 1645 году курфюрст Фридрих Вильгельм сдал поместье Альтхоф – Инстербург в аренду легендарному генералу Пьеру де ля Каву, губернатору Пиллау, с условием разведения им лошадей. О проживании его в Альтхофе не сообщается, его собственное родовое поместье находилось в Дидлакене (Тельманово), тоже недалеко от Инстербурга. После смерти генерала поместье вернулось к курфюрсту.

Гвардия Пьера де ля Каве была особенно хорошо обмундированной и высокооплачиваемой, но так как она желала быть и хорошо «угощаемой», ей было отказано в задуманном переводе в Пиллау. Там прекрасная кормёжка была невозможна, да и дала бы другим воинским частям повод для недовольства. Таким образом, обедневшие жители Фишхаузена были обязаны удовлетворять эти запросы, на которые выплачивалось по три гроша в день на одного человека. Офицеры и капралы содержали свои собственные кантины (чайные при воинской части), из-за чего и в этом деле город не имел никакой выгоды.

В 1644 году город обратился к курфюрсту с прошением, чтобы уменьшили налоги. Там было сказано, что «жители стали совсем бедными и неимущими» и что «невозможно описать словами нищету, которую понесло городу бремя от множества солдат, дома разрушены и опустошены, нет другого герцогства во всем герцогстве, так много перенесшего, как Фишхаузен». Жители города также просили, чтобы была удалена недавно передислоцированная к ним рота лейб-гвардии, но это желание не было исполнено: курфюрст откровенно ответил, что он «таковую ещё не может уладить» и что «солдаты ведь также приносят деньги». Но всё же в 1645 году гвардия выступила из Фишхаузена в Пиллау.

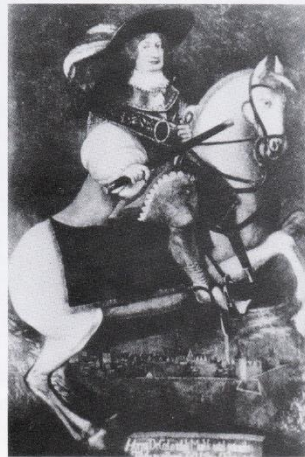
1650 год снова принёс в Фишхаузен по-настоящему военную жизнь, так как с уверенностью предполагалась высадка шведов. Для её предотвращения крестьяне замландского побережья даже обучались военному делу, но оружие хранилось в Фишхаузене и выдавалось только для упражнений.

Так как в Фишхаузен пришли ещё две роты полка Арнима, теперь уже оберраты (министры) Пруссии заступились перед курфюрстом за «бедный городок», почти пришедший в упадок под бременем расквартированных, и одна рота всё же отправилась в Хайлигенбайль.

Wehlau; das Relief des Großen Kurfürsten am Rathaus

Wehlau; Gemälde des Großen Kurfürsten im Ratssaal der Stadt

Во время второй шведско-польской войны, которая разразилась в 1655 году, Фишхаузен не подвергся нападению вражеских войск. Великий курфюрст, который стал сначала на сторону шведов, позже, руководствуясь интересами своей страны, по договору в Велау объединился с поляками.

В 1657 году в Фишхаузене снова разместились рота лейб-гвардии, а в 1659 году – даже две: рота подполковника фон

Оппена и рота капитана фон Редерна. Поскольку далее в здешний гарнизон заступили ещё три роты полка Моллена из 300 человек и драгуны, получилась неслыханная нагрузка на город. Она ещё возросла за счёт того, что большинство завербованных солдат взяли с собой жён и детей. Всё это объяснялось положением в стране, близким в 1657 – 1660 годах к состоянию войны, хотя до прямых военных действий против шведов в Пруссии дело не дошло.

В отместку за объединение с поляками по договору в Велау, шведы в 1657 году снова высадились у Пиллау и, прежде всего, попытались овладеть фарватером и крепостью. Если бы это им удалось, то тогда было бы неизбежным полное уничтожение города Фишхаузен. Великолепный буковый лес, остатки которого ещё и ныне можно отыскать у Нойхойзера, покрывал тогда всю косу, от Лохштедта до Пиллау, и продолжался ещё по ту сторону фарватера на Фрише Нерунг до старого водного пути. Шведы хотели под прикрытием этого леса атаковать крепость с двух сторон, только попытка не удалась. Чтобы впредь обезопасить себя от продолжения подобных нападений, начальник крепости Пиллау Пьер де ла Каве приказал срубить великолепный лес и этим вызвал полное обезлесение замландской косы, которую ныне пытаются с большими стараниями и расходами снова облесить.

Мир в Оливе в 1660 году принёс, наконец, тяжело пострадавшей от войны Пруссии страстно ожидаемый покой.

Великий курфюрст попытался по мере возможности оказать содействие обнищавшему городу Фишхаузен. Гвардия оставалась в Фишхаузене до 1663 года, после чего вошла в состав гарнизона Пиллау. После того, как были прекращены возбуждённые старшиной заседателей РODE политические волнения в Кёнигсберге путём его ареста, курфюрст послал в 1663 году роту подполковника фон Райссфельдта, шверинского полка, которая прежде стояла в Кёнигсберге, в гарнизон Фишхаузена. В 1677 году здесь появился полк Лендорфа, предназначенный для поддержки операций Великого курфюрста в Померании против шведов.

Солдаты были распределены и по ближайшим деревням, но многие бежали оттуда. После знаменитого зимнего похода Великого курфюрста против шведов, находившихся в Пруссии, в Фишхаузене и Лохштедте в 1679 году было размещено много пленных шведов, потому что здесь имелись большие помещения.

Когда в 1688 году скончался Великий курфюрст, в гарнизоне Фишхаузена были две роты, и он потом, вплоть до 1811 года, был постоянно занят армейскими подразделениями.

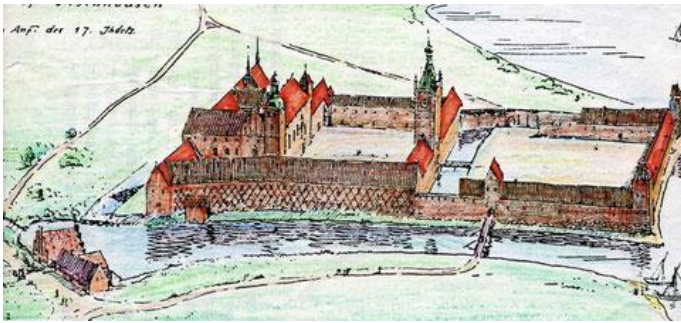
Во времена Великого курфюрста через Фишхаузен вывозили морем в Данциг зерно и выменивали его на него соль, сельдь и железо. Но при этом торговцы, по-видимому, избегали таможенных пошлин, поскольку в 1669 году курфюрст распорядился, чтобы за каждый вход корабля в Фишхаузен и выход его оттуда выплачивалась определённая такса.

В XVII веке город Фишхаузен подвергался большим пожарам. В 1671 году из-за «Божьей грозы» произошёл весьма большой пожар в верхней части города, а в 1673 году пожар «из-за другой ошибки» уничтожил всю верхнюю часть города, 31 дом был обращён в пепел, из них 6 пивоваренных. Согласно прошению города, Великий курфюрст разрешил погорельцам свободную заготовку строевого леса и два года, свободных от *oneribus publicis* (лат.) – от общественных повинностей. Предоставить им кирпич было невозможно, так как он поступал большей частью из амта Бранденбург (район посёлка Ушаково) и использовался для постройки пиллауской крепости. 2 октября 1677 году сгорела и нижняя часть города. Таким образом, Фишхаузен в конце XVII века во второй раз стал грудой развалин.

В замке Фишхаузен обстоятельства также складывались не лучшим образом. В эти годы здесь было необычайно мало инвентаря и, кроме того, ещё происходили хищения, из которых одно, совершённое писарем амта, оказалось настолько значительным, что его вдова была вынуждена выплачивать компенсацию в 5500 талеров наличными.

По материалам работ Г. А. Шайбы «История города Фишхаузен», изданной в 1905 году и Оскара Шлихта.

10. Город Фишхаузен

Фишхаузен являлся одним из старейших городов Восточной Пруссии и занимал по возрасту восьмое место.

Желание третьего самбийского епископа Зигфрида фон Райнштайн (Регенштайн) иметь при своей крепости город с немецким населением побудило

пожаловать 7 апреля 1299 года локационную грамоту и привилегии городу. Локаторы (немецкие предприниматели) отправлялись в Германию, старательно расписывали достоинства этого места и рассказывали о перспективах переселенцев, за свой «труд» же локатор вознаграждался наследственной должностью старосты. Для Шоневика, будущего Фишхаузена, вознаграждением, согласно договора с четырьмя выходцами из Штральзунда, стало право на постройку ветряной мельницы. Вероятно, итоги их деятельности не удовлетворили епископа... Так или иначе, но уже 19 августа 1305 года документы 1299 года были заменены новой грамотой о городских привилегиях. И эта дата для жителей Фишхаузена считается временем основания города.

В 1309 году, как и все города страны, Фишхаузен получил право на пивоварение, в 1335 году были учреждены ремесленные братства. Внутренняя же торговля города ограничивалась несколькими мелкими лавками. Доходы складывались из налогов на мясные, хлебные и обувные лавки, пивного налога, и

доставались по одной трети епископу, старосте и городу. Судопроизводством занимался городской суд – законы предусматривали попечительство над бедными и больными.

Важнейшим событием для города была постройка церкви, приблизительно в 1315 году.

Судьба Фишхаузена всегда была тесно связана с епископами.

Один из последних католических епископов Гюнтер фон Бюнау был назначен соправителем Пруссии во время отсутствия магистра Ордена Фридриха фон Заксена, всячески избегавшего становившихся всё настойчивее требований поляков о принесении ленной присяги, покинувшего страну в 1507 году.

Дела регулировались военным законом, в котором упоминалась среди немногих замков, подлежащих защите, епископская крепость Фишхаузен, где в случае войны должны были размещаться 100 человек и оставаться епископ, «поскольку в замке много чего находится». Был предусмотрен на один год провиант из 200-300 коров, 200 окороков, 25 ластов (единица массы, равная 1870 кг, от которой

происходит слово «ластадии») зерна, для напитков – 20-30 ластов солода и 8 ластов хмеля, мёд и т.д., а в качестве вооружения для защитников – 30 аркебуз (фитильное ружьё с подставкой, заряжавшееся с дула каменными и, позднее, свинцовыми пулями), 100 кулеврин (ручное огнестрельное оружие по типу аркебуза), 20 арбалетов с 3 тысячами стрел и др. В гарнизоне должны были находиться люди, знавшие толк в порохе и огнестрельном деле, каменщики и плотники, а также цирюльники.

Избранный магистром в 1511 году Альбрехт фон Бранденбург также сначала назначил соправителем епископа до своего прибытия в Пруссию.

О некогда мощном, богатом и уважаемом орденском государстве, которое по сути оказалось нищим к концу Тринадцатилетней войны, и о сложившейся ситуации в Пруссии на своих страницах в социальных сетях мы не много рассказывали в течение деятельности проекта в Гвардейском районе

https://www.facebook.com/HistoryK39/posts/486029268775967?_tn_=-R https://vk.com/wall-168806484_628

При епископе Гюнтере фон Бюнау в Фишхаузене случались раздоры с бернштайнмейстером (лицо, руководившее охраной, добычей и реализацией янтаря) из Лохштедта Лео фон Вайблингеном из-за границ между Лохштедтом и Фишхаузеном, а потом с приглашённым из Данцига священником Матеем, который пожаловался непосредственно магистру на неудовлетворительное обеспечение. Произошла также непонятная большая шумиха, вызванная воровством янтаря – крестьяне, брошенные магистром на произвол судьбы при поставках соли, которые были прерогативой Ордена, из-за нужды продавали горожанам Фишхаузена найденный янтарь. Огромное число людей оказались замешанными в эту скандальную историю: так одна хроника сообщала о 500 жителях округа, «которые из-за этого погибли». Все эти недоразумения побудили епископа покинуть Пруссию в 1516 году.

Вскоре для Пруссии настали новые времена. Развитие и ускорение её обновления были заслугой Георга фон Поленца, с железной решимостью, самоотверженно и крайне разумно полностью преобразовавшего страну в политическом и религиозном отношении.

После кончины Гюнтера фон Бюнау по желанию магистра Альбрехта Бранденбургского замландский соборный капитул 14 июля 1518 года избрал Георга фон Поленца епископом. 29 июля 1519 года он был посвящён в этот сан в Кёнигсбергском соборе. Денежный взнос, внесённый в Риме, составил 1488 дукатов – это была для того времени исключительно высокая сумма.

Как Фридрих Саксонский, магистр Альбрехт фон Бранденбург стремился избежать ленной присяги польскому королю и желал добиться для орденской страны полной независимости. В этом магистра особенно поддерживал его главный советник Дитрих фон Шёнберг, начальник замка Бальга.

В 1522 – 1525 годах фон Поленц находился в Фишхаузене и правил страной за отсутствовавшего магистра, назначал ландтаги и предписывал новые налоги. В полной тайне фон Поленц подготовил введение в стране лютеранства, и тесно связанная с его именем Реформация навсегда осталась одним из самых памятных событий в истории Пруссии.

Проведение реформ в Фишхаузене облегчалось тем, что независимость, которую имел фон Поленц как соправитель, давала ему возможность расчищать путь для нового учения. Все его предписания по этому вопросу, в целом касавшиеся и Фишхаузена, свидетельствовали о его решительном характере и о мужестве, проявленном при совершении дела, которое он считал правильным.

Магистр, внутренне весьма склонявшийся к евангельскому учению, вынужденно по государственным соображениям действовал с большой осторожностью и запрещал фон Поленцу вводить лютеранство в Пруссии. Епископ восстановил для видимости несколько отменённых праздников, но вскоре полностью отрёкся от римского папы и назвал себя «первым Божьей милостью епископом Замланда». Его общение с Лютером было оживлённым, и тот по желанию магистра прислал к нему богословов, среди них были Сператус и доктор Брисман, последний обучал епископа Евангелию.

В 1523 году фон Поленц в ранге первого евангелического князя церкви возвестил о Евангелии в кёнигсбергском соборе христианскому миру.

Тем временем деятельность фон Поленца не осталась незамеченной, и он должен был держать ответ перед Римом как «мятежник и клятвопреступник». Угрозы отлучения его от церкви оставило равнодушным первого протестантского епископа христианского мира и не смогло заставить отказаться от избранного пути.

Новое учение не везде принималось гладко: в Кёнигсберге дело дошло до смуты – кёнигсбергский комтур Адриан фон Вайблинген приказал отвезти епископа ночью тайком до Фишхаузена, хотя сам был противником Реформации. А Лео фон Вайблинген, опекун Лохштедта, грозился фон Поленца «утопить».

Фон Поленц верно поддерживал Альбрехта фон Бранденбурга, не стал препятствовать ему, когда, будучи герцогом Пруссии, дал в Кракове ленную присягу 10 апреля 1525 года. Благодаря энергии епископа, Пруссия не совсем вошла в состав Польши.

9 мая 1525 года герцог Альбрехт Бранденбургский торжественно вступил в Кёнигсберг. Георг фон Поленц передал герцогу власть над замландской епархией со словами: «Во имя христианского порядка и евангелической свободы епископу не подобает иметь столько великолепия».

«Большое значение имела евангелизация Пруссии, которая из полуварварского герцогства на берегах Балтии превратилась в великое цивилизованное королевство, тянущееся от границ России до берегов Рейна, и теперь, в связи с новой Германской империей, является ведущей протестантской державой на европейском континенте». Леопольд фон Ранке, официальный историограф Пруссии (с 1841). Член Прусской академии наук (1832), иностранный член-корреспондент Петербургской академии наук (1860), иностранный член французской Академии моральных и политических наук (1860).

По материалам работ Г. А. Шайбы «История города Фишхаузен», изданной в 1905 году и Оскара Шлихта.

11. Городское управление Фишхаузена

Во времена ордена городские общины Фишхаузена имели достаточно большую самостоятельность в управлении, отчего крупные города нередко создавали большие неудобства для властей всей страны. Но малые города оказывали самое незначительное влияние на её судьбу, что относилось и к Фишхаузену.

Во времена герцогов не было каких-либо порывов к самостоятельности, теперь опять-таки был фогт, который руководил городом по своему усмотрению. До XX века дошли лишь петиции и прошения

того периода, все подписанные «магистратом и советом города Фишхаузен».

Городская администрация до 1808 года состояла из шести человек. В 1784 году упоминались бургомистр, юстиц-бургомистр, городской казначей, он же брандмейстер (начальник пожарной охраны), и трое членов магистрата, один из которых был счетоводом кассы для бедных, а другой – мировой судьёй и сервисным счетоводом. Должность юстиц-бургомистра (другими словами городской писарь) занимали юристы, то есть кандидаты права, правительственные референдары (стажёры, претенденты на государственную должность) и другие подобные лица. Жалованье с приработком, не считая бесплатного жилья в ратуше, составляло 109 талеров, но к этому добавлялись ещё деньги от государства, так как городские писаря одновременно являлись ассессорами при городском и янтарном суде.

В начале XIX века была учреждена городская коллегия депутатов, состоявшая из 24 членов, затем её уменьшили до 12 человек.

В первой половине XX века в магистрате состояли бургомистр, городской казначей и трое избравшихся из горожан ратманов. Тогда городская администрация размещалась в ратуше, построенной в 1875 году и прозванной «фишхаузенской виселицей» из-за башни, обезображенной причудливой деревянной конструкцией. Намного красивее был старый «компанейский дом», как в давние времена называли ратуши. На старинных рисунках изображено солидное строение, украшенное симпатичной башней. Оно появилось, по-видимому, в 1562 году, потому что именно тогда герцог Альбрехт подарил герб городу. В 1823 году старую ратушу полностью перестроили, но она целиком сгорела зимой 1872 года во время сильных холодов, после чего почти на том же месте было построено новое здание.

Размеры угодий, принадлежавших городу Фишхаузен, оставались неизменными со времени основания, за исключением уменьшившейся площади городского леса. В 1475 году епископ Иоганнес III Ревинкель подтвердил в городской привилегии, что размеры остались такими же, как были пожалованы епископом Зигфридом фон Рейнштейном. Площадь земель составляла 1967,5 га, из них 63 га использовались как сельскохозяйственные угодья, 2 га были освоены под застройку, а остаток выпадал на городской лес и луга. Район домена включал 1063,5 га, поэтому все связанные с Фишхаузенем земли занимали весьма значительную площадь, равную 3031,1 га.

В давние времена доходы Фишхаузена складывались, главным образом, из налога на многочисленных пивоваров, сборов с прилавков ремесленников и из акцизных поступлений. Эти «воротные деньги» были введены в 1688 году Великим курфюрстом, а в 1712 году регламентированы другим законом. Привратники-писаря трёх ворот караулили и контролировали въезд в город, проезжие получали пропуска. Акцизы выплачивались акцизным сборщикам. Те всегда были местными жителями и подбирались магистратом, но своё жалованье получали от властей страны и для упрощения дела сразу удерживали его из сборов. В более поздние времена эти сборы перестали удовлетворять государственную казну, и в 1721 году она завладела налогом торговли, который прежде

поступал в город.

В 1784 году упоминалась фишхаузенская акцизная и таможенная служба, в которой было по одному акцизному сборщику, кассовому контролёру и районному сборщику налогов. В 1817 году акцизы были полностью ликвидированы.

В начале XX века задачи, возложенные государством на городские службы, были значительными. К ним относилась запись актов гражданского состояния, служебная адвокатура, начисление и взимание государственных налогов, содействие службе воинского комплектования, помощь в исполнении социального законодательства. Совместные интересы государства и города существовали в школьном образовании, благотворительности и полиции.

В это время были построены скотобойня, газовый завод и водопровод. Таким образом, город Фишхаузен в области благоустройства «шёл в ногу» с крупными городами.

Надёжным источником доходов был городской лес, который в мирное время приносил валовой доход до 40 тысяч марок; за первый год Первой мировой войны этот доход поднялся до 200 тысяч марок. Лишь два города Восточной Пруссии, Домнау (ныне Домново) и Шиппенбайль (Семпополь), достигали более высоких доходов от своих лесов. Хорошую выручку Фишхаузену приносили и луга рядом с заливом, на Плантации, красивом променаде на востоке города. Они были заложены в двадцатые годы XIX века ратманом Гилле и потом существенно увеличились.

К функциям ландратов не входило управление городами. Городские районы Фишхаузен и Пиллау относились к налоговому советнику Кёнигсбергского района с 1688 по 1822 годы.

К отраслям, не подведомственным ландтагу, относилось строительство, подчинявшееся провинциальному строительному ведомству, созданному в 1724 году. Оно делилось на районные управления под руководством государственных архитекторов, которые обязаны после регулярных осмотров королевских строений и дорог информировать начальство об их состоянии.

О здравоохранении заботилась медицинская коллегия в Кёнигсберге, в Фишхаузене проживал фармацевт.

Судопроизводство в 1781 году было передано районным юстиц-комиссариатам. Фишхаузен стал местопребыванием одного из них. В 1822 году здесь появился городской и сельский суд, а в 1879 году – суд низшей инстанции.

Практика, особенно в военные 1807 и 1808 годы, показала необходимость деления слишком больших административных единиц провинции на территориальные единицы меньших размеров, обеспечивавших лучшее управление ими. В 1809 году появилась мысль о делении района Шаакен, которую удалось узаконить в 1815 году. Но дело дошло до этого лишь в 1818 году, и 1 апреля 1819 году начал

функционировать новый район (иногда такие районы называют уездами) Фишхаузен.

Водные границы с трёх сторон придали ему вид, вполне целесообразный с природной точки зрения, а со стороны суши решающими стали границы церковных приходов. Сюда были включены и косы, чтобы по возможности, объединить в одном месте полный надзор за янтарём, всю морскую и береговую полицию, а также вопросы судоходства, кораблекрушений и подъёма затонувших судов в Восточной Пруссии. Из-за этого у района оказалась самая протяжённая природная граница среди всех подобных административных образований Пруссии.

По материалам исследований Оскара Шлихта.

12. Река Приморская. Автор: канд. техн. наук Виктор Иванович Болучевский.

До 1946 г. река имела название Germauer Mühlenfließ (Гермауэр Мюленфлисс), то есть Гермауский мельничный ручей. Ее истоки находятся рядом с поселком Покровское, примыкающим с юга к городу Янтарному. Приблизительно в 2,5 км от истоков расположены поселки Поваровка и Русское.

Поселок Русское до 1946 г. назывался Germau (Гермау) и вплоть до 1945 г. был центром тамошнего церковного прихода, так что верховье ручья располагалось на его землях. С этим и связано немецкое название этого водотока. Протяженность реки Приморской составляет 15 км, впадает она в бухту Приморскую в пределах города Приморска.

В реку Приморскую, в свою очередь, впадают более 20 малых водотоков (ручьев) и река Козья. Нижняя часть реки Приморской на протяжении 4 км состоит из параллельных рукавов. К ее устью слева примыкает бывший Вишродтский мельничный ручей (Wischrodter Mühlenfließ): Вишродт – ныне Крыловка. В давние времена здесь, на восточной границе Приморска, существовал пруд, водой которого приводилась в движение мельница, принадлежавшая не городу, а замку. Слив пруда примыкал к бухте, и там была создана гавань.

На состояние вод реки Приморской может оказать влияние жизнедеятельность в пределах населенных пунктов Приморск, Дивное, Парусное, Путилово, Морозовка, Русское, Поваровка, Осокино, Покровское, Тихореченское, Цветное, Черемухино, а в самой нижней части устья к ним добавляется Крыловка. За пределами этих населенных пунктов может сказаться неправильное применение минеральных удобрений на полях, если таковое имеет место поблизости от реки Приморской и связанных с нею других водотоков. Вследствие естественных процессов происходит механическое загрязнение речных вод (попадание в них ветвей, сухой листвы и стволов деревьев и кустарников, сухой травы и т. д.). Конечно, все это в той или иной степени неизбежно может сказаться и на состоянии вод бухты.

В непосредственной близости от реки Приморской на всем ее протяжении проходит и в одном месте пересекает ее железная дорога Приморск – Янтарный. Она ныне не действует, однако не исключен ее повторный ввод в эксплуатацию.

Рядом с рекой функционирует и пересекает ее шоссе Приморск – Круглово. Пересекают реку железная дорога Калининград – Балтийск и ряд проселочных дорог. Рядом с устьем реки проходит и пересекает его шоссе Калининград – Балтийск. Ряд притоков реки Приморской пересекаются автодорогами, имеющимися на интервале Цветное – Нивы – Тихореченское – Круглово – Путилово – Морозовка – Поваровка. Железная дорога и шоссе Калининград – Балтийск на значительном участке проходят поблизости от бывшего Вишродтского мельничного ручья и также пересекают его. Таким образом, не исключена возможность загрязнения бассейна реки Приморской горюче-смазочными материалами вследствие их утечек.

В недалеком будущем через нижнюю часть реки Приморской будет проложен отрезок Приморской кольцевой автострады, поэтому интенсивность эксплуатации автотранспорта в данном районе резко увеличится. При ненадлежащем отношении к состоянию автомобилей может возрасти опасность загрязнения речных вод горюче-смазочными материалами.

Все эти факторы должны учитываться при планировании и осуществлении мероприятий, направленных на поддержание в надлежащем состоянии русла реки Приморской. В начале 2004 г. вопрос очистки русла реки рассматривался на стартовой конференции на тему «Приграничные регионы: Калининградская область – регион сотрудничества России и Европейского Союза» в рамках проекта «Российский компонент стратегии развития Еврорегиона «Балтика» (Seagull RC). Несколько позднее была произведена механическая очистка (уборка) одного из участков русла.

5 июня 2011 г.

Опубликовано на сайте В. И. Болучевского «Город Фишхаузен (Приморск) и его окрестности». <http://fishhausen.ru>

13. Виктор Иванович Болучевский

Виктор Иванович Болучевский, Член Калининградского областного клуба краеведов, историей Приморска, бывшего Фишхаузена занимается с конца 90-х годов, с того самого времени, когда приехал в Калининградскую область.

Статья о Викторе Ивановиче, которую приводим вниманию наших читателей, написана почти 20 лет назад и актуальности на сегодня не утратила, лишь только цены изменились, а положение вещей не поменялось.

В свою очередь команда проекта благодарит Виктора Ивановича Болучевского за ценный труд в сборе материалов по истории одного из старейших городов Восточной Пруссии и небольшого городка нашего края – Приморска, бывшего Фишхаузена.

«Между морем и заливом. Между будущим и прошлым».

Письмо, что называется, позвало в дорогу. Объемистое, несколько страниц убористым ровным почерком, под заголовком "О забытом юбилее полузабытого города". В нем, помимо изложения истории маленького немецкого города Фишхаузен и описания незавидной, как большинства наших малых городов, участи нынешнего города Приморска, содержались размышления о прошлом и настоящем, об экономике и патриотизме, о школьной программе и многом другом. Особенно удивила в письме подпись – "учитель немецкого языка средней школы № 8 г. Приморска, кандидат технических наук Виктор Иванович Болучевский".

Ничего себе, кадровый состав провинциальной школы... И мы поехали в Приморск.

Фишхаузен когда-то. Из письма В.И. Болучевского.

«В 1264 году замландский епископ Генрих фон Штриттберг построил крепость Шоневик на берегу одноименной бухты (ныне бухта Приморская) залива Фришес Хафф (ныне Калининградский залив). В 1299 году епископ Зигфрид фон Рейнштейн дал указание на постройку поселения Шоневик по соседству с крепостью (локационная грамота от 7 апреля). 19 августа 1305 года епископом Зигфридом был составлен новый

вариант грамоты, который практически явился документом об основании города Фишхаузен. В течение последующих 220 лет город был резиденцией замландских католических епископов и значительным религиозным центром. В 1525-1918 годах Фишхаузен находился последовательно под властью прусских герцогов, брандербургских курфюрстов, прусских королей и германских кайзеров. В XX веке город Фишхаузен разделил судьбу всего немецкого народа, пройдя через две мировые войны. 16 апреля 1945 года город был взят советскими войсками и с тех пор находится в составе Калининградской области Российской Федерации под названием Приморск. Фишхаузен занимал достаточно высокое положение в стране, хотя количество его жителей никогда не превышало 3900 человек. Например, согласно Указу о рангах 1680 года, он занимал 16 место среди 47 прусских городов. В 1818-1939 годах Фишхаузен был окружным центром. К началу Второй мировой войны здесь функционировали лесопильные, кирпичные, молочный и газовый заводы, мельницы, электрическая, насосная и семеноводческая станции, скотобойня, банки; жители занимались также рыболовством и разными ремеслами. Здесь было несколько школ, сиротский приют, дом престарелых, больница, госпиталь, спортивные и культурные союзы. Город был связан и с другими населенными пунктами автомобильными и железными дорогами, а также судоходными линиями».

Как попал в маленькую школу кандидат наук, имеющий несколько образований? Уехал из Казахстана за детьми, как многие русские, бросив все. Сначала работал в Калининграде почти по специальности, потом, когда железнодорожное сообщение разладилось, пришлось искать работу в Приморске. Тут игодились курсы немецкого языка, оконченные в процессе работы над кандидатской. Его ученики разные, как в любой школе, – кто-то способный, кто-то не очень, кому-то все интересно, кому-то ничего... Но Болучевский со всеми терпелив. А для самых любознательных и способных ведет факультатив по немецкому языку на тему "Unsere Region" ("Наш край").

Приморск сегодня. Из письма В. И. Болучевского.

«Что же мы теперь имеем в Приморске? Население здесь в два раза меньше, чем когда-то, практически отсутствуют предприятия и лечебные учреждения. Имеются средняя школа, школа искусств и Дом культуры. Очень слабо работает железная дорога, о каком-либо судоходстве не осталось и воспоминаний. Город потерял былую самостоятельность и является придатком Балтийска, находясь в

составе Балтийского городского округа. Жителям Приморска приходится ездить в Балтийск для решения многих вопросов жизни и быта, причем междугородными автобусами, что уже малодоступно для некоторых категорий жителей. Например, стоимость одноразового проезда из Приморска в Балтийск и обратно составляет 14 рублей. Совершенно не ведется жилищное строительство, чрезвычайно редко производится капитальный ремонт жилых домов, и часть граждан Приморска проживает в неудовлетворительных жилищных условиях...»

"История – мое хобби", – говорит Виктор Иванович. И раз уж судьба определила его новой родиной этот маленький городок, то и его историю надо узнать. И по возможности поделиться со своими знаниями с другими, тем более со своими учениками. "Иван, не помнящий родства, не станет патриотом своей Родины", – считает Болучевский. Трудно не согласиться с ним в том, что подъем экономики, то есть рост благосостояния каждого жителя Приморска ли, Калининграда или Москвы, не возможен без самоотверженного труда граждан. А этот труд не возможен при нынешней раздробленности, причина которого – в том числе и в отсутствии патриотизма, в равнодушии большинства из нас к судьбам страны. Переломить это равнодушие, заставив задавать себе вопрос: "А что здесь было. Когда нас не было?", – пытается Болучевский. Сейчас вот задумал оформить в школьном классе краеведческие стенды, но не хватает материала, особенно иллюстраций – какие у школы возможности, лишней раз в областную библиотеку не выберешься. Так, что, если кто-то из краеведов, архивистов, коллекционеров сможет помочь – здесь будут благодарны.

Наши разные предки. Из письма В. И. Болучевского.

«Известно, что слово "предок" древнего предшественника по роду, а также соотечественника из прежних поколений. Для нас, проживающих в Калининградской области, предками является не только старшее поколение русских (или русскоязычных) людей, но и многие поколения ранее живших здесь немцев. К тому же у русских и немцев есть сближающие их общие черты национального характера, к которым следует

прежде всего отнести упорство, стойкость и трудолюбие. Эти черты характера помогли нам, русским создать и сохранили великую Россию, а немцам процветающую Германию. Молодежи есть чему поучиться у тех и у других. Поэтому в нашем регионе целесообразно организовать в школах глубокое изучение местной истории, причем не только за последние полвека, но и за предшествующие столетия. У нас найдутся достойные специалисты, которые смогли бы создать соответствующий региональный учебник, о чем свидетельствует, например, интересная книга "Восточная Пруссия" (авторы В. И. Гальцов, В. И. Кулаков, Г. В. Кретинин и др.), изданная Калининградским книжным издательством в 1996 году. Мне представляется, что подобные учебники следует составить и для других регионов России, а для работы над курсом местной истории выделять учителям школ дополнительные часы».

Нельзя сказать, что история Приморска его жителей не интересует. Большинство экспонатов для небольшого историко-краеведческого музея при местном Доме культуры собрано учениками восьмой школы. Здесь и следы войны – проржавевшее оружие и каски, и стенды с фотографиями и документами первых переселенцев, ветеранов войны, и репродукции довоенных видов города... А теперь появилась еще одна возможность ознакомления с историей этих мест и школьников и вообще всех, кого это интересует. Не так давно посетил свою Родину бывший житель Фишхаузена Фриц Бергер. И передал в городскую администрацию копию уникальной книги из своей библиотеки. "История города Фишхаузен" была написана ректором городской школы Г. А. Шайбой к 600-летию юбилею города в 1905 году. Книга была передана в школу, а там попала к Болучевскому. Он не только перевел её на русский язык, но и снабдил указателями имен, городских и пригородных объектов, старинных и соответствующих названий, примечаниями. Даже стихи перевел сам. В общем, почти профессионально подготовил к печати. Пока выпущено лишь несколько пробных экземпляров книги. Да еще перевод опубликован в Интернете в специально открытом сайте www.fishhauzen.ru Правда, спонсоры обещали помочь с изданием "Истории..." Будем надеяться, что не откажут.

P.S. Два года назад бывшие жители Фишхаузена отмечали в Германии 700-летие своего города (по версии локационной грамоты). В Приморске торжеств не было. Но повод для них будет еще и в 2005 году городу исполнится 700 лет по версии грамоты от 19 августа 1305 года, которой придерживались его жители 96 лет назад. "Хотелось, чтобы наша общественность не осталась в стороне от юбилея, – говорит Болучевский, – ему и посвящается опубликование перевода книги "История города Фишхаузен".

Статья из газеты «Калининградская Правда» Светланы Песоцкой за 9 ноября 2001 г.

Опубликовано на сайте В. И. Болучевского «Город Фишхаузен (Приморск) и его окрестности» <http://fishhausen.ru/article.htm>

14. О Вислинском заливе.

Статья заслуженного эколога РФ Алексева Феликса Евгеньевича справочного издания за 2015 год «ВОДНЫЕ ОБЪЕКТЫ. Балтийское море. Лагуны. Болота». Фотографии Ю. Ф. Алексевой.

«В Балтийском море множество заливов и заливчиков с чрезвычайно разнообразными природными условиями, но нет ничего подобного Куршскому и Вислинскому.

Оба залива являются лагунами. «Лагуна (итал. laguna, от лат. lacus — озеро) — неглубокий естественный водный бассейн, соединяющийся с морем узким проливом (или проливами) или отделённый от моря полосой наносной суши — баром. Вследствие слабой связи с морем или полного обособления лагуны имеют иную, чем в море (более высокую или более низкую), солёность и специфические лагунные отложения, а также флору и фауну. Лагуны образуются в результате отчленения участка прибрежной акватории моря или озера береговым баром или косой или другой береговой аккумулятивной формой». (Большая Советская энциклопедия. М. Советская энциклопедия 1969—1978 гг.).

«Куриш и Фрише — гафы можно рассматривать либо как заливы, либо как береговые озера или лиманы, соединенные с морем узкими проливами. Последнее выглядит более справедливо, потому что оба гафа довольно мелки и оба содержат вполне пресную воду». (Германия. Военный обзор восточных областей. Издание Военно-Ученого Комитета Главного Штаба. С.-Петербург, 1898).

Близкий к современному облик лагун сформировался в конце литторинового периода развития Балтийского моря, 5,5–4 тыс. лет назад, параллельно с окончательным формированием Куршской и Вислинской кос. При большом сходстве лагун, их образование происходило по-разному.

Вислинская лагуна лежит в глубине Гданьского залива Балтийского моря, от которого отгорожен песчаной пересыпью — Вислинской (Балтийской) косой. Общая длина береговой линии лагуны 270 км, из которых 149 км принадлежит России. Площадь водного зеркала 838 км², из них 472,52 (56,2 %) — российская часть. Объем вод лагуны 2,3 км³. Средняя глубина 2,8 м, максимальная — 5,2 м.

Северо-восточная часть лагуны имеет форму равнобедренного треугольника с обращенной на восток вершиной у естественного устья р. Преголи. Эта часть лагуны образовалась на месте затопленного устья древней водно-ледниковой долины. В северо-западной части лагуна образует широкую полукруглую Приморскую бухту, которая с запада ограничена 11-ти километровой корневой частью Вислинской косы.

У Балтийска коса разрывается проливом, соединяющим лагуну с морем. Ширина пролива около 400 м. Пролив искусственно углублен до 9—12 м для прохода крупнотоннажных судов. Вдоль северного берега лагуны, от естественного устья Преголи на востоке до Приморской бухты на западе, проходит построенный в начале XX в. судоходный канал, огражденный по южному борту дамбой с 6 мелководными разрывами шириной около 30 м каждый. Судоходный канал является искусственным продолжением русла р. Преголи, так что фактически ее устье смещено на 20 км на запад от первоначального. Водообмен между каналом и лагуной через мелководные «окна» в дамбе незначителен.

Весь замечательный природный комплекс, включающий Вислинскую косу, лагуну и прибрежные низменности восточного побережья, сформировался с окончанием последнего ледникового периода, совсем недавно. С отступлением ледника на Самбийский полуостров, у его края, на месте современной Вислинской лагуны и приустьевой низменности Преголи образовалось приледниковое озеро. В него впадали древние Преголя, Прохладная и другие реки. Широкие долины этих рек, заполненные многометровыми толщами речных наносов, свидетельствуют о былой их полноводности. Питаемые обильными тальными водами, реки несли в озеро продукты размыва ледниковых отложений, которые сформировали на его дне мощный слой рыхлого материала. (В будущем за счет этого материала сформировался береговой бар, положивший начало Вислинской косе).

С отступлением ледника на Скандинавский полуостров, 13—10,5 тыс. лет назад, во впадине будущего Балтийского моря образовалось Балтийское ледниковое озеро. Поскольку его уровень был ниже современного уровня Балтийского моря (по некоторым данным даже на 18—20 м), произошел спуск приледникового озера. С этого времени и вплоть до повышения уровня моря в период максимума литториновой трансгрессии, 7,5—5,5 тыс. лет назад, территория Вислинского залива была сушей с низким уровнем грунтовых вод. По мере быстрого повышения уровня Литторинового моря (в отдельные периоды со скоростью до 6,5 см в год — 6,5 м за столетие!) на границе суши из размываемых рыхлых наносов стал формироваться береговой бар — песчаный вал, протянувшийся вдоль всего низменного берега. С повышением уровня моря активизировалось разрушение высоких берегов Самбийского полуострова.

Вдольбереговые течения переносили от самбийского побережья на юго-запад огромное количество рыхлого материала, который способствовал наращиванию объема берегового бара — будущей Вислинской косы.

Образование Вислинской косы началось еще до образования Вислинской лагуны. С повышением уровня моря повышался также и уровень грунтовых вод на прибрежной низменности. На всем ее пространстве, отрезанном от моря растущей косой, образовались многочисленные озера и болота. Постепенно низменность была затоплена речным стоком — родилась Вислинская лагуна. На дне лагуны под современными илисто-песчаными осадками с ракушкой лежат только речные наносы и озерно-болотные отложения с линзами торфа, характерными остатками пресноводных растений и животных, но нет отложений морских. Очевидно в послеледниковое время на месте лагуны моря не было.

Образно говоря, Вислинская лагуна представляет природный гидротехнический комплекс: огромный пруд, заполненный речными водами, подпруженный плотиной Вислинской косы. По мере повышения уровня лагуны ее воды прорывались в разных местах сквозь тело косы, обеспечивая сток речных вод в море. Образовавшиеся проливы были недолговечны, в

сильные штормы одни заносило песком, другие возникали в новых местах. Только за последнее тысячелетие таких проливов в разных местах косы было не менее восьми. В период с XI по XVI вв. в теле косы было по два, а порой и по три пролива одновременно. Единственный нынешний Балтийский пролив образовался совсем недавно. И если бы не постоянные работы по его защите и углублению, неизвестно, дожил бы он до наших дней или нет.

Возможно, в недалеком будущем в теле Вислинской косы появится новый пролив. В Польше рассматривается возможность строительства судоходного канала сквозь косу, который открыл бы старинному портовому городу Эльблонгу свободный выход в Балтийское море.

Сооружение такого канала со свободным водообменом может привести к существенным изменениям солености со всеми вытекающими последствиями для экосистемы, которая и без того находится еще на стадии адаптации. Эта проблема могла бы быть в значительной мере смягчена в случае оборудования канала шлюзами, исключая постоянный приток морских вод в лагуну.

При сходстве в происхождении и возрасте Вислинской и Куршской лагун история их экосистем совершенно различна. Современная экосистема Вислинской лагуны сформировалась под значительным воздействием хозяйственной деятельности.

На протяжении столетий лагуна была практически пресноводной. Ее водная масса формировалась стоками двух основных рек — Преголи и Вислы, точнее ее восточного рукава — Ногата. Приток соленых морских вод через мелководные естественные проливы был незначительным. В XIV—XVI вв. проливы были занесены песком. Современный Балтийский пролив стал судоходным после мощного шторма в 1510 г. и с тех пор постоянно искусственно углублялся. Радикальные изменения в характер водного баланса лагуны начались в конце XIX в. со строительства судоходного канала от Пиллау до Кенигсберга. Пролив был углублен, увеличился приток морских вод, повысилась соленость вод лагуны вблизи пролива. Но в большей части лагуны вода оставалась пресной. В 1916 г. были завершены работы по перекрытию рукава Вислы — Ногата.

Приток речных вод в лагуну уменьшился более чем вдвое, уровень воды понизился, стали меняться и гидрохимические показатели. Лагуна быстро осолонилась, часть ее пресноводного населения исчезла, началось заселение свободного пространства морскими и солоноватоводными организмами. Вторым важным следствием зарегулирования стока Ногата стало резкое уменьшение твердого стока.

До 1916 г. Ногат поставлял в лагуну 300—400 тыс. м³ наносов в год. «С каждым годом Фриш-гаф мелеет и площадь его уменьшается, не только вследствие засорения песками дюн, но и вследствие значительных отложений в устьях больших рек. Размер этих отложений настолько велик, что в устьях р. Ногата, по многолетним наблюдениям, образуется ежегодно до 100 моргенов (25 десятин) новой земли, а р. Эльбинг ежегодно выдвигает свое устье на 2—3 сажени» (Германия. Военный обзор восточных областей. Издание Военно-Ученого Комитета Главного Штаба. С.-Петербург, 1898).

Сокращение потока речных наносов привело к изменению осадконакопления, перераспределению уже имевшихся осадков и изменениям в структуре и продуктивности донных сообществ. Среднегодовой сток из лагуны составляет 28,48 км³, приток из моря — 17,0 км³. Объем стока с суши в лагуну — 3,65 км³, из которых на сток р. Преголи приходится 1,45 км³ (около 43%). Современный уровень воды в лагуне на 5 см выше уровня Балтийского моря.

Под влиянием водообмена с морем, ветров и речного стока уровень воды в лагуне изменяется, особенно резко при штормовых нагонах. Абсолютное значение колебаний уровня воды в северо-восточной части лагуны — близ устья Преголи — составляет 316 см (в юго-западной, польской части лагуны оно наибольшее — 337 см). Соленость вод изменяется в пределах 1,0—9,5 ‰. Ее распределение зависит главным образом от направления и силы ветра, определяющих поступление в лагуну через пролив соленых морских вод, направление и скорость течений в акватории самой лагуны. В северо-восточной части лагуны соленость изменяется в диапазоне 1,3—6,0 ‰ и в среднем составляет 3,7 ‰; вблизи пролива — от 2,0 до 9,6 ‰ и в среднем 4,9 ‰, в центральной части — от 0,1 до 5,8 ‰ со средним многолетним значением 2,8 ‰.

В штилевую погоду соленость повышается с глубиной, но «расслоение» соленых и пресных вод разрушается при ветровом перемешивании, которое затрагивает всю водную толщу. Различие в солености разных участков лагуны определяет большое разнообразие водных обитателей, видовое богатство кормовых организмов и в конечном счете высокую рыбопродуктивность этого водоема.

Едва ощутимая на вкус солоноватость Вислинской лагуны для многих ее обитателей жизненно важна. Для одних солоноватые воды благоприятнейшая среда, для других они губительны. Все, кто в начале лета прогуливался по лагунному берегу Куршской косы с зарослями тростника, камыша, кубышек и рдестов, наверняка слушали тысячеголосый хор лягушек. На таком же берегу Вислинской косы с тем же буйством той же водной растительности и в ту же самую пору царит тишина. Нет на Вислинской косе ни лягушек, ни жаб, ни тритонов. Не выживают в солоноватой воде икринки и головастики, не могут в ней долго находиться и взрослые лягушки. То же и с другими амфибиями — тритонами и жабами — все они икру в воду откладывают, но только в пресную.

Условия для жизни водных обитателей лагуны очень и очень изменчивы от сезона к сезону, но также и от года к году. Минимальная среднемноголетняя температура воды (в январе-феврале) всего 0,3 °С, максимальная (в июле) 20 °С. Наивысшая зарегистрированная температура воды 27,2 °С. Ледовый покров может держаться 5 месяцев, но нередко, особенно в последние десятилетия, он не формируется вовсе (к великой досаде многотысячной армии любителей зимней рыбалки).

Содержание кислорода в воде сильно меняется в зависимости от притока морской воды и интенсивности фотосинтеза растительного планктона. Наибольшие концентрации, до 12 мг/л, наблюдается в период цветения фитопланктона, когда насыщение поверхностной воды кислородом может достигать 150 %. Вблизи устья Преголи в прошлом нередко наблюдался дефицит кислорода и образование токсичного сероводорода, обусловленные сильным загрязнением вод реки стоками целлюлозно-бумажных комбинатов. Сегодня с калининградских набережных ловят леща и судака, везунчикам попадаетеся и лосось.

Прозрачность вод лагуны невысокая, зимой обычно не превышает 1—1,5 м (однажды зарегистрированный рекорд — 3,5 м), летом, в период массового развития планктонных водорослей, прозрачность снижается до 0,2 м. При сильном ветровом волнении прозрачность вод может резко уменьшаться из-за взмучивания илистых донных отложений на мелководных участках акватории.

Как для Куршской, так и для Вислинской лагуны основная экологическая проблема — эвтрофикация, т. е. загрязнение вод элементами минерального питания растений — фосфором и азотом. Избыток этих элементов, поступающих в лагуну с загрязненными стоками коммунального хозяйства, промышленности и дренажными водами с сельскохозяйственных земель вызывает «цветение» лагуны — бурное развитие растительного планктона, преимущественно сине-зеленых водорослей. Цветение резко ухудшает качество вод и условия существования множества водных организмов, в том числе и «заморы» — массовую гибель рыб.

Уровень загрязнения вод Вислинской лагуны минеральным фосфором на протяжении многих лет в июле-сентябре остается в среднем около 80–100 мкг/л. Среднемесячная биомасса фитопланктона изменяется от минимальной (0,6 г / м³) в феврале до максимальной (3,55 г / м³) в июле. По видовому составу фитопланктон лагуны типичный солоноватоводный. Характерна четкая смена сезонных группировок с различным видовым составом, но пять массовых видов на протяжении года имеют частоту встречаемости 100 %. Весной и зимой в фитопланктоне преобладают зеленые и диатомовые водоросли, летом и осенью — сине-зеленые.

В зоопланктоне преобладающими по биомассе являются веслоногие (Copepoda) и ветвистоусые (Cladocera) рачки и коловратки; основную часть биомассы формирует на протяжении всего года один вид веслоногих. Средняя биомасса зоопланктона за вегетационный период составляет 1,1 г/м³, в периоды весеннего и летнего пиков — 1,8 г/м³. Около 80 % биомассы — веслоногие с одним доминирующим видом *Eurytemora affinis*.

На видовой состав сообществ зоопланктона наибольшее влияние оказывают изменения температуры и солености. С 1987 г. наблюдалось увеличение численности и биомассы зоопланктона при одновременном уменьшении размеров и массы особей. Предполагалось, что это следствие прогрессирующей эвтрофикации лагуны. С конца 90-х годов в сообществах животного планктона происходят изменения, вызванные появлением и массовым размножением видов-вселенцев, в частности хищного ветвистоусого рачка церкопагиса (*Cercopagis pengoi*).

В донных сообществах (бентосе) преобладали личинки хирономид (комаров-звонцов), малощетинковые (*Olygochaeta*) и многощетинковые (*Polychaeta*) черви, моллюски. Среднегодовая биомасса хирономид составляла около 12, олигохет — 4, полихет — 3,3, моллюсков — 12 г/м², что намного больше, чем в Куршской лагуне.

Высокая биомасса «мягкого» бентоса (т. е. хирономид и червей) создавала хорошую обеспеченность пищей рыб, питающихся со дна. Эти показатели, с небольшими вариациями от года к году, характеризовали аборигенное донное население Вислинской лагуны вплоть до 90-х гг. прошлого века. В 1988 г. в Вислинской лагуне появился незванный гость из холодных вод Атлантического побережья Северной Америки — многощетинковый червь маренцеллерия неглекта (*Marenzelleria neglecta*). За короткое время маренцеллерия стала доминирующим видом донных животных. В 2000 г. биомасса этого червя достигла очень высокого значения — более 100 г/м².

А дальше начался резкий спад, биомасса сократилась в десятки раз. Как считают ученые, холодолюбивому вселенцу не понравилось наступившее потепление вод лагуны. После долгого спада биомассы донных животных в 2011 г. она вдруг резко выросла до 140 г/м², но уже не за счет маренцеллерии, а благодаря быстрому увеличению массы гостя из теплых вод Мексиканского залива — двустворчатого моллюска рангия (*Rangia cuneata*). Причина — экстремально теплый 2010 г., благоприятный для роста и размножения рангии. Подобные скачкообразные изменения биомассы в многовидовых сбалансированных сообществах аборигенных донных животных — явление невероятное. Последствия этих беспрецедентных изменений для экосистемы лагуны и для бентосоядных рыб, в частности, пока только начинают изучать. Но представим себе такую вольную аналогию: в какой-то момент на нашем столе все привычное разнообразие блюд вдруг заменилось на несколько лет, например, на одну только вермишель.

Не успели мы привыкнуть к этому рациону, как вдруг вместо вермишели возникли на столе в огромном количестве устрицы и только устрицы. (К тому же рангия имеет очень массивную, прочную раковину, которая «не по зубам» нашим рыбам). Вселение маренцеллерии привело к снижению биомассы хирономид, а это значительно ухудшило кормовую базу основной промысловой рыбы Вислинского залива — леща, в питании которого хирономиды играют главную роль.

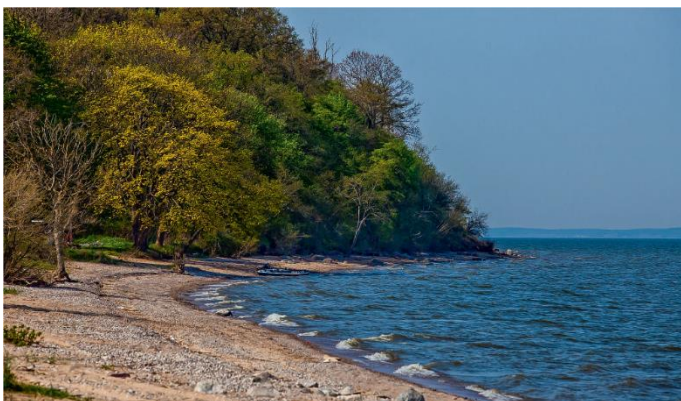

Потенциально съедобная для леща маренцеллерия обитает глубоко в толще ила и для него малодоступна.

«Биологическое загрязнение» водоемов — явление непредсказуемое, потенциально опасное и крайне нежелательное. После резкого роста численности и биомассы в первые годы, случайные вселенцы могут скромно прижиться на каком-нибудь незанятом месте и постепенно встроиться в местное сообщество без особого ущерба для аборигенов. Но возможны и менее спокойные сценарии — примеров тому в мире множество.

В Вислинской лагуне обитает 57 видов круглоротых и рыб. О рыбных богатствах можно судить по величине допустимого вылова основных промысловых видов в российской части лагуны (на 2013 г.): леща — 290 т, судака — 150 т, плотвы — 100 т, чехони — 80 т. Максимальный улов в лагуне все-таки обеспечивает салака — около 4 тыс. т в российских водах и до 3 тыс. т — в польских.

Прибрежные природные комплексы Вислинской лагуны на протяжении веков нарушены хозяйственной деятельностью. Многие изменены коренным образом и преобразованы в антропогенные ландшафты. Вдоль северного берега лагуны от Калининграда до Приморской бухты проходит глубоководный судоходный канал, огражденный с юга цепочкой искусственных островов. Северный берег густо заселен, пронизан множеством дорог и коммуникационных линий. Здесь располагается несколько портовых сооружений, производственный комплекс ЗАО «СодружествоСоя» и крупный нефтяной терминал ООО «ЛУКОЙЛ-КНТ», оборудованный самыми современными системами промышленной и экологической безопасности. Вдоль северного берега от Калининграда до Приморской бухты проходит открытый канализационный коллектор. Здесь же расположена огромная средневековая городская свалка.

Восточное побережье лагуны, от Калининграда до пос. Прибрежного занято действующими и выработанными песчано-гравийными карьерами, образующими систему соединяющихся с лагуной искусственных водоемов. На северной половине восточного берега лежит плоская низменная озерно-ледниковая равнина с густой сетью рек и участками пойменных

низинных болот. Ценным природным комплексом является система р. Прохладной, включающая саму реку, ее левобережный приток — р. Корневку, пойменные луга и низинное болото Ушаковское. В бассейне р. Прохладной происходит нерест лосося и кумжи.

Весь комплекс важен для сохранения местообитаний регионально редких видов птиц. Река Прохладная — одна из немногих относительно слабозагрязненных рек области. Юго-западнее устья р. Прохладной расположена группа невысоких (50—60 м) моренных холмов с хорошо дренированными бурыми лесными почвами и массивом широколиственного Дачного леса с преобладанием бука и отдельными участками чисто буковых насаждений. Дачный лес представляет интерес как образец характерного ландшафта, реликтовых почв и широколиственного леса с характерной неморальной травянистой растительностью. Участок букового леса с покровом плюща вечнозеленого имеет статус Памятника природы регионального значения.

Центральной природно-исторической достопримечательностью восточного побережья является мыс Северный (полуостров Бальга). Восточную половину полуострова занимает низинное болото Приморское с остатками осушительной системы и небольшими мелководными водоемами. Болото и прилегающий участок лагуны являются местом сезонных скоплений перелетных водоплавающих птиц и гнездования целого ряда регионально редких видов, а также местом зимовки орлана-белохвоста (до 15 особей) и большого крохалея (до 1000 особей). На западной стороне полуострова расположена группа моренных холмов с суходольными лугами, старым парком и руинами древнейшей на территории Калининградской области орденской крепости Бальга (1237).

В совокупности природный и культурный комплекс «Бальга» представляет интерес для сохранения биологического разнообразия, историко-культурного наследия и для развития экологического туризма. Холмы, окружающие западную окраину болота, создают исключительно благоприятные условия для наблюдения за

водоплавающими птицами в периоды миграций и гнездования.

Крайнюю южную часть восточного берега залива, вблизи границы с Польшей, занимает природный комплекс с приморскими заливными лугами и отдельными моренными холмами с небольшими болотами в понижениях. Территория дренируется р. Мамоновкой (Банувка) и ее притоком р. Витушкой (Лавя). Верховья обеих рек находятся на территории Польши. В нижнем течении р. Мамоновка сильно загрязнена неочищенными хозяйственно-бытовыми и промышленными стоками г. Мамоново. С вводом в эксплуатацию строящихся очистных сооружений в г. Мамоново загрязнение рек и лагуны существенно уменьшится.

В целом экосистема Вислинской лагуны подвергается постоянному загрязнению эвтрофицирующими и другими поллютантами и в настоящее время оценивается как гиперэвтрофная.

Существенное сокращение загрязнения будет достигнуто после ввода в эксплуатацию очистных сооружений в Калининграде, Светлом, Мамонове, Ладушкине.

Заканчивая это краткое описание Вислинской лагуны с ее ценностями и проблемами, надо сказать, что предмета описания, т. е. лагуны, вполне могло и не быть, если бы осуществился детально, с немецкой тщательностью, разработанный проект ее осушения.

Покушения на перекройку Вислинской лагуны начались еще в конце XIX в. В 1874 г. по заказу Данцигского Совета был разработан проект, открывающий старинному ганзейскому городу Эльбингу короткий путь в Балтийское море.

Проектом предполагалось оградить дамбой и осушить южную часть лагуны и построить морской канал сквозь Вислинскую косу. Проект остался на бумаге, но в 20-х гг. прошлого века возродился в поистине грандиозном замысле: осушить и превратить в плодородные польдерные земли всю лагуны. Идея родилась в разоренной войной и репарационными платежами Германии и стала особенно заманчивой, когда в 1929 г. зародившийся в США мировой экономический кризис поразил едва возродившееся хозяйство Веймарской республики. Германия стала одной из наиболее пострадавших стран, так как ее экономические успехи в значительной степени базировались на иностранных кредитах и инвестициях. К началу 1933 г., по официальным данным, число безработных приближалось к 9 млн человек, т. е. составляло половину лиц наемного труда. Не случайно ежегодно в среднем 21 тыс. человек кончали жизнь самоубийством. В этих условиях идея создания большого массива новых сельскохозяйственных земель была весьма привлекательна. Проект предполагал осушение примерно 540 км² лагуны. Осушительная система польдеров была распланирована так, что наделы каждого будущего крестьянского хозяйства должны были занимать территорию площадью около 20 моргенов (морген = 0,25 га). На вновь созданные польдеры должны были быть переселены 13 056 семей (т. е. около 60 тыс. человек), в том числе:

- 9792 семей поселенцев — крестьян;
- 2742 семьи ремесленников и рыбаков;
- 522 семьи мелких торговцев, чиновников и т. п.

Все расходы, включая осушение, строительство морских каналов, дорог и прочих сооружений, должны были составить 45 млн. рейхсмарок.

Таков был проект, представленный Берлину в 1932 г. Но проект немного запоздал. В Германии уже зарождались совсем иные планы приобретения новых земель.

И Вислинская лагуна жива. Наше дело — позаботиться о том, чтобы она была еще и здорова. В мире созрело понимание простой, в общем-то, истины: здоровье людей зависит от здоровья Природы».

Опубликовано на сайте НФ «Исток» по изучению и сохранению природы Калининградской области <https://istok39.ru/>

15. Из истории рыболовства Восточной Пруссии и Калининградской области. Основная статья Вероники Чернышевой «Рыбный промысел в Восточной Пруссии».

Испокон веков люди, селившиеся около водоемов, занимались рыболовством. Рыба для них являлась важным, а иногда и основным источником пищи, способствовала товарному обмену с другими территориями. По историческим данным это в полной мере относилось к пруссам, жившим в доорденский период на территории, ставшей в последствии Восточной Пруссией. В тевтонских

хрониках второй половины XIII века упоминается об использовании пруссами не менее 13 старых видов сетей, а также крючковых снастей и различного рода вентерей для лова и содержания различных видов рыб (Венеке, 1884). В этих же летописях зафиксировано, что, следуя своим языческим обрядам, древние пруссы жертвовали своим богам рыбу, совершая, в том числе и обряды ее сожжения. Известны были в те времена и священные места этих жертвоприношений, например, «священный камень» - большой гранитный валун на берегу залива (Вислинского?).

Использование разнообразных орудий лова для промысла многочисленных видов рыб: щуки, лосося, осетра, сельди и др., свидетельствует о хорошем знании местными жителями таких сторон биологии рыб как время и места нереста, пути миграций, особенностей питания и поведения.

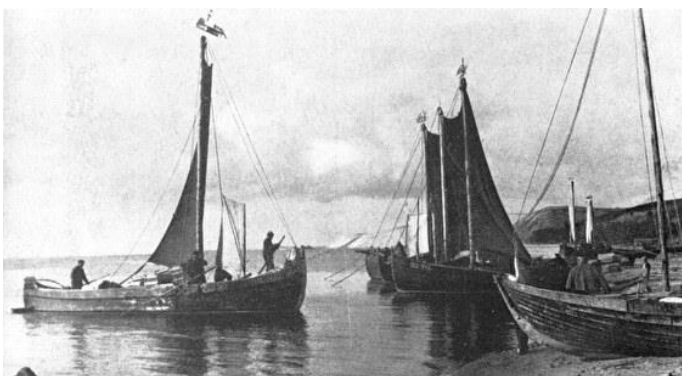
Следует особо подчеркнуть упоминание в тевтонских летописях об элементах регулирования использования рыбных запасов, которым занимались в основном языческие священники, указывая, когда, где и какими орудиями можно ловить рыбу, и кто может этим заниматься. Имелись также водоемы, аналоги современных заказников, в которых вообще было запрещено ловить рыбу.

В целом рыболовство носило семейно-общинный характер. Им занимались или отдельные семьи рыбаков или преимущественно поселения, на месте которых постепенно образовывались рыбацкие деревни. В этих поселениях рыболовство на протяжении столетия было главным занятием их жителей.

Есть в немецких хрониках и указания на искусственное разведение рыбы в пруду при большой прусской крепости, где содержалось достаточно рыбы для питания гарнизона. Правда, подтверждения этому не было найдено.

Рыболовные лодки (куренасы) в Куршском заливе

Пришедший на смену пруссам во второй половине XIII века Тевтонский орден оценив огромные запасы рыбы в этом краю озер, рек, заливов, морского побережья взял управление рыболовством в свои руки. Правила ловли, установленные в орденские времена, впервые имели светский характер. В основе их лежали экономические и

природоохранные принципы. Экономический аспект заключался в платности использования рыбных ресурсов, а рыбоохранный в ограничении промысловой нагрузки на отдельные виды в некоторые периоды или запрете на тот или иной промысел. Так по Орденскому праву имелась специальная структура, состоящая из «рыбных мастеров», которые тщательно конт-ролировали этот промысел (должность считалась очень почетной и важной). Они являлись смотрителями за соблюдением правил лова рыбы в многочисленных водоемах. Особую важность их деятельность имела в связи с необходимостью употреблять рыбу во время частых религиозных постов. Так, в правлении Великого магистра Конрада фон Юнгингена насчитывалось 39 рыбных мастеров (Чернышева, 2000).

Правила предусматривали на некоторых водоемах и свободный доступ для лова рыбы без ограничений. В то же время была широко распространена практика получения привилегий на право рыбной ловли в определенном водоеме. Обычно их давали городам, общинам, монастырям, отдельным людям. Это были так называемые "рыбные грамоты", за которые надо было ежегодно платить ордену определенную плату. Их должны были покупать и рыбаки, расселившиеся на морском побережье, заливах, прочих водоемах. Лов рыбы для нужд самого ордена велся специальными людьми или на основе аренды.

Ограничения рыбоохранный характера были разнообразными и конкретными. В привилегиях городов, хрониках, записях служебных палат находятся многочисленные заметки о рыболовстве.

В документах второй половины XIII века, дающих привилегии отдельным жителям или поселениям на свободное рыболовство на заливах, озерах или реках содержались ограничения: не перегораживать реку, не ловить угрей вершами без особого разрешения, не ловить в устье определенной реки, не использовать определенные орудия лова и т.п.

Появление в 1589 году закона о рыболовном промысле утвердило сформировавшуюся систему охраны рыбных запасов. По этому закону были определены районы рыболовного промысла, спи-сок сопровождающих (вспомогательных) профессий, право на предметы, выбрасываемые на берег моря, наказания за нарушение предписанных правил, не соблюдения тишины в районах рыбной ловли и т.п. Применённые в этом законе правовые нормы фактически присутствуют и в наших современных правилах рыболовства, также содержащих ограничения по объектам, местам, срокам, орудиям и способам рыболовства.

В тевтонских летописях встречаются указания на то, что в средние века Балтийское море буквально кишело рыбой. По легенде, достаточно было опустить в воду корзину, чтобы она тут же заполнилась сельдью, сёмгой, жирными угрями, осётрами. Сёмги было так много, что её разрешалось продавать только два раза в неделю, чтобы не сбивать цену.

Конечно, к таким сведениям нужно относиться как к значительным преувеличениям. Ведь в них не указывается, в каких именно местах, и в какое время это происходило. Вполне вероятно присутствие во время нереста большого скопления рыбы на ограниченной акватории. Кроме того, промысловая нагрузка была существенно ниже, чем в настоящее время.

Тевтонский орден держал всю кёнигсбергскую торговлю в своих руках, установив твёрдые правила и жёстко определяя цены на все продаваемые товары. Торговля осуществлялась только на выделенных местах. Нарушение предписаний сурово каралось. Так же наказывались те, кто, сливая в воду отбросы и нечистоты, загрязнял водоемы.

После вхождения в Ганзейский союз Альтштадт, Кнайпхоф и Лебенихт успешно торговали, кроме всего прочего, рыбой. Особенным спросом на международном рынке пользовалась кёнигсбергская сельдь. Чуть позже своеобразным «брендом» стал копчёный угорь, мясо которого высоко ценилось европейскими гурманами.

В г. Пилау (Балтийск) в 1600 г. одним из важнейших зданий была так называемая Осетровая изба. Отлов балтийского осетра в количестве до 1000 штук в год и его переработка были государственной монополией. Специальные мастера «осетрового дела» были государственными служащими и принадлежали к самым влиятельным кругам города. Рыбаки были обязаны свои уловы осетра сдавать государству.

Рыбак с пойманным в сети лососем, вес которого около 20 кг.

Однако позже эту монополию дважды сдавали в аренду Английскому обществу. Осетровая или весовая изба являлась многофункциональным строением и служила до разрушения в 1814 г. (Давыденко, 2000). О значимости для этого города промысла балтийского осетра говорит и его герб, повторяющий печать, врученную бургомистру Пиллау в связи с дарованием королем Фридрихом Вильгельмом I в 1725 году прав города. На гербе изображен плывущий серебряный осетр с короной на фоне красного неба и голубой воды.

Орудия рыболовства Куршского залива
в музее г. Шелуте (Литва)

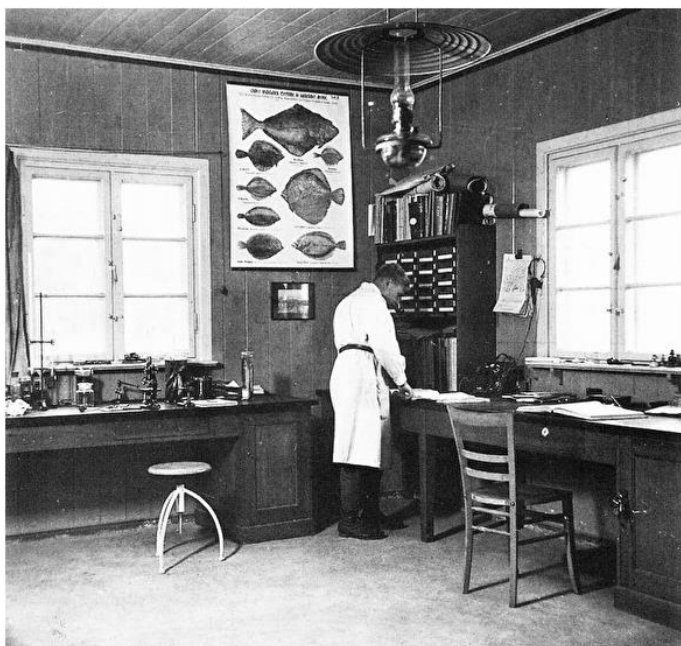
До конца XIX в. в Восточной Пруссии на море преобладал прибрежный лов рыбы. Сети и невода обычно устанавливали вдоль берегов. Одним из известных «толчков» к модернизации местного флота явился приход шведских рыбаков в Пиллау (Балтийск) в 1888 г. с целью ловли лососевых дрифтерной сетью. Уже к 1898 г. в районе Пиллау рыбачили 110 парусных ботов. Наряду с парусными начали появляться моторные боты.

Морское рыболовство в Восточной Пруссии начало активно развиваться фактически в начале XX века. Так, в 1907 г. в Пиллау и окрестностях таких ботов было уже 14, в районе Мемеля (Клайпеды) – 12, а к 1928 г. в Восточной Пруссии насчитывалось 98 моторных ботов. Более тяжелые моторные морские боты уже нельзя было вытаскивать на пляж, необходимо было сооружать специальные гавани. Коренные преобразования в рыболовстве начали происходить после первой мировой войны. Практически все побережье Балтики, зали-вов, прочих водоемов было покрыто рыбацкими поселками.

Ловили в местных водах сельдь, леща, кильку, салаку, камбалу, угря, треску. Еще в 20-м году XX века в уловах редко встречались осетры. Уже в конце XIX века эта рыба стала редкостью, так в 1887 году пилькопненские рыбаки (поселок Морское, Зеленоградский район) выловили только 75 штук осетров. И это при том, что в старые времена осетровая путина была важнейшей статьёй рыболовного промысла Пиллау (Балтийск), Нойкурена (Пионерский), Саркау (Лесное).

Лаборатория морской рыболовной станции Нойкурен
института рыболовства Кенигсбергского университета

В середине 30-х годов статистика насчитывала 1000 профессиональных рыбаков и около их 300 помощников на Куршском заливе, и еще больше в Вислинском (Калининградском): 1500 рыбаков + 500 помощников. Ловили с парусных лодок, так как использовать моторные лодки в заливах в немецкое время было запрещено. Принятый в 1916 г. новый прусский закон о рыбной ловле подтвердил старые правила для заливов, многие из которых были установлены ещё в орденское время. Эти правила точно устанавливали величину улова, свободного или несвободного от уплаты своего рода

налога, для каждой отдельной категории "собственников" (Чернышева, 2000).

Государственный надзор за рыболовным промыслом в акватории Балтийского моря и заливах в 20-30-х годах XX века осуществляют главные рыбо-промысловые управления, располагавшиеся в Пиллау, Лабиау (Полесск), Мемель (Клайпеда).

Рыбаками использовалось большое количество типов сетей, неводов, прочих орудий лова для отдельных видов рыб. Судя по нехитрым конструкциям многих из этих орудий, использовавшихся еще в первой половине XX века, на протяжении столетий не претерпели существенных изменений. Для их изготовления использовались материалы, имевшиеся под рукой (ивовые ветви, крепкие нити и веревки, смола, березовая кора для поплавков и т.п.) и способные служить достаточно долго и надежно.

К 1928 г. в Восточной Пруссии на Балтийском море использовалось: 400 сетей для ловли салаки, 1 200 – камбалы, 2 000 сетей – для лосося, огромное количество крючковых снастей типа перемета (яруса) ловли лосося, трески, а также другие виды орудий лова.

Для ловли камбалы наиболее эффективной была специальная сеть донная сеть длиной 100 м, в 1,2 м высоту, устанавливаемая на глубине 20-30 м. С её помощью обычно и рыбачили рыбаки Кранца (Зеленоградск), где копчение камбалы стало своеобразным символом городка, привлекавшим тысячи туристов.

Для ловли салаки в прибрежных водах на песчаных отмелях устанавливали сети длиной 50-70 м и высотой до 6 м.

Лососей ловили и с помощью сетей с февраля по май, и с помощью крючковых снастей в осенне-зимние месяцы. Центрами крючкового лова были районы Нойкуруна (Пионерский) и Мемеля (Клайпеда).

Для более активного развития рыболовства и рыбоводства в Восточной Пруссии при Кёнигсбергском университете в 1924 году по инициативе главного рыболовного инспектора Альфреда Виллера был открыт институт рыбоводства, включавший отделение биологических основ рыбоводства и отдел рыбного хозяйства и статистики. При институте имелись также опытное прудовое хозяйство в Пертельтнике (пос. Терновка Зеленоградского района) и станция морского рыболовства в Нойкуруне (г. Пионерский), открытая в январе 1926 года. Первым руководителем станции (1926-1928 г.) был доктор Йоханнес Ландбек. У станции имелась небольшая парусно-моторная лодка «Салака». Основной задачей работы станции было изучение биологии лосося, поскольку уже тогда было известно, что у берегов Земландского полуострова проходит его миграция. Станция просуществовала до начала второй мировой войны.

Выловленная восточно-прускими рыбаками рыба, всегда пользовалась спросом у местного населения в свежем, соленом и другом виде. Часть ее уходила на экспорт. Наиболее популярным способом обработки рыбы было копчение. Известно, что камбалу, для развлечения туристов, коптили в Кранце (Зеленоградск) прямо на берегу. На косах преимущественно коптили угрей. Центром копчения рыбы считался Пиллау (Балтийск). В 1928 году здесь насчитывалась 41 коптильня. Кстати, кёнигсбергская кухня насчитывала несколько десятков блюд из рыбы. Кроме копченого угря и камбалы наибольшей известностью пользовались – ершовый суп и рыба в пиве.

За века сформировалась своеобразная народная культура рыбаков Восточной Пруссии. Их отличали особые диалекты, костюмы, традиции, промыслы. Популярным орнаментом, украшавшим вязаные, тканые одежды жителей края, был узор "когг (судно) с экипажем". Своеобразие архитектуры отличало и дома рыбаков.

Копчение камбалы в довоенное время

С древних времен у рыбаков Куршского залива были особые парусные, деревянные, плоскодонные лодки. Самые крупные из них назывались куренасами. Они упоминались уже в хрониках XIV-XV веков, а также в документах Тевтонского Ордена и использовались до второй половины XX века. Каждая «куренас» идущая по заливу гордо несла на верхушке своей главной мачты эксклюзивную «корону» – цветной флюгер, вырезанный из деревянной доски. Самое раннее упоминание об этих флюгерах датируется 1844 годом, когда были выпущены положения рыболовецкой инспекции административного района Кёнигсберга. Согласно этим положениям к каждой из деревень побережья Куршского залива была приписана определенная зона для осуществления рыболовства. С целью осуществлять контроль и обеспечивать соблюдение вылова рыбы по зонам, инспектор по рыболовству Эрнст Вильгельм Беербом дал инструкции оборудовать каждую лодку массивным флюгером-идентификатором. Беербом также ввёл систему идентификации лодок, состоявшую из трёх букв (первые буквы названия деревни, к которой была приписана лодка) и номера лодки.

Рыбная промышленность Калининградской области заново создавалась в 1945 году в трудных послевоенных условиях. В это сложнейшее время на территории бывшей восточно-прусской земли был создан Балтийский государственный рыбопромышленный трест (Балтгосрыбтрест) для организации работы по добыче рыбы, её обработки и сбыта. Рыболовецкие бригады и звенья создавались из прибывших рыбаков, демобилизованных воинов и жителей поселков.

В поселках Гросс-Хейдекруг (Взморье), Хайлигенбайль (Мамоново), Бранденбург (Ушаково) и других были созданы рыбоприёмные пункты (Рыбная промышленность, 2009).

Сложность этого этапа заключалась в том, что необходимо было полностью изменить структуру рыбного хозяйства региона, преобразовав его из совокупности мелких рыбацких хозяйств и общин в государственные или коллективные предприятия, свойственные экономике СССР.

Вымпел на куренасе

К сожалению, материальная база рыболовства в виде промыслового флота и береговой инфраструктуры была в плачевном состоянии.

А вот сырьевая база водоемов позволяла получать значительные уловы рыбы и качественную, дешевую и полезную рыбную продукцию, в которой остро нуждалась пережившая страшную войну страна. В водоемах Калининградской области промысловое значение имели 15 видов рыб, из установленных к этому времени 49 видов,

относящихся к 16 семей-ствам. Ориентиром для российских рыбаков стали основные промысловые виды и объемы их вылова в довоенный немецкий период.

Основными промысловыми рыбами, с точки зрения их качества и объема вылова для заливов Вислинского (Фриш-Гафф) и Куршского (Куриш-Гафф) были: салака, плотва, лещ, угорь, судак, окунь, ерш, корюшка. В небольшом количестве в обоих заливах вылавливалась: минога, уклея, линь, густера, щука, рыбец, камбала, лосось, налим и сиг. Наиболее широко по видовому составу были представлены карповые, затем окуневые и меньше сельдевые и лосо-севые рыбы (Жуковский, 1947).

Рыбаки в Куршском заливе

В довоенные годы качественный состав уловов в Вислинском (Фриш-Гафф) был лучше по сравнению с Куриш-Гафф. В нем вылавливалось больше угря, судака и салаки; которая в Куриш-Гафф вовсе отсутствует. В Фриш-Гафф в 1938 г. было выловлено судака 34,9%, угря—22,6% и леща—18,5%, таким образом, эти три вида составили 76% к общему улову. Основное место в уловах 1938 г. в Куриш-Гафф занимали ерш — 42,3% к общему улову и морская корюшка — 40,2%. Таким образом, эти два вида рыб, составляли 82,5% общего улова.

Динамика вылова рыбы в заливах в предвоенные годы свидетельствует о его постепенном увеличении и достижении максимума в 1938 г. При этом среднегодовой улов для Фриш-Гафф с 1933 г. по 1938 г., т. е. за 6 лет, составил около 13 тыс. ц., а в Куриш-Гафф за эти же годы — 113 тыс. ц.

У морских берегов Балтийского моря, в бывшие границы Германии, промысловое значение имели 11 видов. Основу морских уловов составляли: треска, салака, камбала.

Несмотря на большие организационные трудности в первый же год производственной деятельности рыбаками было добыто и реализовано в свежем виде около одной тысячи центнеров рыбы. В заливах, куда мотоботы выводили нехитрый флот, ловили леща, судака, плотву, снетка, корюшку, угря и ерша. Успешный промысел в первый год при очень скромной материальной базе вселил уверенность в возможность увеличения промысла в заливах.

Вместе с тем, уже в этот период намечался еще один вектор развития рыбной отрасли самого западного региона России – морское рыболовство. И уже на первом этапе организации работы в Балтгосрыбтресте разрабатывался проект создания в Нейкурене крупного рыбного порта с рыбоперерабатывающим комбинатом, тарным и судоремонтным предприятиями. В ноябре 1945 г. в тресте имелось 45 парусных баркасов, 25 гребных лодок, два парохода, три самоходных баржи, четыре мотокатера и один фишкутер. Из них лишь один мотобот был пригоден для лова рыбы в море. Пробный промысел двумя арендованными мотоботами и за два месяца позволил добыть в море 330 центнеров, что стало хорошим результатом. Однако развитие масштабного морского лова сдерживали крайне слабая материально-техническая база и недостаток кадров плавсостава. В 1946 году в состав Балтгосрыбтреста входили четыре рыбозавода в Пайзе, Лабиау, Нейкурене, Заркау; судостроительная верфь маломерного деревянного флота; механический завод; холодильник; контора снабжения и совхоз. Численность работающих на этих предприятиях составляла около 1,5 тысячи человек. В этом же году началось освоение тралового промысла на Балтике.

Всего в этом году было добыто 27,6 тыс. центнеров рыбы, из которых 13,3 тыс. центнеров в Балтийском море.

В 1947 году были созданы первые рыболо-вецкие колхозы: «Доброволец» и «Маяк» в Полесском районе и «Рыбак Балтики» в Славском районе. К концу 1947 года в области было уже 10 колхозов, которые объединили 520 семей колхозников. В 1948 году появилось ещё семь, принявших 500 семей переселенцев (Рыбная промышленность, 2009). Самая большая трудность в становлении рыболовецких колхозов состояла в том, что в артелях не было ни капитанов, ни штурманов, ни судоремонтников. Не было ни одного опытного рыбака лова ставными неводами, имеющего понятие об активном морском промысле. Лишь не многим более 15 процентов колхозников раньше занимались рыбным промыслом, да и то во внутренних водоемах. Основная же часть переселенцев даже моря не видела.

Для решения этих вопросов были организованы две моторно-рыболовные станции: Балтийская в г. Мамоново и Приморская — в пос. Рыбачий. В их ведение были переданы рыбопромысловый флот, судоремонтные и механические мастерские, причалы, орудия лова, необходимые кадры — капитанов, штурманов, судомехаников, радистов, мастеров-добытчиков, судоремонтников и других работников, призванных обслуживать колхозный рыболовный промысел.

Уже в декабре 1947 года первые рыбаки-колхозники не только ловили рыбу в заливах, но и начали осваивать морской лов. В море вышли рыболовецкие бригады колхозов «Балтиец», «Рыбак Приморья», «Муромец», «30 лет Октября», «Труженик моря» и других артелей. Приобретенный на начальном этапе становления колхозов опыт помог рыбакам успешно подготовиться и провести в 1948 году первую весеннюю путину на Балтике. На вооружении у рыбаков было 235 парусно-гребных судов и десятки рыбацких лодок, которые обслуживали 32 ставных и 30 закидных неводов, 30 бимтралов, 362 вентера.

В 1950 году в рыболовецких колхозах насчитывались 50 моторных судов и десятки бригад прибрежного лова. Рыбаки-колхозники, следуя примеру тралфлотовцев, стали все дальше и дальше уходить в открытые воды Балтийского моря, быстрыми темпами наращивая объемы вылова: с 1948 по 1950 год они возросли с 57 до 220 тысяч центнеров что составляло 54 и 56% от общего с гословом. Следует отметить, что в 1950 г. суммарный вылов в заливах превысил довоенный уровень (Рыбная промышленность, 1971).

В дальнейшем именно рыболовецкие колхозы, в основном, осуществляли промысел на водоемах Калининградской области, как в заливах и акватории Балтийского моря, так и частично во внутренних водоемах. В течение десятилетий они надежно делали свое дело, поставляя на стол калининградцев тысячи тонн «живого серебра» из прибрежных вод Балтийского моря.

В 60-е годы в результате оптимизации хозяйственной деятельности многочисленные рыболовецкие колхозы, разбросанные по берегам заливов, были объединены и их количество уменьшилось. Материально-техническая база колхозов укрепилась, на смену парусно-моторным судам пришли современные малые рыболовные траулеры (МРТК и МРТР), имеющие современное рыбопромысловое оборудование.

В настоящее время областной Союз рыболовецких колхозов объединяет колхозы «За Родину», «Труженик моря», имени Александра Матросова, «Рыбак Балтики», «Доброволец», ЗАО «МПБ» (Межколхозная производственная база) и ООО «МПСМК» (Межколхозная передвижная строительная механизированная колонна). В 2004 году колхозные рыбаки выловили 15002 тонны рыбы, в т.ч. в: Балтийском море — 12014 тонн, Калининградском заливе — 1514 тонн и Куршском заливе — 1474 тонны. На береговых комплексах и участках было произведено 5305 тонн пищевой рыбной продукции, в т.ч.: свежей — 340 тонн, охлажденной — 962 тонны, мороженой — 2596 тонн, соленой и пряной — 9 тонн, копченой — 118 тонн, вяленой — 42 тонны, консервов — 14620 тысяч условных банок.

Прудовая часть первого в Калининградской области экспериментального полносистемного рыбоводного хозяйства Калининградского технического института рыбной промышленности и хозяйства в пригороде г. Калининграда в районе п. Исаково. 70-е годы XX века

В довоенные годы на территории региона более или менее крупных рыбоводных хозяйств не существовало. Судя по наличию остатков гидротехнических сооружений на некоторых небольших реках имелись лишь небольшие пруды в виде запруд, где возможно разводили рыбу в небольшом количестве.

Только в 70-е и последующие годы XX века стали появляться рыбоводные хозяйства, при этом развитие рыбоводства шло по двум направлениям: пастбищному (воспроизводство ценных видов рыб: щуки, судака, сига и выпуск подрощенной молоди в естественные водоемы для увеличения численности) и товарному (выращивание рыбы в прудах, садках, бассейнах для получения товарной продукции).

Создание организованного прудового рыбоводства в Калининградской области было положено строительством в начале 70-е годы XX века небольшого экспериментального полносистемного учебно-опытного рыбоводного хозяйства (УОРХ) Калининградского технического института рыбной промышленности и хозяйства в пригороде г. Калининграда в районе п. Исаково. В его состав входили: инкубационный цех и более двадцати прудов различной площади, конструкции и назначения (нерестовых, выростных, нагульных, зимовальных, маточных, карантинных), позволяющих круглогодично проводить экспериментальные работы полного рыбоводного цикла. Кроме того, здесь были созданы научно-исследовательские лаборатории для студентов, аспирантов и научных сотрудников с современным оборудованием. Это дало возможность проводить здесь как эффективную научно-исследовательскую работу, так и полноценные учебные и производственные практики студентов и приблизить учебную и научно-исследовательскую работу к актуальным вопросам развития современного рыбоводства во внутренних водоемах Калининградской области и страны в целом.

Садковая линия для выдерживания производителей судака в инкубационном цехе на реке Неманин в пос. Головкино

Создание УОРХ КТИРиХ стало ключевой вехой в развитии рыбоводства в Калининградской области. Здесь не только проводились исследовательские работы, но и выращивались прудовые виды рыб и рыбопосадочный материал, который затем использовался для других рыбоводных хозяйств области. Это хозяйство стало центром освоения передового опыта рыбоводами-практиками.

На базе этого рыбоводного хозяйства в 70-80-е годы XX века были выполнены научно-исследовательской работы по изучению биологических основ рационального ведения прудового рыбоводства в условиях Калининградской области; выращиванию разновозрастных групп карпа в поликультуре с растительноядными рыбами – белым и пестрым толстолобиком, белым амуром; изучению рыбоводно-биологических особенностей представителей американской ихтиофауны – большеротого, малоротого и черного буффало, американского веслоноса; совершенствованию технологий выращивания сибирского осетра и других осетровых рыб. Успешные результаты этих экспериментов показали возможность культивирования новых объектов рыбоводства в поликультуре с карпом. Это позволило в 1988 г. разработать для областного агропрома обоснованные рекомендации по развитию товарного осетроводства, выращиванию и зимовке рыбопосадочного материала.

В дальнейшем небольшие товарные хозяйства появились в разных районах области. В 1977 году в г. Правдинске на территории ГЭС-3 было создано Правдинское рыбоводное хозяйство. Его первоначальной целью было выращивание товарного карпа. В настоящее время это хозяйство занимается рыборазведением и зарыблением водоёмов области. Оно производит товарную рыбу, а также малька карпа, толстолобика, белого амура, японского карпа — кои, цветного карася и других видов рыб. В середине 70-х годов Министерством рыбного хозяйства Западных районов СССР была принята программа, предусматривавшая экономическое укрепление рыболовецких колхозов, в том числе и за счет рыборазведения во внутренних водоемах. За два с небольшим года после принятия этой программы рыболовецкие колхозы освоили малознакомый вид деятельности – искусственное разведение рыбы в озерах и прудах. В 1979-1980-х гг. заработали полносистемное форелевое хозяйство в пос. Прибрежном, Виштынецкое озерное хозяйство, инкубационный цех на в пос. Головкино.

Садковое и форелевое хозяйство «Прибрежное» (пос. Прибрежный), созданное на месте двух отработанных песчаных карьеров общей площадью 200 га, не сумело выработать научно обоснованных схем рыбоводства, и его производственная деятельность не дала ожидаемых результатов. В 1987 г. хозяйство перепрофилировали в

нерестово-вырастное с целью выращивания мальков форели, судака, леща и реализации их в Мурманскую, Ростовскую, Кисловодскую, Челябинскую, Архангельскую области, Литву, Грузию, Армению, Таджикистан. В настоящее время оно преобразовано в форелевое полносистемное рыбоводное хозяйство садкового типа. Основное направление работы хозяйства - выращивание и реализация товарной радужной форели, посадочного материала радужной форели, а также выращивание ремонтно-маточного стада форели.

Экспериментальный рыбоводный цех Калининградского филиала ФГБУ «Главрыбвод» в пос. Лесной на Куршской косе. 2009 г.

Пастбищное рыбоводство получило свое развитие с созданием инкубационного цеха в пос. Головкино и Виштынецкого озерного хозяйства.

Виштынецкое озерное хозяйство, организованное рыболовецким колхозом «Рыбак Балтики» для увеличения запасов ценного вида в начале 80-х годов прошлого века выпустил сто тысяч личинок стекловидного угря, закупленного во Франции, в Виштынецкое озеро. Однако это хозяйство просуществовало недолго, не получив планируемых результатов по увеличению запасов угря, оно было ликвидировано.

Инкубационный цех в пос. Головкино на реке Неманин в бассейне Куршского залива был создан на базе рыболовецкого колхоза имени Александра Матросова и предназначался для заготовки икры щуки, судака, леща, ее инкубации и частичного подращивания молоди. Ежегодно в Куршский залив выпускалось до 2,5 млн. неподрощенных личинок щуки, а в 2004 году еще и 102 тыс. штук мальков линя. Здесь же происходила заготовка икры судака, которая пользовалась большим спросом для рыбоводных целей в различных водоемах СССР и России. Производители ежегодно отлавливались в естественных водоёмах перед каждой нерестовой кампанией, после чего выдерживались в специальных садках до достижения нужной стадии зрелости самок. В 2009 г. это хозяйство прекратило свое существование. Более поздние попытки реанимировать и модернизировать его деятельность не увенчались успехом. В 2009 г. вступил в строй экспериментальный рыбоводный цех "Западно-Балтийского бассейнового управления по рыболовству и сохранению водных биологических ресурсов" (Запбалтрыбвод) расположенный в пос. Лесной на Куршской косе. Он осуществляет ежегодный выпуск в Куршский залив не менее 150 тыс. шт. в год подрощенной молоди сига и не менее 2 млн. шт. личинок щуки.

Экспериментальный рыбоводный цех ФГБУ «Главрыбвод» в пос. Лесной на Куршской косе.

В настоящее время экспериментальный рыбоводный цех Калининградского филиала ФГБУ «Главное бассейновое управление по рыболовству и сохранению водных биологических ресурсов» является быстро развивающимся предприятием.

В начале 2015 г. был одобрен и утвержден проект реконструкции предприятия с увеличением мощности по выпуску молоди до 500 тыс. шт. в год. На предприятии имеются современные инкубационные отделения с возможностью регулирования температуры воды и проведения дискретного выклева личинки. В планах учреждения – в ближайшем будущем также приступить к работам по восстановлению промысловой численности угря в Куршском и Вислинском заливах, увеличению промыслового запаса рыбца, линя, кумжи, лосося, а также восстановление как вида на акватории Калининградской области атлантического осетра. Эти задачи планируется реализовать в рамках Федеральной целевой программы.

Работы по отлову молоди сига в экспериментальном
рыбоводном цехе

500 тыс. шт. в год. На предприятии имеются современные инкубационные отделения с возможностью регулирования температуры воды и проведения дискретного выклева личинки. В планах учреждения – в ближайшем будущем также приступить к работам по восстановлению промысловой численности угря в Куршском и

Вислинском заливах, увеличению промыслового запаса рыбца, линя, кумжи, лосося, а также восстановление как вида на акватории Калининградской области атлантического осетра. Эти задачи планируется реализовать в рамках Федеральной целевой программы.

Существенную роль в развитии рыбного хозяйства в Калининградской области играют отраслевые рыбохозяйственные учебные заведения и в первую очередь Калининградский государственный технический университет (ранее Калининградский технический институт рыбной промышленности и хозяйства), который является приемником переведенного в Калининград в 1958-59 гг. известного во всей стране Мосрыбвтуза. За годы работы в нашем регионе в его стенах были подготовлены сотни квалифицированных специалистов, ихтиологов и рыбоводов, которые и составили коллективы квалифицированных специалистов на всех рыбоводных предприятиях.

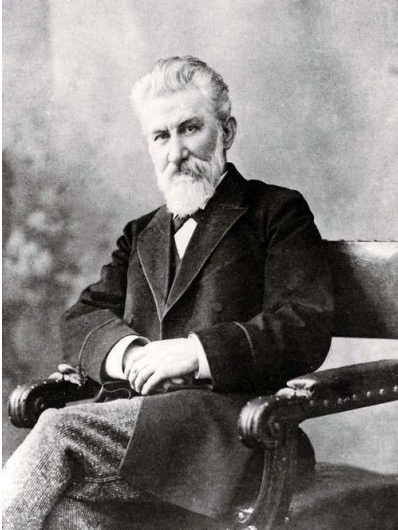
Автор статьи: К.В. Тылик, к.б.н., профессор Калининградского государственного технического университета.

Опубликовано на сайте НФ «Исток» <https://istok39.ru/rubolovstvo>

II.

16. Из очерка «По Восточной и Западной Пруссии» Дмитрия Николаевича Анучина.

Анучин Дмитрий Николаевич (27 августа 1843 года – 4 июня 1923 года) – русский антрополог, географ, этнограф и археолог, профессор Московского университета (1884), ординарный академик Императорской Академии наук (1896), почетный член Петербургской Академии наук (1898), а также многих русских и зарубежных учёных обществ.

Дмитрий Анучин родился в Санкт-Петербурге, в 1860 году окончил 4-ю Петербургскую Ларинскую гимназию и поступил на историко-филологический факультет Московского университета. В 1862-1863 годах по причине болезни проживал за границей. Вернувшись, вновь поступил в Московский университет на естественное отделение физико-математического факультета, которое окончил кандидатом в 1867 году. После защиты в 1880 году магистерской диссертации на тему: «О некоторых аномалиях человеческого черепа, преимущественно в их распространении по расам» Анучин Д.Н. был избран доцентом по кафедре антропологии Московского

университета.

За опубликованные в 1886-1889 годах научные труды Анучин Д. Н. получил ученое звание доктора географии. С 1875 года состоял в Императорском обществе любителей естествознания, антропологии и этнографии, с 1890 года являлся президентом Общества.

В 1894-1895 годах Анучин Д. Н. принял участие в экспедиции с целью выяснения причин обмеления рек в Тверской губернии, ему принадлежит заслуга в решении вопроса об истоке Волги. В сентябре 1899 года участвовал в заседаниях VII международного географического конгресса в Берлине.

Анучин Дмитрий Николаевич является одним из основоположников антропологии в России и основателем отечественной школы географов.

Скончался Дмитрий Николаевич Анучин в Москве, похоронен на Ваганьковском кладбище.

Во время географического конгресса в Берлине Дмитрий Николаевич Анучин вместе с другими делегатами совершил экскурсию в Восточную Пруссию. Посетил Кёнигсберг, Пиллау, Фишхаузен, Нейхаузен, Кранц, Нидден и другие места. Составил подробное описание экскурсии, опубликованные в том же 1899 году в московской газете «Русские ведомости».

Из очерка «По Восточной и Западной Пруссии» (Экскурсия членов VII международного географического конгресса).

«В связи с окончившимся на днях в Берлине географическим конгрессом состоялись – до и после него – несколько экскурсий с различными местностями Германии. Одна из этих экскурсий, продолжавшаяся неделю, познакомила принявших в ней участие с окраинными северными провинциями Пруссии, так называемой Восточной и Западной Пруссией, и представила много интересного. Провинции эти вообще мало посещаются туристами, и даже сами немцы сравнительно редко выбирают их целью своих летних странствований. Ещё менее известны у нас, а потому беглый очерк означенной экскурсии, в которой пишущему эти строки пришлось принять участие, может быть, не будет лишен некоторого интереса для читателей газеты.

Экскурсия, о которой идёт речь, началась в Кёнигсберге и окончилась в Данциге. В Восточной Пруссии ею руководил профессор кёнигсбергского университета, геолог Иентш, в Западной – директор провинциального данцигского музея профессор Конвентц (по специальности ботаник). В экспедиции принимали участие (в разные дни) от 18-ти до 30-ти лиц (не считая местных деятелей, инженеров, лесничих, членов магистратов и т.д.,

служивших руководителями поездок), – большей частью немцев, но также несколько иностранцев (французов, шведов, голландцев, русских). Расходы для каждого участника экспедиции были определены по 100 марок, причём руководители брали на себя все заботы по перевозке и содержанию экскурсантов в течение 7-ми дней (кроме вина).

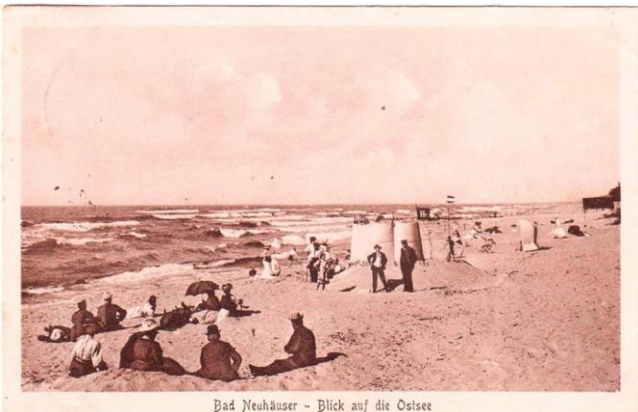
Осмотрев кёнигсбергские музеи и прослушав там лекцию о географическом геологическом характере имеющей быть посещенной области, экскурсанты отправились утром 10-го сентября на особом пароходе по реке Прегелю и Фришгафу в г. Пиллау, где узким проливом замыкающей этот гаф косе последний сообщается с так называемой

Данцигской бухтой Балтийского моря. Пиллау – довольно важный торговый городок: сюда поставляется на судах из России хлеб, который должен затем перегружаться на положенную по косе железную дорогу, так как гаф слишком мелок для морских судов. Чтобы устранить этот недостаток было предпринято в последнее время углубление гафа, т.е. проложение в нём канала от устья Прегеля до Пиллау, на протяжении около 35-ти вёрст, с глубиной до 6,5 – 7 метров. Работы продолжаются уже 9 лет и будут окончены к следующей весне; стоимость канала около 12 ½ миллионов марок.

Работает ряд землечерпательных судов, которые большими черпаками захватывают воду со дна (содержащую в себе, смотря по грунту, от 10 до 25% твёрдых веществ) и более или менее длинными трубами отводят её за края канала, образованные стенами из свай, фашинов и камней. В стенах канала оставлены местами промежутки для сообщения между собою обеих половин

гафа, что необходимо как для рыбачьих судов окрестного населения, так и для прохода рыбы. В Пиллау имеются удобная гавань, маяк, ряд контор кёнигсбергских хлеботорговцев. В последнее время хлебная торговля Кёнигсберга (по железной дороге) значительно упала, так как хлеб идёт главным образом на Либаву; отсюда и необходимость канала для удобного сообщения Пиллау с Кёнигсбергом. На пароходе экскурсантам был предложен обильный завтрак от кёнигсбергского городского управления. Из гафа через пролив пароход выезжал и в море, чтобы наглядно показать разницу между плаванием в замкнутом гафе и в открытом море, где тотчас же началась сильная качка (было довольно ветрено) и волны стали обливаться палубу.

Из Пиллау экскурсия направилась в экипажах по косе (Frische Nerung) в Нейхэузер (морские купанья), где морской прибой выбрасывает между прочим на берег небольшие кусочки янтаря. Здесь начинается уже так называемый Самландский берег, известный с глубокой древности по добываемому на нём янтарю. В настоящее время главным местом добывания этого

продукта служит местечко Пальмникен, где его находят в так называемой «синей земле» (Blauerde), или слое зеленоватого песка, идущем вдоль всего берега (а иногда и в значительном отдалении от последнего), местами на несколько футов выше уровня

моря, а иногда и ниже, до 40 футов. Сначала были известны только находки янтаря на самом берегу, в выброшенном море песке, так что долго смотрели на янтарь, как на продукт моря, но впоследствии убедились, что этот выброшенный морем янтарь представляет собою только продукт, вымытый морскими волнами из первоначальных его отложений.

Как известно, янтарь есть окаменевшая смола, производившаяся росшими здесь некогда, в третичную эпоху, хвойными деревьями. Слои, заключающие янтарь, содержат в себе также окаменелые сучья, а в самом янтаре нередко заметны части растений (цветы, листья, хвоя, семена) и насекомых, – обстоятельство, позволившее до известной степени восстановить тогдашнюю флору, а отчасти и фауну. Эти слои прикрыты толщами песков, слоями бурого угля и, наконец, позднейшими делювиальными наносами, иногда до 100 и более футов в высоту, отложенными в различные эпохи морем, ледниками и реками. В прежние годы прусское правительство сдавало добычу янтара на откуп нескольким крупным промышленникам, но впоследствии, в виду усиленных жалоб местного населения, оно стало сдавать право его добывания местным общинам и землевладельцам, получая от них добытый янтарь и сделав оптовую торговлю этим продуктом своей монополией. В Кёнигсберге существует теперь большое многоэтажное казённое здание со складами янтара и фабрикой для его обработки. Здесь в кусках различной величины, цвета и качества, сложенных в громадные мешки и кучи, имеется 2 ½ милл[ионов] килограммов янтара (около 140 тыс. пудов), обработкой которого занято до 1000 человек, в том числе 150 на самой фабрике (другие работают по домам). Продукт этот приносит правительству ежегодно около 750 тыс. марок чистого дохода. В этом складе янтарь классифицируется, разбирается на сорта, причём худшие переплавляются в канифоль; каждому сорту назначена определённая цена, по которой он сбывается, в необделанном или обделанном виде, преимущественно в Вену и на Восток, но также и в другие страны, между прочих в Африку.

Бросив взгляд на Самландский берег, экскурсанты отправились в экипажах в Лохштедт, где имеются остатки замка тевтонских рыцарей с фресками XIV века, изображающими отчасти – священные сюжеты, отчасти – из рыцарского быта; далее по берегу моря, представляющего здесь высокие обрывы, – в Фишгаузен, откуда и вернулись по железной дороге в Кёнигсберг.

Вечером того же дня члены экскурсии были приглашены на раут к обер-президенту пров[инции] Восточной Пруссии (должность, соответствующая у нас генерал-губернатору) графу фон Бисмарку. Это – второй сын «железного канцлера»; первый, князь Герберт Бисмарк, как известно, держит себя в отдалении от двора и отказался от службы. Экскурсантам было заявлено в приглашении, что они могут явиться в дорожном костюме; представители местного сообщества были в сюртуках. За ужином обер-президент (высокий, полный мужчина, лет 40 – 45-ти, с чертами лица, напоминающими его знаменитого отца) приветствовал членов экскурсии, явившихся ознакомиться с управляемою им провинцией, и пожелал вынести из своей поездки приятные и полезные впечатления. Двое из иностранцев и проф. Иентш благодарили любезного хозяина за радушное гостеприимство и за оказанное экскурсии внимание.

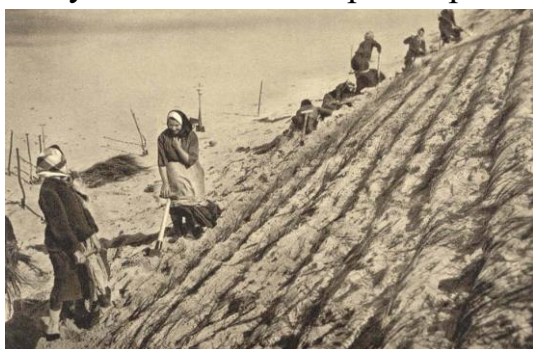

На другой день экскурсанты отправились в Кранц и, сев на пароход, поехали по другому приморскому озеру или лагуне, Куришгафу, в м[естечко] Нидден, находившееся на берегу ограничивающей этот гаф косы (Kurische Nering). Коса эта тянется на многие десятки вёрст (около 97 километр.), при ширине от ½ до 4 километр. и состоит главным образом из песка, местами вздуваемого ветром в высокие холмы, дюны, до 50 – 70-ти метров высоты. Сухой паёк, увлекаемый преобладающими западными ветрами, постепенно передвигается к востоку (средним числом 6 – 8 метров в год) и засыпает с течением времени скудно разбросанные здесь посёлки. Благодаря любезному вниманию местного инспектора дюн и инженера, заведующего работами по укреплению летучих песков, экскурсанты могли проехать в экипажах вёрст 15 вдоль дюн и ознакомиться обстоятельно как с грандиозными формами этих песчаных гор, так и с результатами деятельности по их укреплению и облесению.

В одном месте выглядывают из песка на большом пространстве человеческие кости, остатки дерева, гвозди; это – кладбище бывшего здесь лет 200 тому назад посёлка, совершенно занесённого впоследствии песком (жители вынуждены были переселиться в другое место). Для укрепления песков в них сперва вбивают на известных расстояниях небольшие колышки, затем вырывают ямки и кладут в них кучки глины; через год глина сама собою смешивается с песком, и тогда в ямки сажают сосну (смотря по местности, то ползучую, то обыкновенную), по четыре саженца в ямку, а промежутки между саженцами покрывают хворостом (удерживающим песок).

Через несколько лет участок уже представляется покрытый сосенником и тем становится гарантированным от развевания песка. Наиболее восточные дюны не укрепляются, так как они постепенно сами собой сносятся в море. Местами видны уже порядочные сосновые рощи, под охранной которых ютятся несколько селений, живущих главным образом рыбным промыслом.

На работы по укреплению дюн ежегодно отпускается до 200 000 марок. Часть косы, впрочем, образована из глины (бывших здесь ранее островов) и покрыта сравнительно высоким лесом, в котором встречаются даже лоси, перебегающие сюда зимой по льду с материка.

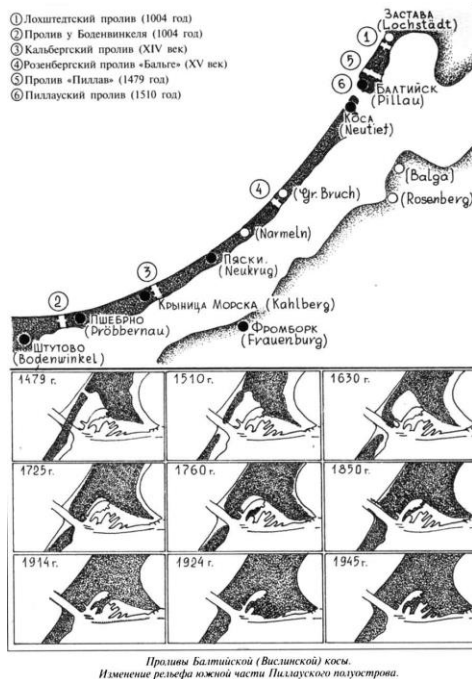
Население косы представляет немало своеобразного; здесь ещё до настоящего времени сохранился отчасти язык древних куров (литовцев), давших, как известно, имя и нашей Курляндии, а в некоторых селениях господствующий язык – латышский.

Вернувшись в Кранц, экскурсанты осмотрели это место летних купаний с прекрасным морским прибоем и к ночи вернулись в Кёнигсберг, откуда на следующий день направились по железной дороге через Браунсберг, Фрауенбург (где жил и умер Коперник; теперь место пребывания католического епископа; замечательный готический собор) в Толькемит и оттуда в экипажах, через прекрасный лес, в Кадинен.
<...>

Анучин Д. Н. По Восточной и Западной Пруссии // Русские ведомости. 1899. 3 октября.

17. Об образовании Вислинской косы

Сведения об образовании Вислинской косы дошли до нас с древних времён. Хронисты упоминают 1190 год, когда была «сильнейшая буря, словно из времён Всемирного потопа, двенадцать лет дул северный ветер, и там, куда он дул, образовалась коса».

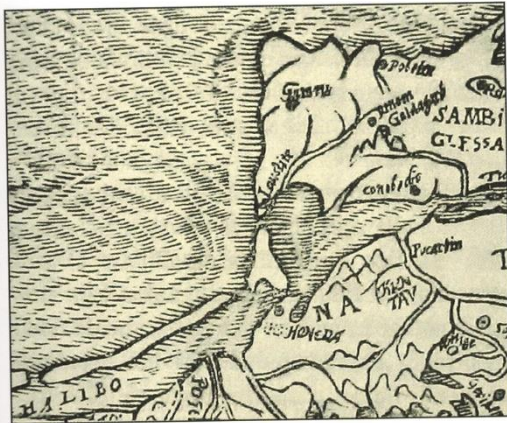

Можно поспорить с хронистами и напомнить, что уже в X веке христианский миссионер святой Войцех Адальберт проходил через пролив на косе, которая к тому времени, очевидно, должна была существовать. События того времени отражены в «Страстях Адальберта» 1004 года. Да и до святого мученика, ещё в IX веке, косу пересекал купец-путешественник Вульфстан, о чём он поведал в своём «Описании путешествия» от 890 года. Коса в то время не была единым целым и представляла собой цепочку вытянутых в линию островов, поросших растительностью. Такой вывод можно сделать, учитывая общие принципы образования кос и островов на песчаных отмелях. На древних картах хорошо различимы многочисленные разрывы на косе.

Самые ранние письменные упоминания о «нерунг», то есть косе, относятся к IX веку: «Aist-marin neriga» и «incole Neria (Nerey)». Первое название встречается в тексте, написанном на «вульгарной латыни», или искажённом латинском языке с добавлением народных слов и выражений. Перевести обозначение можно как «коса Восточного моря». Немцы и до сего дня называют Балтийское море – Восточным (Ostsee).

Наименование «incole Neria» вряд ли связано с латинским «insolentia» – «необыкновенность, странность». Скорей всего, здесь мы имеем пример старонемецкого языка, из которого впоследствии сформировались слова современного немецкого языка: «Insel» – остров и «Nerung» – коса. То есть в переводе получается «остров-коса».

Коса на карте Хенненбергера, 1584 г.¹
Die Frische Nehrung nach Hennenberger, um 1584

Интересный анализ слова «нерунг» проводит Оскар Шлихт в своём исследовании: «Происхождение слова “нерунг” затерялось в далёких – доисторических – временах, и задолго до того как Вульфстан в своём “Описании путешествия” использовал его применительно к Витланду, слово “нерунг” уже давно употреблялось в своей ранней форме. Корень этого слова готский – “neria”, что значит “земля, возвышающаяся из воды”. Существует также и старопрусское “nerie” – “поднявшаяся земля или суша, возникшая при пересыхании водоёма”. Во времена Ордена употребляли “нергия” (Nergia), позже “нерге” (Nerge) и “нерги terra” (Nergi terra) с северной оконечностью “нериен орт” (Nerien ort). В XVII веке северная часть косы обозначалась “Хурфюрстлих Бранденбургисхе Нерунг” (Churfurstlich Brandenburgische Neerung), откуда произошло позже слово “неринг” (Nehring), а в XIX веке в конце концов образовалось употребляемое слово “нерунг” (Nehrung). Обозначение “Фрише Нерунг” (Frische Nehrung) произошло через добавление слова “фрише”, как это получилось и с названием залива Фришес Хафф (Frische Haff)».

Употребление слова «фришес» применительно к заливу получило объяснение в докладе Х. Баудлера из университета Ростка: «Залив Фришес Хафф своё имя приобрёл от свойств своей воды. Раньше пресная вода называлась “фрише” – “свежая вода”. В английском языке и сегодня так. Все заливы, которые содержали выпресненную воду, назывались “фрише”. Например, Одерский залив – Oderhaff. С первой трети XIX века название “фрише” перешло на залив. “Хаф” обозначает море (датский, норвежский: hav – море)».

Если верить сказке, название «фрише» произошло от имени непутёвого княжеского сына Фриски. Как бы ни продвигалась научная мысль, народный гений всегда впереди со своим объяснением. Ведь забудешь раньше, чем выговоришь: «земля, вышедшая из моря возле залива с выпресненной водой». А вот выражение: «надел земли, по котором у побегай в длину, чтобы прокормиться», и захочешь, да не забудешь – ноги напомнят.

Вероятно, можно отыскать немало параллелей между научным взглядом на происхождение косы и народными толкованиями этого явления. Добавим, что на картах XVI – XVII веков коса называется «Данцигская», а в текстах упоминается, как «коса, простирающаяся до Данцига». Здесь же отметим, что старейшая изданная карта Пруссии, где

есть изображение Вислинской косы, относится к 1542 году. Её автор – Генрих Цель из Нюрнберга. В своё время лист этой карты печатался с четырёх деревянных клише. Уникальный экземпляр данного издания находится в библиотеке Сан-Марко в Венеции. Другая, более известная, карта Пруссии была выполнена Ханненбергером в виде гравюры на меди и отпечатана в 1584 году в Антверпене. В 1585 году появилась карта побережья Пруссии, изготовленная Лукасом Янзоном Вагеном. Музей Мирового океана в Калининграде напомнил миру об этом авторе и его творении спустя почти 400 лет – новым изданием этой карты. На самых старых картах XVI века Вислинская коса предстаёт перед нами как уже в том виде, как мы её знаем: проливом между ней и поселением Пиллау.

Историческое время для Вислинской косы исчисляется с IX века, то есть с того момента, когда она впервые была упомянута в письменном источнике, но процессы формирования этой суши начались гораздо раньше. На своих страницах социальных сетей мы приводили статью Эдуарда Мычко «Янтарный край: страницы ископаемой летописи», в которой раскрывается деятельность ледника на территории Калининградской области. I часть <https://www.facebook.com/HistoryK39/posts/556669665045260>
https://vk.com/wall-168806484_857 II часть <https://www.facebook.com/HistoryK39/posts/557165924995634>
https://vk.com/wall-168806484_865

Примерно 12 тысяч лет назад последний ледник окончательно отступил на север. Это вызвало обильное таяние льда и затопление суши. К началу аллювиального (от слова «аллювий», лат. “alluvio” – нанос) периода – время отложений р. Вислы и других постоянных и временных её водных потоков – уровень суши, например, в районе Балтийска, составлял примерно 30 метров над уровнем моря. Последующее непрерывное медленное погружение привело к тому, что уровень земли и моря сравнялся. Примерно 5-6 тысяч лет назад сформировался выступ дельты Вислы. Дальнейшее развитие дельты и перенос отложений на северо-восток, благодаря западным ветрам, привели к нарастанию на отмелях узкой косы, которая отделила залив от моря. Существует мнение, что коса росла двумя рукавами навстречу друг другу, пока они не сомкнулись в пункте Альттиф, на месте бывшего одноимённого пролива.

Исследователь Клауч, приводивший доказательство этой версии, выделил два корня косы, один из которых лежал у Сопота, другой – на Замланде, в районе современного Приморска. В своём анализе он использовал морфологические характеристики дюн, градус выветривания и систему коричневых, жёлтых и белых дюн. Отмечал, например, что на прикорневых участках косы находятся коричневые

дюны, что говорит об их более древнем возрасте. Посередине косы, в районе сегодняшней российско-польской границы, – жёлтые дюны. Далее, от нашей границы до посёлка Коса, – белые дюны. На территории Балтийска уже коричневые дюны.

Заинтересовавшись таким делением, проведено наружно наблюдение. Действительно, песчаные массы отличаются по цвету. Добавим, что на побережье залива присутствует ещё и фиолетовый песок.

Дюны слагаются из средне- и мелкозернистого кварцевого морского песка. Фиолетовый песок, характерный для побережья залива Фришесс Хафф, имеет в своём составе частички гранита и магнитного железняка.

Каково же строение косы? Основной источник происхождения косы – отложение Вислы, но в целом она имеет более сложную структуру.

«В геологическом строении кос участвуют четвертичные отложения современного и верхнего отделов: эоловые, морские и водно-ледниковые. Эоловые (от имени персонажа древнегреческой мифологии Эола – бога ветров, эоловые отложения – песчаные и глинистые отложение, образовавшиеся в результате накопления перенесённых ветром частиц) отложения слагают авандюну, верхний слой

пальве и толщу дюнных массивов. Морская генерация отложений подстилает эоловые мощностью 5 – 35 метров. На глубинах от 4 до 18 метров отмечаются прослой суглинков, торфа, ила, супеси, глины с включением обломков раковин моллюсков, мощностью от 0,2 – 2 до 6 метров. Морские отложения подстилаются плотными светло-бурыми суглинками с включениями до 15% гравия и валунов. Это отложения ледникового периода, представленные моренными и межморенными породами Валдайского оледенения» – фрагмент работы «Вислинская (Балтийская) коса. Потенциал возможностей» авторов И. И. Волковой, В. Г. Корнеевца и Г. М. Фёдорова.

Рельеф косы формировался в результате волновой и ветровой деятельности, иначе говоря, – морем, течениями и ветрами. Окончательный рельеф местности сложился под влиянием деятельности человека.

Abb. 318. Gemeine Kiefern und Bergkiefern hinter dem Vorflam bei Neutief auf der frischen Nehrung. (Aufnahme von P. Gerhardt 1898.)

Людам ежедневно приходилось бороться с капризами природы и непрерывнодвигающимися песками. Так, в 1824 году была полностью засыпана одна из деревень. Картина, которая открылась жителям, была устрашающей: бывшее деревенское кладбище превратилось в рытвину, а из земли торчали исковерканные кресты и погружённые в песок черепа и кости. Тогда было принято решение начать укреплять косу с помощью естественных «держателей» — деревьев. Жители сажали берёзу и ольху от Пиллау до Нойтифа — посёлка на косе. Дюны укрепляли железными штангами, которые несколько портили пейзаж, но были жизненно необходимы. Кроме того, они служили указателями почтовой службе.

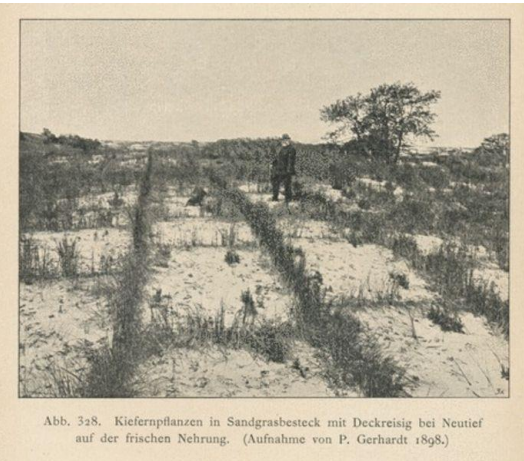

Abb. 328. Kiefernpflanzen in Sandgrasbesteck mit Deckreisig bei Neutief auf der frischen Nehrung. (Aufnahme von P. Gerhardt 1898.)

Так как борьба с передвижением дюн была экспериментом, общество любителей природы объявило конкурс на лучший проект укрепления и способы борьбы с песчаными заносами. Его выиграл профессор Титиус, который предложил озеленить дюны сибирской акацией и североатлантическими травами. В 1797 году были впервые проведены государственные работы по укреплению дюн на косе. К 1850 году она уже была покрыта лесом.

Этот процесс продолжался постоянно, но в 1918 году природа вновь внесла свои коррективы. В первый день нового года на территорию Пиллау вновь пришёл сильнейший ураган, который уничтожил многовековую работу людей. Были с корнем вырваны тысячи деревьев, и укрепление пришлось производить заново.

Сегодня Вислинская коса на 81% покрыта лесом. На её территории распространены кустарники облепихи, малины, можжевельника, бузины, красной смородины. В лесопарковой зоне косы преобладают хвойные и широколиственные породы деревьев.

В заключении добавим, что в длину Вислинская коса составляет 65 километров, из которой наша часть – Балтийская коса – 35 километров, то есть 25 километров – это участок косы, а 10 километров – от пролива до отметки на трассе «погранзастава». Ширина косы на нашей территории от 300 до 1800 метров. Максимальная высота отмечена на так называемой «блуждающей» дюне с Российской стороны – 25 метров.

По материалам издания Евы Шалагиновой «Возникновение и формирование Вислинской косы».

18. Длинные валы Самбии.

Владимир Иванович Кулаков, русский историк, археолог, исследователь древностей Западной и Центральной Европы от неолита до XIV века.

Полуостров Самбия благодаря своему платообразному рельефу был наиболее пригоден в древности для проживания среди остальной в значительной мере заболоченной территории юго-восточной Балтии, стал привлекать исследователей поселенческой древности лишь в 30-х годах XX в. Ганс Кроме на основе результатов своих многолетних разведок на Самбии издал карту городищ этого полуострова. Итог до- и послевоенных исследований городищ Самбии был подведён мною 12 лет тому назад. Результаты немецких исследований городищ Самбии недавно были суммированы Антье Вендт, отнёсшей часть из них к эпохе бронзы, что выглядит крайне сомнительно.

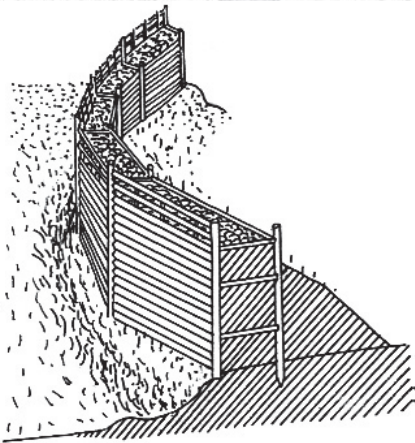
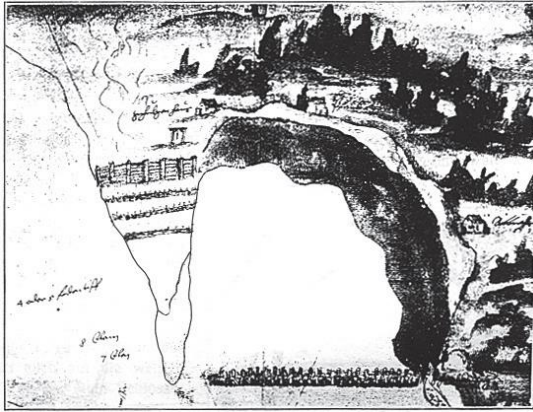
Кроме раннесредневековых укрепленных поселений, типологизированных и определенных относительно их социально-общественных функций, на Самбии присутствуют оборонительные валы, непосредственно не связанные с поселениями. Под названием *die Längwälle* (нем. «длинные валы») их ввёл в научный оборот упоминавшийся выше исследователь прусских поселений Ганс Кроме. Как показывает картирование расположения длинных валов, они представлены в основном по периметру

полуострова. Современное состояние изученности памятников археологии Самбии (Зеленоградский и часть Гурьевского р-нов Калининградской обл.) позволяет составить:

Каталог длинных валов Самбии:

1. *Neuhäuser* / Мечниково (Балтийский городской округ) – вал расположен между пос. Мечниково и *Pillau* / Балтийск, в 2,5 км к северо-востоку от последнего, в уроч. *Kleine Gardine*. Вал под прямым углом пересекает *Frische Nehrung* / Балтийскую косу. Длина вала – ок. 300 м, выс. до 3 м. Юго-восточная часть вала уничтожена шоссе Балтийск-Калининград, остальная часть вала заросла деревьями.

2. *Fischhausen* / Приморск (Балтийский городской округ) – вал расположен в 1,2 км к юго-западу от города, в уроч. *Gardine* (прусс. «ограда» – по Топорову, 1979). Вал пересекает по линии северо-запад – юго-восток северо-восточную оконечность *Frische Nehrung* / Балтийской косы. Вал расположен на естественной возвышенности, общая длина вала 115 м, выс. до 3 м, ширина по вершине вала – до 5 м. Вал раскапывался в 1932 г. В. Герте, обнаружившим по поверхности вала каменный панцирь.

Такое оформление внешних фасадов валов и склонов городищ известно у раннесредневековых ятвягов и соседних с ними западнобалтских племён. Судя по данным картографии 1625 года, ещё тогда сохранялись по верху вала остатки деревянных конструкций, столбы которых были связаны поперечными брусьями. Правда, дата этой конструкции не ясна. Если вал Гардине имел конструкции типа «городни», то был похож на вал

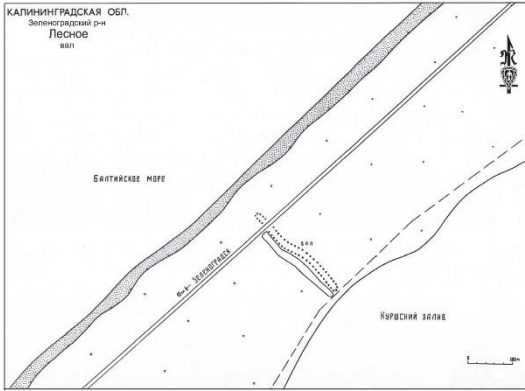
городища Kringitten / Куликово, представленный в реконструкции Карла Энгеля. Примерно в 200 м к северо-западу от основного вала Гардине имеется отрезок ещё одного вала дл. ок. 300 м. Возможно, первоначально здесь существовала система из двух длинных валов, от одного из которых сохранился к настоящему времени незначительный отрезок. Примерно в 1 км к юго-западу от вала до конца эпохи средневековья находился пролив Alte Balge, затянутый песчаными наносами к 1311 году. У восточного края пролива располагалось городище

Laukstiete / Lochstedt, в эпоху раннего средневековья, контролировавшего судоходство по проливу. Его обитатели охраняли пролив и, возможно, собирали дань с проплывавших по нему купеческих ладей. Между проливом Alte Balge валом Gardine располагалось уроч. Witlandsort, впервые упомянутое в письменных источниках в 1242 году.

3. Cranz / Зеленоградск (Зеленоградский городской округ) – вал, располагавшийся к югу от совр. города, в уроч. Schwedenschanze, соединял морское побережье и уроч. Garbik (в послевоенное время – Зеленоградский молокозавод), имел длину ок. 2 км, являясь тем самым масштабным оборонительным сооружением раннесредневековой Самбии. К настоящему времени вал перекрыт (точнее – уничтожен) северным отрезком шоссе Калининград–Зеленоградск, сооружённым в 1895 году. Примерно в 1 км к северо-востоку от вала в

эпоху викингов косу прорезал пролив Brokist, ложе которого сохранилось до сих пор. Дань, которую прусские дружинники взымали с купцов, чьи ладьи проходили упомянутым проливом в эпоху викингов, обеспечивала приток монетного серебра на Самбию.

4. Sarkau / Лесной (Куршская коса, Зеленоградский р-н) – вал, расположенный в 2 км к северо-востоку от посёлка, в 14 км к северо-востоку от Cranz / Зеленоградск. Вал пересекает Куршскую косу в одном из её самых узких мест, в плане имеет зигзагообразную форму, вытянут по линии северо-запад – юго-восток. Длина вала – 250 м, выс. до 2 м. Судя по обнажениям грунта, вал сложен из песка. Западная часть вала ограничена с западной стороны

рвом глуб. до 1 м, с восточной стороны – незначительным по своей длине заплывшим рвом глуб. не более 0,6 м. Первый ров с западной стороны тянется вдоль всего вала и является, очевидно, рукотворным каналом, прорезавшим Куршскую косу. Немецкие исследователи этот вал не обнаружили.

5. Уроч. Querwall (Куршская коса, Зеленоградский р-н) – вал, расположенный в 1 км к северу от Rossitten / Рыбачий, в уроч. Querwall, прорезает Куршскую косу к западу от дюны Predingberg. Длина вала – до 85 м, выс. от 2 до 2,5 м. Не исключено противопожарное предназначение этого вала, расположенного к северо-востоку от заболоченного пролива Vogelwise, прорезавшего в эпоху средневековья Куршскую косу. Немецкие археологи этот вал не обнаружили.

6. Lesnicken/Ракушино (Зеленоградский р-н) – вал, расположенный в уроч. Strandwehr. Упоминается лишь в прусских сказаниях, немецкими исследователями не был обнаружен.

7. Rothenen / разруш. (Зеленоградский р-н) – вал, расположенный в уроч. Strandwehr. Упоминается лишь в прусских сказаниях, немецкими исследователями не был обнаружен.

8. Fischhausen / Приморск (Зеленоградский р-н) – вал между г. Приморском и Bludau / Кострово, в орденских документах кон. XIII – нач. XIV вв. обозначен как “defensio terrae”. В начале XX в. уже не существовал.

9. Reessen / разруш. (Зеленоградский р-н) – вал, расположенный между посёлком и Wiekau / Хрустальное, реконструируемая длина вала – не более 1 км. В документах Самбийского епископства вал известен как *antique fossata*. Немецкими исследователями вал не был обнаружен.

10. Margen / Жуковское (не существует, в районе Взморье, Гурьевский р-н) – вал, расположенный в 1 км к западу от посёлка, западнее городища Conovedit (XIII в.) вытянут по линии север-юг (Сrome 1937, 82). Ни до, ни после войны вал не был обследован.

11. Quednau / Северная Гора (Königsberg / Калининград) – вал, известный в орденских источниках как *antiquum vallum*. В предвоенное время информации о вале не было.

12. Schaaken / Некрасово (Гурьевский р-н) – вал между посёлком и Rowunden / Храброво (?). В предвоенное время информации о вале не было.

13. Schmiedenen / Киевское (Гурьевский р-н) – вал между посёлком и Schaakswitte / Каширское, в уроч. Damm / Schwedenschanze. Немецкими исследователями вал не был обнаружен.

14. Lablacken/разруш. (посёлок Никитовка, в районе Тургенево, Полесский р-н) – вал, расположенный в окрестностях посёлка. В предвоенное время информации о вале не было.

Анализ данных приведённого выше каталога позволяет сделать вывод о том, что длинные валы на Самбии сконцентрированы по-своему расположению в двух группах:

Группа 1 – валы, прорезающие косы к северо-востоку и к юго-западу от Самбии.

Группа 2 – валы, расположенные вдоль побережья или в южной части полуострова.

И те, и другие валы не были обследованы в ходе археологических разведок, возможно, они не сохранились ввиду хозяйственной деятельности обитателей Самбии. Валы, расположенные вдоль побережья, могли быть созданы по голландскому образцу для охраны от затопления близлежащих участков суши.

Валы группы 1 обладают максимумом возможной информации и пригодны для интерпретирования. Ганс Кроме считал, что длинные валы могли являться и в прусское, и в орденское время границами между административно-территориальными образованиями. Такой вывод может быть справедлив для валов, расположенных в глубине суши.

Однако валы группы 1 своим расположением указывают на другое, весьма специфическое предназначение и находят неожиданные аналогии на противоположном краю Балтийской акватории. Там южную часть Ютландского полуострова прорезает длинный вал Danewerk, южнее которого располагается канал Kograben. Своим восточным краем длинный вал опирается в городище Thyraburg.

Отрезок этого вала доходит до торгово-ремесленного поселения эпохи викингов Hedeby. Западная часть вала завершается в бассейне р. Rheider Au. Там же оканчивается и канал Kograben, начинающийся на востоке у одного из фьордов бухты Schlei. Треугольное сечение канала прямо указывает на его предназначенность для транспортировки маломерных судов типа knorr. Эта концепция уже пару десятилетий существует в немецкой археологии.

Считается, что длинный вал на Ютланде был сооружён в нач. IX в. конунгом Готфридом для защиты Датского королевства от западных славян.

Однако эта гипотеза не объясняет существование планиграфически приуроченного к длинному валу канала. Лишь приняв концепцию, высказанную Клаусом Гольдманном относительно совместного использования канала и длинного вала, который защищал его с севера, можно понять не только специфику этих ютландских циклопических сооружений, но и валов Самбии.

Длинные валы группы 1, возможно, синхронные длинному валу Ютланда, защищают с одной или с двух сторон проливы/каналы, пересекавшие песчаные косы на противоположных углах Самбии.

Возможно, валы выполняли не столько военные, сколько культовые и административные функции, ограничивая экстерриториальность каналов и ограждая сновавшие по ним иноземные ладьи от прусской племенной территории, законам которой купцы-корабельщики не подчинялись. Незначительные параметры валов (особенно – их высота) косвенно подтверждают предположение об их культовых и административных функциях.

Экстерриториальность проливов в прусском обществе подчёркивало отсутствие в их микрорегионах прусских городищ эпохи раннего средневековья.

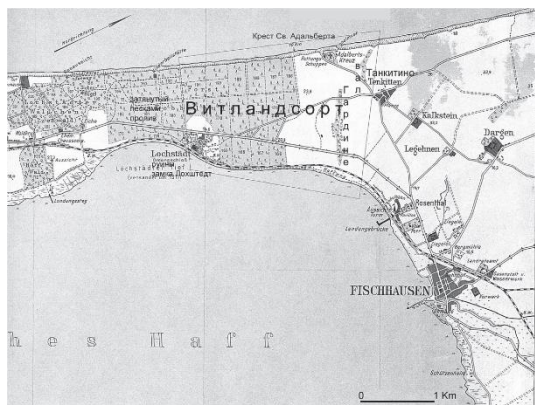
В публикации использованы фотоматериалы В. И. Кулакова.

19. Витланд

Первым о Витланде сообщил в своём описании Вислы приблизительно в 900 году датский «мореплаватель из Хадебю» Вульфстанб «Висла – очень большая река, она протекает между Витландом и Венденландом, а Витланд относится к стране эстиев». Потом это название прозвучало в сообщении льезжского монаха Альбериха от 1228 году. Он упоминал восточные страны «Пруссию», «Курляндию», «Летовию», «Витландию» и «Самбию». О Витланде шла речь и в договоре между орденом и любекцами от 1246 года. В том же году епископ Хейденрайх из Кульма упоминал вместе с Пруссией, Курляндией и Замландом Витланд как отдельную провинцию.

Но вскоре после этого вошло в историю название «Пруссия», касающееся тогда территории восточнее Вислы. Ещё некоторое время слово «Витланд» продолжало жить в народе, а затем совсем исчезло.

О границах и размерах Витланда нет никаких документальных свидетельств. Согласно преданиям, эта страна могла простираться от устья Вислы через Трусо, древний торговый пункт на озере Друзензее, через бывшую Эльбингскую землю до Калгольца (находился в районе посёлка Весёлое, руин замка Бальга на мысе Северный), поперёк залива – до района Циммербуде, далее – на северо-запад, до границ имения Гайдац и Фишхаузенской бухты, где первоначально была суша, и к Фрише Нерунг, замыкавшей на своём протяжении эту область.

Не настолько легендарным является Витланд (Витландисорт), местность от Фишхаузена до Лохштедтской впадины. Это название встречалось чаще всего во времена Ордена. В документе о разделе территории от 1258 года Витландсортom назван земельный участок, простиравшийся на северо-восток от будущего Лохштедта на 5/9 мили.

Весь Прегельхафф, то есть участок залива, расположенный восточнее линии Камстигаль – Кальголец (Балтийск – мыс Северный) был когда-то сушей, частью Витланда. Через неё протекали реки Прегель и Фришинг (Прохладная). Мели в восточной части залива следует рассматривать как остатки суши, затопленной его водами. Когда-то фишхаузенцы, верившие легенде, пытались разглядеть при ясной погоде руины города, якобы погрузившегося в залив.

По Фойгту – прусского историка, профессора в Кёнигсберге, исследователя раннего прусского периода – эта часть Витланда ещё существовала во время прибытия в Замланд Оттокара Чешского, но уже была многократно прорезана речными водами. Образовались острова, где находились населённые пункты Каймен, Лойтен, Бонове, Линтеве, Зунегове, разрушенные и затопленные водами залива после полного соединения его частей. На карте Ханненбергера между Камстигалем и Бальгой был показан остров, который можно считать частью Витланда. Несмотря на это, утверждение о существовании здесь суши во времена вступления ордена в Замланд осталось ничем не подтверждённой гипотезой.

Существуют разные толкования Витланд (Виделанд, Витове, Витенланд). Название может быть связано с германским словом «wit» («weiss»), то есть с белыми дюнами, какими они казались скандинавским мореплавателям со стороны моря, но что более правдоподобной все же является гипотеза о связи названия с видивариями. Видиварии представляли собой остатки разных местных германских племён, составлявшие когда-то значительную часть населения этой страны. Виды (виты) – старое название готов, и места, где они оседали, часто носили названия «Витланд» или «Видланд». Попытки вывести происхождение название от прусского слова «виддус» («середина»), то есть считать, что Витланд означает страну между двумя водными бассейнами, или связать его со словом «вид» («корень») являются менее рациональным. Ещё меньше может соответствовать действительности предположение о том, что стране дали название посёлки (витты), созданные в доисторические времена скандинавами на прусском побережье для промысла сельди. Это относится к мнению, что Витланд означает страну пастбищ («Weideland» – «вайделанд»).

По материалам исследований Оскара Шлихта.

20. Пиллауский полуостров

Началом Пиллауского полуострова, подлинной косы, следует считать местность около гардины. Исследования слоёв горных пород здесь показало, что они образовались в то же время, когда появилась эта коса. Почти на всём протяжении косы плейстоценовые (соответствующие более длительной эпохе четвертичного периода геологической истории) почвы покрыты слоем песка мощностью от одного до пяти метров. Кроме этих нанесённых ветрами песчаных масс, существуют и слои песка гораздо большего возраста, например на участке Швальбенберг. Они годны для разработки в целях строительства.

Рельеф Пиллауской косы холмистый. Дюны, высотой, равной в среднем 20 метров, распространены по ней от начала до конца, в том числе и по наиболее высоким местам. Если холмистая дюнная область до бывшего Нойхойзера занимает по ширине почти всю косу, то сюда эта область сужается и тянется полосой шириной 300-500 метров, спадая к заливу. Впадина южнее

Лохштедта примечательна как место бывшего пролива, она на протяжении 400 метров представляет собой ровное место и заполнена мощным пластом торфа, покрытым дюнным песком. Изучение строения этой торфяной залежи в начале XX века позволило сделать вывод о медленном зарастании Лохштедтского пролива и отнести рассказы о его внезапном заносе к области фантастики. Вероятно, ураган накрыл песком уже сильно заплывший грунтом и заросший тростником пролив.

Другую значительную залежь торфа, длиной около 1 км и шириной в 300 метров, обнаружили между Нойхойзером и горой Юбилейная. Росший здесь лес Брухвальд находил в этой почве хороший источник питания. Местами лес прерывался вырубками, которые в 1914 году обеспечил гарнизону Пиллау свободные секторы обстрела и явились одной из наскоро осуществлённых оборонительных мер против предполагаемых нападений русских войск. Для этого использовались и шанцы, сооружённые шведами в 1629 году поблизости от берега моря. В начале Первой мировой войны была даже снесена смотровая вышка, имевшаяся в дюнах.

К этому участку примыкала «Хагенская морская дорога», прибрежный променад Нойхойзера. Несколько в глубине суши, среди дюн, располагалось Королевское озеро, скромный водоём с гордым названием.

В этих местах находился населённый пункт Вограм (ныне в черте Балтийска), известный также как Вогерим, Вугерим, Вёгерам, Вогерамб и получивший первую грамоту с привилегиями в 1413 году. Она была обновлена в 1452 году. Долго виднелись кирпичные развалины этого местечка поблизости от Королевского озера. Вограм был посёлком почти в 20 домов, принадлежавшим амту Лохштедт; его также называли ленным имением. В 1539 году туда перенесли трактир с косы Фрише Нерунг. В 1664 года в Вограме оставались 11 крестьянских дворов, в некоторых из них были на постое ландскнехты пиллауского гарнизона. Значительная часть доходов этих солдат проистекала от запрещённого черпания янтаря. Там неоднократно бывал Иммануил Кант, тогда вместе со своим другом Греном осматривал «приятные места вокруг Пиллау».

Севернее горы Юбилейная находится Малая Гардина, по-видимому, оборонительный вал древних пруссов.

Когда-то вал, прозванный в народе Гардиной (Gardine), пересекал весь полуостров, от моря до залива. Его длина составляла 1,9 км, а ширина – 9 метров. Вал порос дубами, липами, другими деревьями и густыми подлеском, особенно боярышником.

А. Бёттихер и О. Шлихт считали, что название вала произошло от прусского слова «Gertin» («Гертин»), превратившегося позже в «Gertaun» («Гертаун»), что равносильно немецкому слову «Wehrzaun» («Верцаун»), обозначающему «оборонительную изгородь».

Это был окаймляющий и пограничный вал священного поля пруссов, который мог использоваться ими и для обороны против крестоносцев. А. Бёттихер же прямо указывал, что Гардину соорудили пруссы в 1242 – 1250 годах. Были и другие версии относительно времени и цели возведения вала, но версия А. Бёттихера является самой убедительной.

Впрочем, вал не стал для наступающего ордена каким-то препятствием, а вот в последующие времена принёс некоторую пользу местным жителям, сдерживая наступления движущихся песков.

В дальнейшем вал выположился и превратился в гряду продолговатых холмов, которых к XXI веку осталось не так уж и много.

По материалам исследований Оскара Шлихта.

21. «Эссе о юго-западной оконечности Самбии». Владимир Кулаков. Витландсорт – Тенкиттен – Танкитино

Ландшафтные микрорегионы, их изучение и популяризация – новая форма гуманитарной общественной деятельности в современном мире. Страны Европейского Сообщества и Россия декларируют особое внимание к историческим ландшафтам – неотъемлемой части того культурного наследия, которое мы получили от предшествующих поколений.

Наиболее оптимальная форма популяризация таких ландшафтов – формирование культурно-рекреационных комплексов, в рамках которых наши соотечественники смогут получить не только возможность полноценного отдыха, восстановления сил и обретения возможности

дальнейшего продуктивного отдыха, восстановления сил и обретения возможности дальнейшего продуктивного труда на благо нашего региона, но и соприкоснуться с сокровищницей истории Янтарного края. Всесторонняя информация о той части суши и морского побережья, которую охватывает культурно-рекреационный комплекс, может стать для посетителей этого комплекса уникальным средством для восстановления сил и здоровья. В состав своеобразного микрорегионального рецепта рекреации, неисчерпаемого ресурса нашего Янтарного края, входит и научно-популярный туризм, который на современном этапе является в Европе одной из наиболее приоритетных форм интеллектуального отдыха, активно востребованного посетителями санаториев, курортов и кемпингов.

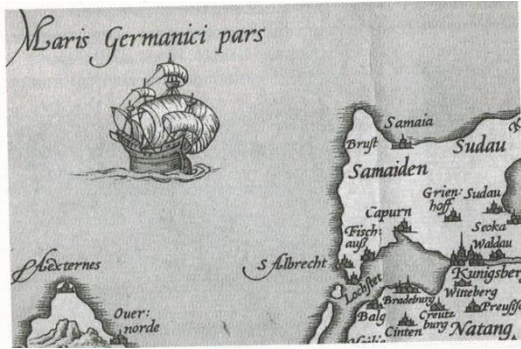
Чем же интересна эта часть суши? Какого рода историко-культурная информация может быть предложена посетителям гостевых домов? Наконец, что означает слово «Витланд»?

Этот микрорегион уже с эпохи высокого средневековья именуется Witlandsort (нем. «Место Витланда»). Впервые топоним «Витланд» упомянут в сочинении англо-саксонского путешественника Вульфстана, предпринявшего морское путешествие из южной части полуострова Ютланд на восток и посетившего западную окраину земли пруссов в конце IX века. В его путевых заметках эта земля именуется «Витланд». Данный топоним можно перевести на русский язык как «Земля Видевута» и как «Земля ведающих/знающих». Имеется и вариант перевода, базирующийся на данных древнеисландского языка, использовавшегося викингами. «Витланд» переводится как «Земля Одина», «Белая Страна», «Страна белых людей». Не следует забывать факта обожествления викингами и пруссами белого цвета как цвета, посвященного Одину, Царю Богов.

Впервые топоним «Витландсорт» появляется в грамоте 1243 года, содержащей просьбу любекских купцов предоставить им территорию в Самбии для постройки гавани *in portu Lipze*. Этот же топоним позднее встречен в договорных документах 1298 года по разделу Самбии между Тевтонским Орденом и Самбийским епископством. Витландсорт – небольшой участок морского берега к северо-востоку от замка Лохштедт. Микрорегион «Витландсорт» занимал пространство между замком Лохштедт (точнее – проливом *Alt Balge* у замка) и прусским валом *Gardine*, пересекающим северную оконечность Балтийской косы (*Frische Nehrung*). «Витландсорт» обозначал на пороге средневековья и в эпоху викингов границу между Витландом (пруссские волости в устье реки Ногаты) и собственно историческим центром прусского племенного ареала – полуостровом Самбия. Следует предположить, что именем «Витландсорт» пруссы могли именовать всю «зону страха» (т.е. землю, запретную для посещения чужаками) вокруг пролива *Alt Balge*. С севера эта территория ограничивалась валом *Gardine*, с юга – также сохранившимся поныне валом *Kleine Gardine* (у посёлка Мечниково). Пролив в Балтийской косе был жизненно важен для прусских викингов, через него шли торговые суда из реки Преголи в открытое море.

Если топоним «Витландсорт» редко встречается на картах Пруссии XVI – XVII веков, то название церковной деревни Санкт-Альбрехт известно уже на одной из старейших прусских карт, изданной Генрихом Целла в 1542 году.

По данным последней крупномасштабной карты Пруссии 1938 года, микрорегион Витландсорт является узкой, шириной не более 1,5 км, северо-восточной части мыса на юго-западной оконечности Самбии. Размеры интересующего нас микрорегиона – 2,4 x 1,5 км. К 1938 году, судя по карте, большая часть территории Витландсорта была занята кустарником и отдельными, посаженными с конца

XIX века группами деревьев. В северо-западной части «Витландсорта» растительный покров не показан.

Современный ландшафт Витландсорта, отражённый, в частности, в картографии 1914 года, имеет в значительной мере окультуренный облик. Это замечание применимо к саженому хвойному лесу Kobbelbude, занимающему юго-западную часть изучаемого микрорегиона и возникшему во второй половине XIX века по сугубо природоохранной необходимости, для удерживания массива северной части Балтийской косы от эрозии в её наименее стабильной части – на месте прежнего пролива Alte Balge.

В эпоху римского влияния, примерно 2 – 1,5 тысяч лет тому назад эта часть Витландсорта явно отсутствовала, будучи скрытой под волнами Балтийского моря. С V века н.э., времени постепенной регрессии Балтийского моря, побережье Самбии, в том числе – береговой урез Витландсорта (высотой над уровнем пляжа около 3 – 7 м), покрывает заросли пляжного чертополоха. В местной прусской традиции это растение

именовалось «Верность моряка». В русской традиции это растение имеет название «Синеголовник», его заросли ныне сохранились лишь на Балтийской косе. «Синеголовник» является растением-эндемиком на территории Калининградской области и занесён в региональную «Красную книгу».

Растительный покров в северном и северо-западном секторах Витландсорта на протяжении всего XX века представлен в значительной мере саженными породами деревьев, заметное место среди которых занимает горная сосна. Посадка этих деревьев, как массива Forst Kobbelbude и Lochstadter Wald (лес в районе бывшего КПП), преследовала прежде всего экосберегающие задачи, связанные с устранением ветровой и пахотной эрозии местных песчаных почв. В послевоенное время в результате стихийной вырубki на дрова запасы горной сосны в пределах микрорегиона Витландсорт значительно сократились. Сосна была заменена в значительной мере берёзой, появившейся здесь в результате самосева и не представляющей никакой ценности. Для воссоздания традиционного, наиболее оптимального ландшафта Витландсорта эти стихийно появившиеся берёзы целесообразно убрать.

Северную границу микрорегиона Витландсорт маркируют вал Гардине и расположенный севернее его северо-западный окраины посёлок Tenkitten.

Вал Гардине датируется эпохой викингов и XIII веком. Расположен в 1,5 км к юго-западу от Приморска, в урочище Getin, Gertaun, сравнение с древнеисландским словом «gard» – «укреплённое поселение», «город». Вал имеет длину 115 м, прорезает Балтийскую косу по направлению северо-запад – юго-восток, фланкируя с севера древний пролив Alte Balge, прорезавший косу до 1422 года. Высота вала достигает в ряде пунктов до 3 м, ширина по его вершине –

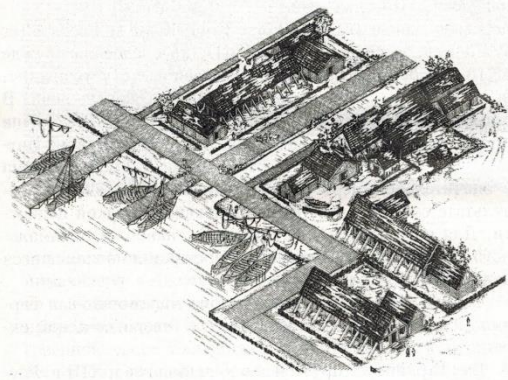
до 5 метров. Вал в 1932 году раскапывался Вильгельмом Герте. В ходе работ под современной дневной поверхностью был обнаружен каменный панцирь, покрывавший в древности поверхность вала. Вал был обследован автором в 1978 году, с северной стороны вала были выявлены остатки заплывшего рва.

Entwurf für eine Wiedereröffnung des Lochstädter Tiefes. Um 1500.
Staatsarchiv Königsberg.

Южную границу микрорегиона Витандсорт обозначает замок Лохштедт, который расположен в 3 км к юго-западу от Приморска, на материковом останце высокого северного берега Калининградского (Вислинского) залива, в 0,1 км к северу от затянутого песком

пролива Alt Balge. К началу XVI века пролив заносится песками.

Прусское земляное городище Lauchstiete, на котором в 1270 году был воздвигнут деревянный орденский замок, перестроено крестоносцами и в результате этой перестройки обрело две площадки, ориентированные по линии юго-запад – северо-восток. Меньшая площадка имеет размеры 56 х 45 м, высота от уровня вод залива – 13 м.

На площадке сохранились остатки квадратной в плане конструкции цитадели замка Лохштедт размерами 40 х 40 м. Стены цитадели, сложенные из подтёсанных валунов не менее 1 м. Склоны малой площадки орденского городища эскарпированы. Большая площадка орденского городища имеет 75 х 56 м. Эта площадка, являющаяся форбургом замка Лохштедт, с северо-восточной, напольной стороны укреплена валом подковообразной в плане формы высотой до 1 м и рвом глубиной 3 м. Между площадками орденского городища расположены два вала высотой 2 м, разделённые рвом. На форбурге в шуфе был выявлен слой строительного мусора мощностью не менее 1 м. Орденское городище Лохштедт отмечено в списке Ганса Кромпе, обследовано автором в 1977 году.

В 1275 – 1285 годах строение замка возводились из камня и кирпича. В 1585 году в непосредственной близости от замка янтарных дел мастер Андреас Мойер из Данцига создал янтарный карьер.

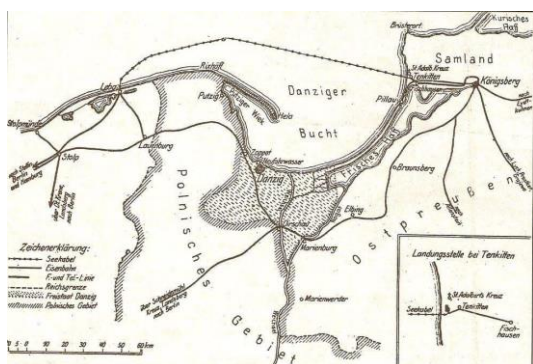
С 1931 года в помещениях замка расположился краеведческий музей под руководством Генриха Зоммера. Этот музей сохранял большое количество археологических и музейных экспонатов, которые частично были обнаружены летом 1945 года. В 1947 году замок Лохштедт был стёрт с лица земли при участии Управления культуры Калининградского облисполкома (А. П. Бойко) в целях поисков архива одного из подразделений СС.

Начало истории микрорегиона Витландсорт связано с расположенным в его северном секторе грунтовым могильником Tenkitten (первая половина I тысячелетие н.э.). В результате археологических работ на территории могильника были обнаружены урновые трупосожжения римского времени. Погребения перекрывали каменные кладки – характерная деталь погребальных древностей самбийско-нотангийской группы западно-балтийской культуры I – V веков н.э.

Скорее всего, этому могильнику соответствует открытое поселение эстиев, располагавшееся где-то неподалёку. Его обитатели непосредственно контролировали местные янтарные месторождения, являвшиеся истоком Великого Янтарного пути. Он вёл из Самбии через дельту реки Вислы к Карпатской котловине и далее по реке Дунаю в пределы Римской империи. Этот торговый путь заканчивался в городе Аквилее (Северная Италия).

Северо-западный сектор микрорегиона является каноническим (признанным церковным руководством, конституированным документально в 1302 году епископом Зигфридом) местом мученической гибели первого миссионера Пруссии – св. Войцеха-Адальберта.

Отправившись из Гданьска на ладье под охраной 30 княжеских дружинников, св. Войцех, высадившись на самбийское побережье, отпускает охрану и в сопровождении своего названного брата Радзима-Гауденция, капеллана Богуши-Бенедикта и нескольких своих верных учеников отправляется вглубь прусской земли в надежде обратить язычников в веру Христову.

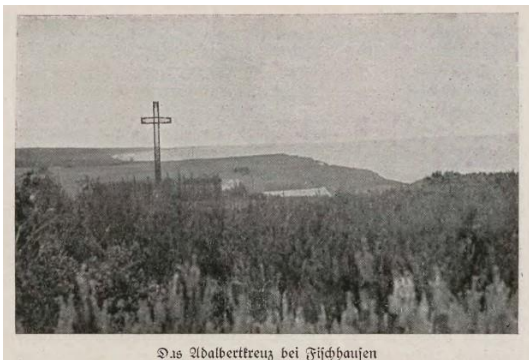
Первоначально миссионер имеет успех в местном обществе и крестит нескольких пруссов. Однако в массе местное население остаётся недовольным поруганием их богов, которое они видели в проповедях новоявленного миссионера. Последняя проповедь св. Войцеха проходила под возмущённые возгласы пруссов, стоявших перед миссионером в полном вооружении. После ночёвки в лесу и прочтения последней мессы Радзимом-Гауденцием 23 апреля 997 года пражского епископа захватывают разъярённые пруссы, повергающие его на землю семью ударами копий. Первый удар нанёс жрец-вайделот Сикко. Другой же прусс рубит святому миссионеру голову. Шесть его спутников также погибают, три ученика миссионера беспрепятственно удаляются... Изображение сцены мученической смерти св. Войцеха сохранило для нас рисунок прусского топора с крючком в нижней части топорика. Именно такие топоры были характерны для материальной культуры прусской военной дружины конца X – начала XI веков, что отражено в материалах грунтового могильника Ирзекапинис (прусской «Могилы гребцов») в окрестностях Зеленоградска.

Изображение первоначального выставления останков св. Войцеха, представленное на сцене XV Гнезненских врат, позволило мне реконструировать это явление.

Складывается впечатление о том, что пруссы не просто убили св. Войцеха за его проповедь (что явствует из канонических «Страстей св. Адальберта»), а принесли его в жертву прусским богам за то, что миссионер случайно осквернил своим присутствием несколько прусских святилищ.

Вскоре после кончины миссионера польский князь Болеслав Храбрый выкупил его останки на вес золота. Основанный около 1000 года собор в княжеской резиденции – городе Гнезно в первой половине XII века украсили бронзовые врата с 18-ю сценами жития св. Войцеха-Адальберта. В 1039 году основное количество мощей миссионера поступило на хранение в собор Пражского Града. Однако некоторые детали тела св. Войцеха попали в собор во Фромборке и Гнезненский собор.

Не исключено, что непосредственно на месте жертвоприношения миссионера (вернее – на возвышенной точке канонического места гибели) уже в высоком средневековье пилигримами был поставлен деревянный памятный крест. Это полностью соответствует католическим традициям почитания святых. Как правило, подобные кресты ставились первыми христианами и на местах

прежних языческих святилищ. Место, на котором был расположен крест св. Адальберта, по своему расположению весьма удобно для размещения на нём святилища пруссов. Оно, скорее всего, осуществляло сакральную защиту табуированного, запретного для посещения чужаками микрорегиона Витландсорт. К северо-западу от него находился отрезок вала Гардине, специально оберегавший место гипотетического святилища пруссов.

Скорее всего, аналогичный по планиграфии отрезок вала мог располагаться и к югу-западу от него. Но пахота, скорее всего, уничтожила этот вал. Таким образом, пруссы и в эпоху римского влияния в начале нашей эры, и в эпоху викингов не оставляли вниманием микрорегион Витландсорт. Вряд ли пригодный для постоянных поселений, этот пункт на окраине Самбии являлся частью священной системы защиты этой земли наравне с расположенными по границе полуострова святилищами Вахбуденберг (гора Вахтенная, посёлок Филино), Ципфельберг (ущелье в районе посёлка Приморье), Кривишкуле, Ирзекапинис (район Зеленоградска).

Пруссы посещали Витландсорт время от времени в рамках торговых операций по близлежащему проливу, ввиду охраны этого пролива и для гипотетического отправления культовых церемоний.

После успешного для Пруссии завершения Наполеоновских войн здесь был поставлен деревянный крест.

*Дополнения из работы «Тенкиттен: что, где, когда?» Виктора Ивановича Болучевского.

“В 1822 году по инициативе тайного советника Мюллера правительство решило установить на руинах церкви св. Адальберта в память о его трагической кончине деревянный крест и поручило осуществить это амтману Хинтцке из Фишхаузена. Тот выделил для изготовления креста дубовое бревно толщиной в 0,6 м. Длина креста, по разным источникам, составляла 7,6 – 9,5 м, он был

покрашен чёрной краской и имел железную табличку с надписью. После установки креста его обнесли забором. Крест посещали паломники из других стран. Однако он простоял сравнительно недолго, поскольку был повален ураганом из-за слабого песчаного грунта”.

Вскоре в память о своих близких, погибших в польском восстании 1831 года, графиня Елизавета Велопольска, укрывавшаяся в дни восстания в Фишхаузене, инициировала установку ажурного железного креста высотой 8,78 м. Исполненный в неоготическом стиле, он появился в 1834 году и простоял в изящной железной ограде до конца Второй мировой войны.

*Дополнения из работы «Тенкиттен: что, где, когда?» Виктора Ивановича Болучевского.

“Побуждаемая неудовлетворительным состоянием деревянного креста, она передала 400 талеров суперинтенданту Ланге из Фишхаузена. Эту сумму изыскал её двоюродный брат, генерал Хлаповский, который, однако, не пожелал быть названным. В январе 1832 года Ланге обратился в правительство

за разрешением начать работы, которое последовало 25 января.

Сначала предусматривался крест высотой в 2 м, но потом решили увеличить до 10 м, хотя Бёттихер называет высоту, равную 8,78 м, а Д. Альбрехт – 9 м. Крест был отлит в литейном цехе кёнигсбергского завода «Унион» по проекту строительного советника Пуппеля.

Были собраны дополнительные средства, причём поступили взносы от короля и из государственной казны. Новый крест был установлен в 1834 году, по некоторым исследованиям – в 1831 году. Более приемлемой является первая из этих дат, на что указывает время разрешения на установку нового креста. По-видимому, в этом отношении несколько вводит в заблуждение надпись, имевшаяся на кресте: «Епископ святой Адальберт умер здесь мученической смертью в 997 году за свет христианства. Велёпольска, 1831 год». На обратной стороне креста была табличка с надписью: «Литейный цех в Кёнигсберге в Пруссии».

Крест стоял на солидном фундаменте, сложенном из валунов и кирпичей и углублённом в грунт на 3 м. На фундамент опирались три ступенчатые площадки из гранитных блоков. Крест был прикреплен к фундаменту тремя анкерами.

В 1836 – 1837 годах слесарный мастер Бартлау сделал для креста дополнительное украшение в виде чугунных усиков с виноградной лозой и дубовыми листьями на средства графа цу Дона-Вундлакена.

В 1842 году был организован сбор средств на озеленение местности вокруг креста, принесший сумму в 400 талеров. Часть средств была израсходована и на посадку деревьев и кустарников на площади, равной двум моргенам, в качестве замены вырубленного тенкиттенцами Розенбуша около Розенталя.

По случаю 900-ой годовщины смерти св. Адальберта была заново изготовлена опора креста и к ней прикреплена табличка с надписью: «реставрировано 28 апреля 1897 года евангелической провинциальной церковью Восточной Пруссии». Тогда же была возведена вокруг креста железная ограда.

В 1899 году были приобретены на собранную сумму в 1360 марок и переданы в распоряжение окружного синода 10 моргенов земли возле креста св. Адальберта. На средства правительства здесь была заложена сосновая роща, ставшая впоследствии известной под названием Кройцвальд. Если раньше крест был практически безнадзорным, то теперь он стал объектом окружного синода, которому лохштедтский церковный приход передал уход за ним.

В целом лютеранская церковь отдала должное св. Адальберту, оказала ему большое уважение, хотя для протестантизма характерно отсутствие культа святых, ангелов и икон.

Этому памятному месту посвящены разные поэтические произведения, но самым известным из них следует считать драму Фридриха Людвиг Захариаса Вернера «Крест на Балтийском море», на которую сочинил музыку Эрнст Теодор Амадей Гофман».

*Примечание.

В 20-х числах апреля 1945 года майор Диккерт (Major Dieckert/GeneralGrossmann "Der Kampf um Ostpreussen"): «Все воинские части, стоявшие на передовой усердно занимались своими позициями. Военно-строительные батальоны, сапёры и фольксштурм копали противотанковые рвы и создавали отсечённые позиции. Усилия при этом направлялись, прежде всего, на то, чтобы прикрыть путь отхода на Пиллау. Вокруг Фишхаузена тянулась единая полевая позиция. Более сильно была оборудована отсечённая позиция у Тенкиттена (крест Адальберта сняли, чтобы он не мог служить ориентиром для русской артиллерии)».

В 1997 году в ознаменование победы примирительных идей «перестройки», при поддержке тогдашнего мэра г. Балтийска был воздвигнут третий памятный крест, изготовленный из алюминия в г Эльблонге.

*Дополнения из работы «Тенкиттен: что, где, когда?» Виктора Ивановича Болучевского.

«Местные краеведы, используя старые планы местности и другие достоверные материалы, определили и указали место, где раньше стоял железный крест. Осенью 1991 года усилиями католической общины области здесь был поставлен временный небольшой деревянный крест, который был освящён католическим архиепископом Тадеушем Кондрусевичем. В январе 1997 года был учреждён Фонд св. Адальберта, от лица которого велась разработка плана мероприятий в честь 1000-летия со дня смерти св. Адальберта. 23 апреля 1997 года вместо временного деревянного был установлен металлический крест, дар Польши, завода «Эльзам»».

Крест расположен в 1,5 км от шоссе Калининград – Балтийск, и место его расположения соединено с шоссе грунтовой дорогой. К кресту довольно легко попасть.

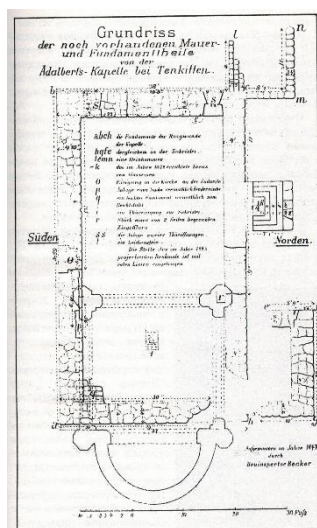
У северо-западной оконечности вала Гардине, примерно в 20 км к юго-востоку от места памятного креста, в 1014 – 1035 годах или в 1320 – 1343 годах была возведена капелла.

*Дополнения из работы «Тенкиттен: что, где, когда?» Виктора Ивановича Болучевского.

“Первые сообщения о возникновении здесь часовни появились в 1014 – 1035 годах во времена датских захватов в Самбии. Это был самый первый, самый древний христианский храм в Пруссии. Самой почитаемой из всех церквей св. Адальберта была церковь, воздвигнутая поблизости от деревни Тенкиттен. Согласно другой легенде, в начале XII века английские купцы доставили мощи св. Адальберта из древней датской церкви, находившейся в Замланде, через залив в Санкт-Альбрехт возле Гданьска. Иные хронисты приписывали сооружение новой церкви замландскому епископу Иоганнесу I Кларе (1319 – 1344). По данным

Грунау, тот построил церковь на пожертвования князей, которые прибыли в Пруссию на помощь Тевтонскому ордену в походах против Литвы и Жемайтии. Обследование останков стен церкви в XIX веке показало, что кирпичи, использованные при строительстве, были подобны кирпичам построенного после 1275 года замка Лохштедт. Около фундаментов церкви были найдены следы пожара, позволившие предположить, что церковь была возведена на фундаментах сгоревшей старой часовни”.

В 1422 – 1424 годах маршал Тевтонского Ордена Людвиг фон Ландзее реконструировал эту капеллу св. Адальберта. Её размеры были по тем временам значительными – 20,56 x 11,77 м.

Судя по рисунку на карте Самбии 1628 года, капелла представляла собой однефное помещение базиликального типа. Великий магистр Тевтонского ордена Фридрих фон Саксен сделал вклад в капеллу в виде трёхчастного живописного алтаря, созданного, как многие считают, в 1504 году в Нюрнберге. По распоряжению упомянутого главы ордена центральную резную часть этого алтаря, представляющую коронацию Девы Марии, мастер Леон фон Вайблинг украсил янтарными вставками. На

алтарных створках безымянный живописец рубежа XV – XVI веков представил сцены мученичества св. Войцеха-Адальберта и процесс обретения его мощей.

24 ноября 1669 года капелла обрушилась в результате мощного шторма.

*Дополнения из работы «Тенкиттен: что, где, когда?» Виктора Ивановича Болучевского.

«В воскресное утро. Между 8 и 9 часами, во время сильнейшего трёхдневного урагана, подобных которому в здешних местах не случилось в течение 50 лет. Несмотря на плохую погоду и ранний час, в церкви присутствовало около 400 человек, собравшихся на церемонию венчания. Перед окончанием богослужения к церкви подъехала

повозка с повитухой и младенцем и остановилась перед калиткой церковного двора под защитой восточной стены церкви. Младенца понесли в церковь для крещения. Но ожидавшийся снаружи возница вдруг заметил, что сдвинулись балки крыши, каменная стена отделилась от них и посыпался строительный раствор. Тогда он бросился к церковной двери, распахнул её и сообщил об опасности находившимся внутри (по другой версии, это сделала повитуха). Пастор Генрих Фазольдт прервал проповедь и руководил эвакуацией прихожан в церкви, стоя на кафедре. Присутствовавшим на богослужении удалось выйти из церкви, прежде чем она рухнула. Община откопала из развалин священную утварь, алтарь и кафедру, собрала другое годное имущество и доставила в капеллу Лохштедта. Алтарь и кафедра разрушившейся церкви ровно 200 лет находились в Лохштедте.

Тот же ураган засыпал песком землю пастора, и он поселился в Тенкиттене, получив три хуфена земли в деревне Калькштайн (рядом с Тенкиттен). Отказался он и от своего трактира, сделавшегося практически ненужным после разрушения церкви. При церкви прежде находилась деревня Адальбертен (позднее – Альбрехтсдорф), прозванная с иронией «многолюдной» – этот населённый пункт состоял тогда лишь из жилища пастора, которое имело прозвища «Виддем» и «Витвенхауз» («Вдовый дом») за ветхость. Но раньше при церкви была школа. За столетие до разрушения её, люди покинули занесённые песком земельные угодья и переселились в Тенкиттене, а школа была переведена в Лохштедт.

В 1828 году виднелись остатки стен церкви длиной 8,5 м и высотой в 1,5 м, для охраны которых была установлена ограда. Окрестным жителям запрещалось, под угрозой наказания, брать оттуда камни.

В 1847 году по поручению правительства здесь были осуществлены строительным инспектором Беккером раскопки фундаментом. Выполненные при этом измерения показали, что длина церкви, без хоров и пристройки, составляла 20,56 м, а ширина – 11,77 м. Булыжные фундаменты имели толщину 1,5 м, стены были немного тоньше. В области алтаря лежала надгробная плита курфюршеского штрандрейтера Лоренца Шайна и его семьи.

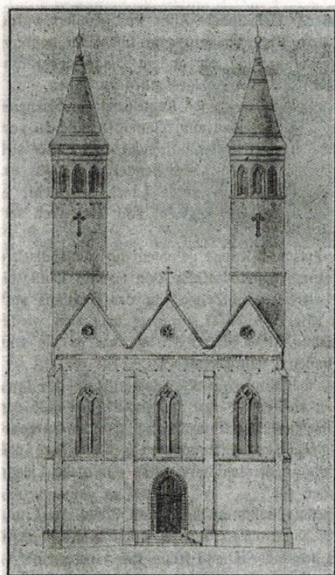
Кроме нескольких серебряных монет и осколков цветных оконных стёкол, ничего заслуживающего внимания обнаружено не было, и после заключительного осмотра руины церкви снова засыпали землёй. В Музей Пруссии были переданы остатки стенных и оконных кирпичей, осколки оконных стёкол, плоская черепица, кирпичные плиты, покрытые белой, чёрной и жёлтой глазурью, и т.п. Туда же и попала железная стрела (подробности о стреле чуть ниже).

Калька съёмки Беккера и соответствующий чертёж Ферница находились в Королевском кабинете эстампов в Кёнигсберге.

Холм, на котором стояла церковь, был высотой до 20 м над уровнем моря, поэтому она являлась хорошим ориентиром для кораблей, державших курс на Пиллау. Холм постепенно разрушался: расстояние от местонахождения церкви до морского берегового откоса составляло в 1782 году 300 м, в 1822 году – 130 м, в 1920 году – 100 м. Однако по данным известного калининградского учёного В. Л.

Болдырева, к концу 50-х годов XX века процесс разрушения прекратился. Сейчас расстояние от берегового откоса до места, где когда-то стояла «старейшая церковь Замланда», составляет 70 м».

Фасад новой церкви
св. Адальберта по проекту
Штюлера

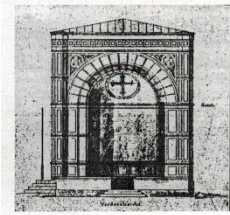
В 1840 году по инициативе епископа Гнезно и при поддержке короля Пруссии Фридриха Вильгельма IV была начата подготовка проекта новой часовни у креста св. Войцеха-Адальберта. Известный архитектор Август Штюлер в 1852 году закончил проект часовни, представлявшейся зданием в неоготическом стиле. Правда, ввиду нехватки средств этот проект не был реализован.

*Дополнения из работы «Тенкиттен: что, где, когда?» Виктора Ивановича Болучевского.

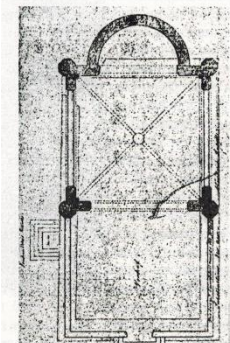
«Король-лютеранин и католические клирики не смогли найти общего языка: одни желали чисто католического храма, а король предложил симультанную церковь, где одновременно осуществлялось бы католическое и евангелическое богослужение. Это было предусмотрено в правительственном ордере от 24 апреля 1842 года в проекте Штюлера. Возведённая между хорами и продольным нефом стена должна была исключить помехи при одновременном богослужении. Сметная стоимость строительства составила 18 348 талеров.

Против возведения церкви стали, однако, возражать жители Замланда, не желавшие, чтобы в их лютеранской округе появился католический храм. Так этот план и не был осуществлён, хотя строительство должно было начаться в 1846 году.

Фасад памятного павильона св. Адальберта по проекту Штюлера.

План памятного павильона св. Адальберта по проекту Штюлера

Тогда король задумал возвести здесь памятный павильон. Проект его был разработан всё тем же Августом Штюлером в 1852 году, причём проектная стоимость составила 9 875 талеров. Памятный павильон был задуман в стиле орденских строений как здание не оштукатуренной кирпичной кладки, образцом служила Рамерсдорфская комтурская капелла на Боннском кладбище. К открытому с трёх сторон вестибюлю примыкало квадратное помещение длиной и шириной в 9,2 м. У задней стены была предусмотрена апсида, на которой должна была стоять статуя св. Адальберта. К этому времени собранные средства достигли 5 106 талеров, а остаток король хотел пожертвовать из собственных средств. Казалось, что строительство подошло к своему осуществлению.

Неудачные переговоры короля с епископами ряда провинций, его недостаточная решимость, а потом и болезнь, помешали выполнению и этого плана. Приступивший в 1857 году к правлению принц-регент Вильгельм приказал воздержаться от строительства всяких памятных объектов, что относилось и к павильону. В 1859 году средства, собранные для сооружения последнего и достигшие 5 785 талеров, были распределены, причём евангелической Пруссии выпала сумма в 1 775 талеров. Через много лет эта сумма, возросшая благодаря процентам до 18 472 марок, была предоставлена Пиллаускому церковному приходу.

Уже изготовленная статуя св. Адальберта была установлена у входной двери кирхи в Фишхаузене».

Ещё в ранние годы, 5 мая 1431 года римский папа Евгений IV призвал свою папству к паломничеству к каноническому месту гибели св. Войцеха-Адальберта. Это место патронировалось высшим руководством Тевтонского ордена, посещалось сановниками католической церкви. В 1518 году здесь побывал архиепископ гнезненский (в обществе последнего магистра Альбрехта фон Бранденбург).

*Дополнения из работы «Тенкиттен: что, где, когда?» Виктора Ивановича Болучевского.

«Папа римский призвал весь христианский мир к жертвованиям на содержание церкви св. Адальберта и предоставил ей право отпущения грехов для 16 праздников на сто дней, что было весьма привлекательным. Эти места стали посещать тысячи пилигримов, большей части из Польши. В 1437 году епископ краковский сообщил магистру ордена Паулю фон Русдорфу о своём прибытии

сюда со свитой. Ежегодно праздновался Михайлов день, с освещением и процессией около церкви. В связи с этим, 28 сентября 1463 года случилось, что магистр Людвиг фон Эрлихсхаузен, принимавший участие в празднестве вместе с епископом Замланда Николаусом и семью комтурами из Лифляндии, едва не стал жертвой нападения поляков. Они выбрали этот день для нападения, поскольку ожидали тогда особенно богатой добычи. Магистру удалось бежать на лошади епископа (по другой версии, пешком), а его повозка была «с радостью» захвачена поляками. Последние магистры достаточно благожелательно относились к церкви св. Адальберта. В 1487 году Мартин Трухзес Ветцехаузен взял на себя патронат над нею.

О жертвованиях церкви сообщает Хенненбергер: «Во времена Генриха фон Рихтенберга, магистра, – пишет Пауль Польш, – был знатный, важный, разумный и красноречивый муж Хаусс комтуром в Кёнигсберге. Затем господин Эрхард фон Райтценштейн стал ландмаршалом и в течении 14 лет вынашивал замысел железной стрелы. Это ему, наконец, удалось в Гуммене. Ту стрелу комтур Хаусс хвалил в церкви св. Адальберта, а также туда жертвовал, и на серебряных цепях образ святого Адальберта повесил рядом с серебряным щитком, на котором его герб, ко многим висящим свидетельствам чуда. То ещё было в 1524 году, и было видно каждому пришедшему туда человеку, и ныне ещё там». Во времена своего расцвета паломничество являлось главным фактором, обеспечивавшим посещаемость и доходы церкви св. Адальберта. С этим, в частности, было связано увеличение штата священнослужителей в 1422 году. Всё, что жертвовалось, принадлежало поровну проповедникам и бернштайнмейстеру, пребывавшему в Лохштедте и стремившемуся контролировать финансовые дела церкви, поскольку он должен был использовать свою часть пожертвованных средств на церковные нужды. Проповедники получали по 12 марок в год и имели жалованную грамоту на рыбную ловлю, право свободной заготовки дров, несколько моргенов лугов, несколько хуфов земли для возделывания зерновых культур. Кроме того, бернштайнмейстер ежегодно жаловал и несколько бочек соли».

После превращения в 1525 году орденового государства в Пруссии в протестантское герцогство поток паломников несколько ослабел (и прекратилось вплоть до конца XVIII века). Капелла поменяла своё имя (посвящение) на кирху Санкт-Альбрехт (в честь покровителя первого герцога Пруссии). Так стала именоваться и приходская деревня, будущий посёлок Тенкиттен – Береговое – Такитинно. Правда, национальный святой Восточной Пруссии никогда не забывался местными жителями, и окрестности посёлка Тенкиттен в Новое и Новейшее время всегда изобиловали пилигримами и просто туристами, полюбившими эти живописные места.

В первой половине XIII века микрорегион Витландсорт стал тем щитом, о который разбивалась крестоносная экспансия, направленная на Самбию. Вице-магистр Тевтонского ордена, комтур замка Христбург Генрих Штанге вместе со своим братом Германом возглавил войско, высадившееся на самбийский берег именно у городища Лаукстете (будущий замок Лохштедт) зимой 1252 года.

Перейдя вал Гардине и разоряя местные селения – очевидно, разгрому подверглось расположенное севернее Гардине городище Дарген (район посёлка Лунино), – воинство Генриха Штанге было разгромлено у городища Гримава (район посёлка Русское). Там же в 1253 году сложили свои головы оба упоминавшиеся выше братья-рыцари.

Уже в середине XIX века береговая зона Витландсорта стала излюбленным местом отдыха жителей окрестных городов. Вход на пляж у посёлка Тенкиттен – единственный удобный для округа место выхода к морю – стоил в те далёкие времена 2 прусских гроша.

Для обеспечения безопасности купальщиков в 1866 году в 30 м к юго-западу от креста св. Войцеха-Адальберта была построена небольшая спасательная станция. Сигналы о состоянии морской волны, о её безопасном или же опасном характере вывешивались на специальной мачте, возвышавшейся на пляже к северу от креста.

Длительное время, чтобы измерить расстояние до нужной цели, применялись дальномерные шкалы на биноклях и оптических прицелах. Такой способ был далеко не идеален, при своей простоте, он давал не надежные и не точные сведения, к тому же наблюдатель должен был знать точные размеры ориентира, что, например, в чистом поле или в открытом море, было далеко не легким условием.

Выходом из таких ситуаций стал дальномер. В военном деле незаменим, он необходим для точного определения расстояния от наблюдателя до объекта измерения.

Обо всём по порядку... Начнём с некоторых исторических сведений.

Идеи о размещении подвижных артиллерийских систем на железнодорожных платформах (транспортёрах) возникли почти сразу после появления первых железных дорог. И нужно заметить, что русские инженеры были в числе тех, кто первыми выдвинул такие предложения.

В 1847 году инженер-капитан русской армии Густав Кори разработал проект крепости с использованием орудий на тележках, передвигающихся от одной позиции к другой по рельсовым путям.

В 1855 году, во время Крымской войны, русский инженер Н. Репин (в некоторых публикациях его причисляют к купеческому сословию) представил в Морское министерство «Проект о движении батарей паровозами на рельсах».

В 1857 году, во время прокладки первой железной дороги в России между Санкт-Петербургом и Царским Селом, вышел в свет на русском и французском языках труд русского военного инженера П. Лебедева, который назывался «Применение железных дорог к защите материка». Автор его предложил пустить по параллельным железнодорожным путям, проложенным вдоль побережья и защищенным со стороны моря каменной стеной, артиллерийские установки на специальных платформах. По одному пути — пушки, другому — мортиры. Лебедев предложил и тактические решения по обеспечению обороны побережья с помощью железнодорожной артиллерии.

Перенесёмся в XX век, когда международная военно-политическая обстановка в 20–30-е годы прошлого века заставляла руководство стран обращать серьезное внимание на укрепление собственных протяжённых морских границ.

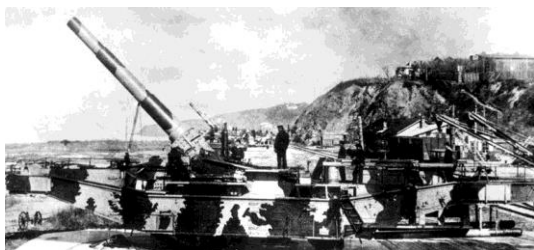
Советская Россия испытывала большой недостаток военных кораблей, и поэтому вопросы укрепления береговой обороны приобретали особо важное значение. Для организации работ по совершенствованию береговой обороны была создана специальная группа.

«Создателем российской морской артиллерии», по существу, ее родоначальником в России, является русский инженер А. Г. Дукельский, который входит в один ряд с военными инженерами, совершенствующими железнодорожную артиллерию, многих стран – Круппом, Армстронгом и Виккерсом...

Морские железнодорожные артиллерийские установки с полным основанием можно назвать сухопутными линкорами или близкими родственниками могучих морских дредноутов. Береговая оборона превратилась в полноправный род военно-морских сил.

Тяжелая железнодорожная батарея — это не только артиллерийские транспортеры как носители мощных морских орудий. Чтобы привести в действие это грозное оружие, обеспечить его передислокацию на театре военных действий, снабдить боеприпасами, защитить от противника, отремонтировать и пр., нужно было иметь специально созданную инфраструктуру: комплекс вспомогательной техники, вагоны-казармы, вагоны-камбузы, вагоны-склады, вагоны управления огнем, вагоны-штабы и т. д. И самое главное — необходимы были десятки и сотни батарейцев для укомплектования боевых расчетов, командиров и рядовых.

Железнодорожные артиллерийские транспортеры обладали многими преимуществами перед стационарными батареями: высокой маневренностью и автономностью, способностью довольно быстро менять позицию, перемещаться на значительные, практически любые, расстояния, быть неуловимыми. Первоначально предназначенные для стрельбы главным образом по морским целям, в боевых действиях они были использованы для поражения целей наземных. Установки вобрали в себя все лучшее, что до них было создано в корабельной артиллерии.

Транспортеры могли вести исключительно точный огонь как с «открытых», так и с «полузакрытых» и «закрытых» позиций. При этом у железнодорожных артиллерийских установок был серьезный недостаток — сложность горизонтального наведения на цель при стрельбе с пути. Обеспечить большой угол горизонтального наведения можно было двумя способами.

Один из способов — заблаговременное оборудование в местах наиболее вероятного ведения транспортерами огня стационарных боевых позиций, включавших в себя основные и запасные пути, они в нужном месте разветвлялись от основной железнодорожной линии, а затем снова соединялись в одну «нитку», и также специальные бетонные площадки (основания). Такие огневые позиции для артустановок во второй половине 30-х годов были оборудованы в наиболее выгодных точках Балтийского побережья.

При оборудовании стационарных боевых позиций для железнодорожных артустановок был сооружен и укрепленный командный пункт батареи. Он представлял собой мощную, заглубленную в землю бутобетонную одноэтажную постройку. Здесь было помещение, где размещался командный состав батареи, стояли столы с картами, приборы определения дистанции и другие электротехнические приспособления для ведения огня. Помещение увенчивалось бетонной башенкой со смотровыми щелями для наблюдения. В башню вела лестница. Там стоял дальномер и приборы центральной наводки и работал управляющий огнем батареи. Данные о цели передавались по кабелю в центральный пост батареи, размещенный в специальном вагоне.

Отечественные военные инженеры с успехом устранили недостаток железнодорожных артиллерийских транспортеров в сложности наведения на цель при отсутствии специально подготовленных железнодорожных путей. При создании 180-мм морской артиллерийской железнодорожной установки ТМ-І-180, оснастив ее вращающейся башней и тем самым обеспечив ей возможность вести круговой обстрел с любой точки пути без подготовки. Этот транспортер является настоящим шедевром мировой артиллерии. Разработка конструкции 180-мм железнодорожной артустановки была осуществлена в 1930–1931 годах.

В первых числах января 1945 года три возвратившихся из финского плена 305-мм морских железнодорожных артиллерийских установки ТМ-ІІІ-12 прибыли на станцию Пионерская, расположенную на северо-западной окраине Ленинграда.

В соответствии с директивой Главного штаба Военно-Морского Флота СССР от 2 февраля 1945 г. на основе этих многострадальных орудий в Лебяжьем было начато формирование новой батареи как военного организма. Теперь 305-мм транспортеры ТМ-III-12 бывшей 9-й батареи, подорвавшейся в конце 1941 года и находившейся в плену у финнов, начинали новую жизнь в составе отдельной железнодорожной артиллерийской

батареи.

Отдельная железнодорожная артиллерийская батарея была официально сформирована в соответствии с Директивой № 10М/180с от 7 февраля 1945 г. приказом командующего Краснознаменным Балтийским Флотом № 0156 от 24 марта 1945 года. Обустроить батарею начали летом того же года в бывшей Восточной Пруссии.

В соответствии с приказом НК ВМФ СССР от 25 февраля 1946 г. № 0017/ОВ о разделе Краснознаменного Балтийского флота на Северо-Балтийский флот и Юго-Балтийский флот приказом командующего ЮБФ от 26 марта 1946 года № 0021 батарея вошла в состав Юго-Балтийского флота. В соответствии с приказом МВС СССР от 17 января 1947 г. № 001 Северо-Балтийский флот переименован в 8-й Военно-Морской флот. Юго-Балтийский флот стал именоваться 4-й ВМФ.

С 26 марта 1947 года батарея на основании циркуляра Главного Морского Штаба включена в состав полка береговой обороны КВМК (Кронштадтской военно-морской крепости) и дислоцирована на «объекте 100» — на самой западной части советского побережья Балтийского моря, на ВМБ в г. Балтийске (бывший Пиллау). Если быть более точным, то огневая позиция батареи размещалась в районе поселка Мечниково (бывший Нойхойзер).

Июнь 1947 года стал для батареи праздничным. Транспортеры ТМ-III-12 перебазировали в Палдиски, на военно-морскую базу Краснознаменного Балтийского флота под Таллином. Здесь был проведен «отстрел» — учебные стрельбы. Они были первыми после окончания Великой Отечественной войны. Из Палдиски 9 июня 1948 года батарея возвратилась на объект «100».

В 1953 году от Балтийска до Лиепая была построена сеть башен – дальномеров, для корректировки орудий артиллерийского морского железнодорожного дивизиона.

В пределах километра от каждой вышки должна быть позиция железнодорожной либо стационарной батареи. В комплекс входили два основных и два запасных ж/д-пути, три бетонных основания, расположенных в шахматном порядке на расстоянии 100 м друг от друга и железобетонная постоянная вышка высотой 28,6 м для размещения батарейного поста. Бетонные позиции батарей строили на таком расстоянии от моря, что бы, они не просматривались с кораблей.

В феврале — марте 1954 года дивизион совершил марш-переход по маршруту: «объект 100» — Ленинград — Псков — Резекне — Даугавпилс — Советск — Калининград — Балтийск, и «был введен в боевое ядро» Главной базы 4-го ВМФ.

В 1955 году дивизион был допущен к проведению состязательной стрельбы на первенство флота и занял первое место по стрельбам в Береговой обороне Главной базы 4-го ВМФ. Артиллерийская железнодорожная установка № 1 одним эшелоном совершила марш-маневр с постоянной огневой позиции в поселке Мечниково в Ленинград, (на ст. Ржевка) по маршруту: Калининград — Вильнюс — Минск — Орша — Витебск — Дно — Ленинград...

Это был последний боевой поход транспортера!

25 марта 1955 года артустановки ТМ-III-12 стали именоваться 159-м отдельным гвардейским железнодорожным артиллерийским дивизионом. 18 марта 1957 года они вошли в состав 300 отдельной артиллерийской бригады (ОАБр) ВМБ, приписанной к Балтийску.

Еще трижды они прошли ремонт. В апреле 1956 года на заводе № 52 в Кронштадте и в марте 1957 года — на калининградском заводе № 69 АУ КБФ. 25 июня 1958 года дивизион передислоцирован с позиции Мечниково в поселок Лебяжье Ленинградской области «для производства ремонта силами госпромышленности».

В 1,2 км юго-западнее поселка Берегового, так называемой, достопримечательностью места является командный пункт с дальномером 489-го гвардейского артиллерийского морского железнодорожного дивизиона (ТМ-I-180). «Это не только дальномер. Это Командный Пункт. Я имел честь служить в нем с марта 1958 по декабрь 1959 года в качестве командира взвода управления. В моем подчинении находились: центральный пост

(система ПУС "Баррикада", 12-ти метровый дальномер, прожектор в поселке Мечниково, два выносных поста с артиллерийскими разведчиками, отделение топовычислителей — всего 43 матроса и сержанта. Вооружение дивизиона: четыре железнодорожных транспортера 180-го калибра, РТС "ЗАЛП-Б", две 37-ти мм зенитные установки, паровоз и тепловоз.

В июне 1959 года дивизион своим ходом ушел на ремонт в Ленинград и был там расформирован. Один транспортер и сейчас стоит на форте "Красная горка" как музейный экспонат. Последним командиром был майор Дунаев Николай Алексеевич», – комментирует Хозиев Борис Ильич, капитан 1-го ранга в отставке.

Однако ничто не вечно в системах вооружения. Тяжелые железнодорожные транспортеры, которые, казалось бы, совсем еще недавно представляли собой высший уровень технического и военного совершенства, переместились в категорию ветеранов традиционной отечественной артиллерии. Им на смену приходили ракеты. Но опыт создания и применения в боевой обстановке «сухопутных линкоров» был с успехом использован при создании нового оружия. Многие свои уникальные свойства железнодорожные артиллерийские транспортеры первой половины XX века передали, в частности, нынешним стратегическим ракетным комплексам мобильного базирования «Тополь М» и боевым железнодорожным ракетным комплексам «Скальпель»...

Пропел последний горн и для 305-мм морских артиллерийских железнодорожных установок ТМ-III-12. В соответствии с Законом «О новом значительном сокращении Вооруженных Сил СССР» от 15 января 1960 года 159-й отдельный железнодорожный артиллерийский дивизион 300-й отдельной артиллерийской бригады ВМБ Балтийск КБФ 14 февраля 1961 года был расформирован. 5 мая 1961 года после ремонта на Обуховском сталелитейном заводе железнодорожные артсистемы были переведены на объект «100» для проведения консервации.

«25.09.1961 г. консервация закончена. 10.1961 материальная часть переведена с объекта 100 на Красную Горку на склад 2777».

В 2001 году ценой невероятных усилий музейных работников артустановка была спасена со склада на Красной Горке, где ее уже планировали пустить на металл и установлена в парке техники на Поклонной Горе. 305-мм морская артиллерийская железнодорожная артустановка ТМ-III-12 стала особым экспонатом Центрального музея Великой Отечественной войны 1941–1945 гг.

В 1953 году дальномеров в районе посёлка Мечникова было два, а потом одну башню взорвали после расформирования артиллерийской бригады, а вторая башня – Дальномер в Береговом так и стоит.

В Балтийске памятником артиллерийской установки служит башня наблюдательного пункта, установленная на Набережной, уже после войны на немецком железобетонном ДОТе с бронеколпаком и подземным командным пунктом, который стал фундаментом советского дальномера. Есть множество фотоснимков весны 1945 года, на которых видна белая надпись, сделанная по немецкому бронеколпаку: «Слава советским пулемётчикам!».

Было бы интересно восстановить Дальномер на Морском бульваре и сделать из него смотровую площадку.

По материалам работ Брагина В. И. «Пушки на рельсах», Михайлова В. С. «Стратегический “Молодец”». История железнодорожных ракетных комплексов», сайтов Центрального музея Великой Отечественной войны 1941 – 1945 гг. и «Железнодорожные орудия Советского Союза»

http://militera.lib.ru/tw/bragin_vi/10.html

<https://military.wikireading.ru/91047>

<https://wwii.space/zheleznodorozhnyie-orudiya-sssr/>

23. Вилла «Розенталь»

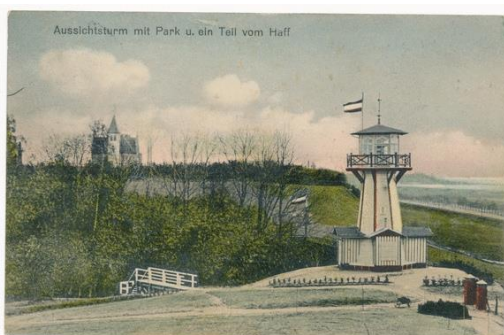
В качестве исходного пункта туристического маршрута Фишхаузен – Пиллау пользовался особой репутацией «Вилла Розенталь», расположенная в большом парке на одноимённом холме. Она была обязана своим появлением значительному движению экипажей и перевозке товаров во время Крымской войны, в 1856 году. Именно здесь стали проходить торговые пути в Европу.

Благодаря трудам своего владельца, гостиный двор Розенталь превратился со временем в настоящую достопримечательность. Этому способствовало её на редкость прекрасное расположение в живописной местности. Изумительный вид открывается с высокого берега на роскошную, окаймленную лесами, поверхность Фришес Хафф. Теперь уже можно только себе представить, насколько залив был прекрасен, когда три крепости – Фишхаузен, Лохштедт и Бальга – украшали бухту своими крепостными стенами и башнями. Воспевающий в своем творчестве восточно-прусский рай Раппольт описывает Розенпуш – историческое его название было Розенпуш, а потом Розенталь (от названия гостиного двора) – молодой лес, где имелся старый шанец, заросший кустарником, орешником, диким хмелем и розами.

Фишхаузенский дьякон Шеффер в 1797 году описывает эту местность: «Если отправляешься в Розенпуш, то после долгого пути в чаще почти без видимости вдруг выходишь на великолепную возвышенность, перед тобой на много миль поверхность залива, где отражается каждое облако. До чего же хорошо здесь бывает тихими летними вечерами. Также следует отметить, что розенпушская местность рождает многочисленные лечебные травы, без которых не обходится ни одна аптека».

Флора Розенталя была чрезвычайно богатой, здесь встречались редкие растения. Да и сегодня растительность этих мест привлекательна для ботаника... Любопытна попытка одного любителя акклиматизировать здесь дрок, которая оказалась неудачной.

На холме стояла довольно высокая смотровая вышка, ранее служившая в Пиллау в качестве лоцманской. Правда, она несколько портила прекрасный пейзаж и явно не украшает эту местность.

Весь холм, от Розентальского оврага до западной впадины, был когда-то военным укреплением древних пруссов и что, возможно, именно здесь был подвергнут жестоким пыткам Святой Адальберт... В документах Ордена холм Розенталь именуется как «Terra defensio» («защищаемая земля»).

Соседний лес Розенбуш имел площадь, равную 1 хуфу 20 моргенам, и был собственностью монархов. Лес всегда пользовался популярностью. Здесь, например, очень часто и с удовольствием бывал Симон Дах, любивший отдыхать в Фишхаузене и совершать прогулки в Розенпуш. Его творчество было связано с этим местом.

Но в первой половине XIX века Розенбуш вырубил жители деревни Тенкиттен...

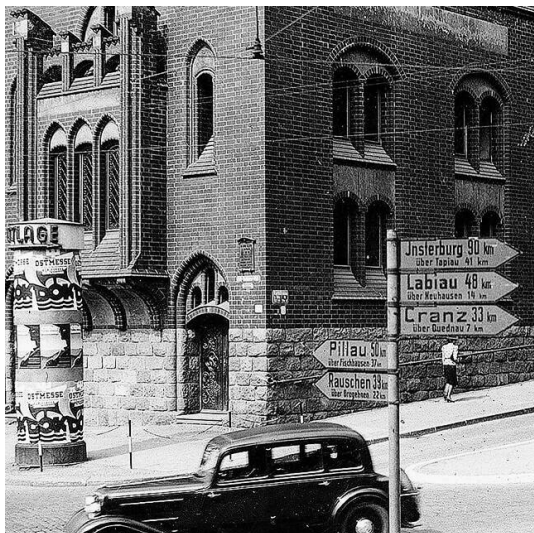
Количество зимних гостей Розенталя намного увеличилось, когда на холме была сооружена трасса для катания на санях. Жители Кёнигсберга бывали здесь и занимались буерным спортом (парусные сани) на льду залива.

По материалам исследований Оскара Шлихта.

III.

24. Фишхаузен в качестве районного центра.

Выбор Фишхаузена в качестве районного центра был одобрен не очень охотно из-за его отдалённости. Возникали пожелания другого районного центра. Подобное предложение поступало и от самого ландрата, но оно было отклонено правительством. Железнодорожное сообщение, появившееся позднее, компенсировало, в сущности, недостатки местоположения Фишхаузена, хотя поездка от Пилькоппена (ныне п. Морское на Куршской косе) или от не существующего ныне Гренцхаузена (хутор лесничества на Куршской косе) – конечных пунктов

района – до районного центра занимала более одного дня.

Положение Фишхаузена в качестве районного центра играло для него важную роль, так как он, благодаря этому, являлся сосредоточием всех главных интересов района, без чего потерял бы всякое значение.

Район является государственной административной единицей и, одновременно, связующим звеном в делах самоуправления. Нижестоящими органами самоуправления являлись магистры, сельские общины и союзы землевладельцев. Сельские общины всегда находились под контролем помещиков, и лишь в конце XIX века получил относительную самостоятельность.

В ведении ландратов теперь были школьное образование, церковные дела, здравоохранение, строительство, запись актов гражданского состояния, кадастровая и налоговая службы. Менее значительными, но всё же имевшими большое влияние на развитие района Фишхаузен, являлись вопросы, по которым принимал решения и которые контролировал крейстаг (районное собрание депутатов). Он обычно состоял из 13 депутатов от крупных землевладельцев, 12 депутатов от сельских общин и 5 городских представителей (трое из них были от Пиллау и двое – от Фишхаузена).

После революции 1918 года состав крейстага существенно изменился. Теперь в нём было гораздо меньше представителей от крупных землевладельцев (четверо из 30 депутатов). В крейстаг входили 8 депутатов от мелких землевладельцев, 3 депутата от сельскохозяйственных рабочих и ещё 10 депутатов, представлявших других сельских жителей. Города были представлены своими бургомистрами и тремя депутатами.

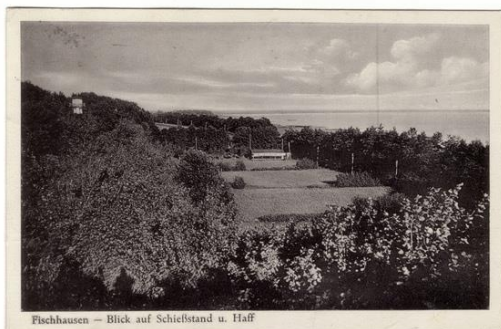
Исполнение решений крейстага являлось обязанностью районного комитета из семи человек под председательством ландрата.

К задачам районного самоуправления в первую очередь относилось дорожное строительство. В 1919 году в районе было 267 км шоссе первого класса, он занимал по этому показателю первое место в Восточной Пруссии. Районное самоуправление принимало участие в дренажных обществах, в товариществах по орошению полей и в поддержке стариков и инвалидов.

Район имел несколько так называемых общественно полезных заведений. Из них в первую очередь следует назвать районный дом для престарелых, находившийся в Фишхаузене и рассчитанный на 30 – 50 человек. В районе существовали также сиротский приют для девочек в Фишхаузене, сиротский приют для мальчиков в Побетен (ныне Романово), Дом императрицы Августы Виктории в Нойкурене (Пионерский) и морская детская лечебница в Лохштедте.

Район не имел собственной больницы. Места для больных предоставляла Больница Милосердия в Кёнигсберге, получавшая за это от района ежегодно определённую сумму. В 1909 году в Фишхаузене была открыта сельскохозяйственная зимняя школа (о становлении сельскохозяйственного образования в Восточной Пруссии подробно описано в статье старшего научного сотрудника Калининградского областного историко-художественного музея В. В. Чернышевой, которую мы приводили на нашей странице, работа в Гвардейском городском округе). Наряду с обучением молодых сельских жителей района здесь проводили курсы рыболовства. Была создана передвижная библиотека, имевшая больше значение для небольших сельских библиотек (их в районе было больше ста).

Успешно развивалась, открывшаяся 1 января 1857 года районная сберегательная касса. Ещё в 1851 году впервые велись переговоры об её создании, но лишь в 1855 году дело дошло до осуществления плана. За первый год вклады составили 475 талеров, в 1877 году они составили 32 433 марок, а в 1905 году поднялись уже до 625 871 марок. К концу 1918 года вклады достигли 3 373 153 марок,

приходившиеся на 6 998 сберегательных книжек. В годы Первой мировой войны районная сберегательная касса получила право банка, а денежный оборот 1917 года только в приходе составил 13 179 400 марок.

Хотя остатки средств районной сберегательной кассы использовались чаще всего на образование необходимого резервного фонда, всё же из них было передано к 1920 году более 63 тысячи марок на общественно полезные цели.

Первая мировая война нанесла району большой ущерб. Утекли огромные средства. Например, на помощь семьям фронтовиков до конца 1918 года район выделил почти семь миллионов марок. 410 вдов и 1100 сирот потеряли из-за войны своих кормильцев. В одном городе Фишхаузен погибло на фронте и умерло от ран свыше 100 человек.

Свою роль сыграли напряжённые поставки фронту и тылу сельскохозяйственной продукции, которые, конечно, не могли оказывать положительного влияния на экономику района. Здешнее население ещё и принимало нуждающихся детей, прибывавших из крупных городов, чаще всего – из Берлина, Эссена и Дуйсбурга. Только в 1918 году было принято на попечение на многие месяцы 849 детей. Во второй половине войны в стране начался голод. Инфляция приводила жителей к полному разорению.

Из бывших ландратов района (в разные годы) во время Первой мировой войны приобрели известность фон Вальдов, как руководитель службы военного продовольственного снабжения и граф фон Кайзерлинг, как руководитель гражданской администрации балтийских провинций и Литвы. Деятельность в качестве руководителя службы военного продовольственного снабжения бывшего обер-президента фон Батоцки, проживавшего в районе, также была довольно значительной.

С 1907 года власти района совместно помещались в новом большом здании (в «районном доме»), построенном в городе Фишхаузен на средства в четверть миллиона марок.

Район Фишхаузен до 1939 года входил в состав Кёнигсбергского административного округа, а потом стал частью района Замланд.

Население жителей Фишхаузен в XVIII – XIX веках увеличивалось естественным образом, что происходило из-за превышения рождаемости над смертностью. Внешние факторы не оказывали на это заметного влияния. Однако в самом конце XIX века население начало уменьшаться, что объясняется увеличением его миграции в поисках лучших условий существования, особенно в крупные города.

Например, в 1768 году количество жителей Фишхаузена составляло 876, в 1869 году – 2431, в 1905 году – 2744, а в 1910 году – 2615.

Сказалось и влияние войны: 8 октября 1919 года численность населения составляла 2568 человек, в том числе 1157 мужчин и 1411 женщин. Сюда относились и 165 жителей домена. Почти 100% жителей города исповедовали лютеранство.

В дальнейшем, несмотря на послевоенные неурядицы, население города постепенно увеличилось и даже превысило свой прежний максимум: в 1930 году оно достигло 3560, а в 1939 году – 3879 человек.

В 1810 году здесь было 134 жилых дома, вместе с девятью, служившими для общественных целей, и с четырьмя, использовавшимися ремесленниками, а также 163 хлева и сарая, в 1871 году – 172 жилых дома с 543 хозяйственными постройками, в 1905 году – 205 жилых домов с 667 хозяйственными постройками.

Местность поблизости от Фишхаузена пользовалась отличной репутацией с точки зрения отдыха и оздоровления. Этому способствовали её положение между морем и заливом, наличие лесов и удобные транспортные связи города с Кёнигсбергом и с курортами Замланда.

Но выгодное положение Фишхаузена само по себе не могло способствовать расцвету города, так как нехватка земельных площадей, с одной стороны, и близость Кёнигсберга, с другой стороны, препятствовали строительству предприятий и, отсюда, развитию промышленного производства и товарооборота. Земледелие, рыбная ловля и пивоварение до середины XIX века являлись почти единственными трудовыми отраслями, промышленные предприятия отсутствовали. А ремесло имело ограниченные размеры.

Подъём к лучшему принесла Крымская война (1853 – 1856 гг.), когда из-за английской блокады русских балтийских портов Россия была вынуждена осуществлять свой импорт и экспорт через Пруссию, в том числе через Пиллау, причём грузы доставлялись туда и в обратную сторону гужевым транспортом с участием жителей Фишхаузена.

На это время выпало начало торговли здесь собственным зерном, чему способствовал коммерческий советник Зелльник. Благодаря его же действиям, в 1837 году право на добычу янтаря перешло от генерального арендатора к отдельным прибрежным деревням, которые вследствие этого улучшили своё благосостояние.

По завершении строительства железной дороги Кёнигсберг – Пиллау торговля зерном быстро прекратилась, но затем, в семидесятые годы XIX века, благодаря перевозке с перевалкой леса и угля для рудника в Пальмникене, снова достигла определённой кульминации. С открытием в 1884 году железной дороги Фишхаузен – Пальмникен (Приморск – Янтарный) торговля зерном опять

заглохла.

На примере Фишхаузена можно убедиться в том, что наличие удобных транспортных коммуникаций зачастую не способствует экономическому развитию малых городов: бывает выгоднее привозить товары из других населённых пунктов, чем производить из самим.

Зажиточные бюргеры Фишхаузена постоянно занимались земледелием на городских земельных угодьях, которые в 1798 году состояли из 1761 моргена (1 морген=0,25 га) возделанной пашни. В том же году посев составил: 656 шеффелей (старинная мера объёма сыпучих тел, 1 шеффель=около 55 л) ячменя, 628 шеффелей ржи, 504 шеффелей овса. Предпочтение, оказанное

ячменю, было связано с пивоварением. Поголовье скота горожан в 1810 году составляло: 230 лошадей, 215 голов крупного рогатого скота, 332 свиньи, 87 овец. Но потом масштабы земледелия и скотоводства в городе намного уменьшились. Пашни зажиточным горожанами были большей частью распроданы, городские земли отданы в аренду, за исключением садов. Сельскохозяйственный характер домена, однако, практически сохранился.

Рыбный промысел с давних пор имел особое значение для обеспечения продуктами питания жителей Фишхаузена, но в XIX – XX веках это занятие претерпело значительный спад.

В привилегии от 1305 года горожанам была пожалована свобода рыболовства в заливе до Меденауского ручья определёнными сетями наряду с ловлей рыбы для епископских нужд. Однако орден вскоре гарантировал для себя совместное использование вод до леса Пайзе, тогда как западная сторона бухты осталась за Лохштедтом.

Эти границы рыбного промысла никогда не соблюдались и постоянно были причиной раздоров между сторонами, наделёнными правом на него. Однако не только ловля, но и продажа рыбы давала повод для этого. Так, в 1719 году кёнигсбергские рыбаки жаловались на рыбаков Фишхаузена за то, что те привозили свою рыбу в Кёнигсберг на рынок и сбивали цены.

Со стороны амта Фишхаузен рыбный промысел, особенно сетевой зимний и прудовой, постоянно находил поддержку, но не обеспечил особой выгоды. Например, согласно рыбным счетам амта от 1621 года, за 8 лет доходы составили 1565 талеров, а расходы – 2974 талера.

Эти высокие издержки произошли за счёт жалования рыбаков и приобретения сетей, но главным образом – из-за искусственного выращивания мальков рыб, в особенности карпов.

www.Bildarchiv-Ostpreussen.de 013937
Tenkitten, Kreis Samland, MT12085-4. Brandung. (1925-1939), © Franz Neumann, Fischhausen

число рыбаков резко сократилось.

Едва ли не меньшее значение для города по сравнению с рыбным промыслом имела привилегия на пивоварение. В 1566 году Альбрехт распорядился, чтобы вокруг города в радиусе полумили не закладывались трактиры. При курфюрстах привилегии на пивоварение была обновлена для увеличения налоговых возможностей для Фишхаузена.

Но так как и замок обладал правом на пивоварение, дело дошло до непрерывных трений по поводу сбыта пива. Места продажи замком пива в разлив в слободе были для городских пивоваров, как бельмо на глазу. В начале XVII века там имелось пять таких трактиров, в том числе «Мартовский погребок», где продавал пиво в разлив амтский вахмистр.

Жителям слободы было даже запрещено покупать себе пиво в городе, поэтому можно рассматривать как любезность то, что «Мартовский погребок» обязали ежегодно продавать в разлив лишь три бочки амтского пива, а остальное пиво брать у городских пивоваров. Было тщетным их прошение от 1618 года, где они исходили из того, что «амт вообще не может устраивать продажу пива в разлив в слободе».

Совсем иначе была регламентирована торговля пивом в окрестностях. Так, городские пивовары снабжали им и «шанцы в Пиллау», а в 1645 году жаловались курфюрсту на то, что «хайлигенбайльцы» тоже поставляли туда пиво.

Пивной налог в течении столетий являлся главным источником доходов города. Этот налог был обязан своим появлением нужде ордена в деньгах. Орден ввёл его в Замланде в 1457 году: поступления распределялись между орденом, епископом и городом.

В 1645 году курфюрст Фридрих Вильгельм отменил пивной налог, король Фридрих I заменил его питейным налогом, который его наследник в 1724 году полностью передал государству. Налог составлял 30 грошей на каждую бочку пива, сваренную из двух шеффелей, и 6 грошей – на каждый шеффель шрота.

Была создана городская питейная налоговая коллегия, состоявшая из акцизного инспектора, одного члена магистрата и двух пивоваров; цены на пиво устанавливались согласно ценам на ячмень.

О фишхаузенском пиве говорили, что оно имело большие осадки, почему народная молва дала ему прозвище «Schleppenkittel» («волоочащийся халат», «халат со шлейфом»).

Основой права на пивоварение были земельные участки зажиточных горожан, и количество наделённых таким правом жителей при короле Фридрихе I достигло 40. Но за следующие полтора века оно резко сократилось. В 1875 году в Фишхаузене было всего три пивоварни. Они вырабатывали светлое пиво и при этом достигали существенного сбыта. Однако вскоре светлое пиво было вытеснено пивом, сваренным на баварский лад новым большим пивоваренным заводом. Намного уменьшилось и количество мест продажи пива в разлив.

Жители города веками занимались мукомольным делом и производством кирпичей. Мукомольное дело играло особую роль в истории города, а водяная «мельница при замке Шоневик» была единственным предприятием, ережившим века. Она принадлежала Ордену, но после 1297 года епископ также стал претендовать на доходы с неё. В 1306 году мельница была продана какому-то Герману, однако затем была возвращена. Позднее она была отдана в

наследственную аренду при условии, что арендатору причитались две трети, а Ордену – третья часть доходов. Но потом это условие заменили твёрдой арендной платой. Было предписано, чтобы не мололи по 16 праздникам. При Великом курфюрсте годовой арендный сбор с мельницы составлял 2 ластва зерна и 3 ластва соода вместе с откормом 8 свиней.

При короле Фридрихе Вильгельме I все мельницы страны находились в подчинении обер-инспектору по помолам; они были переданы генеральному арендатору, который отдал их в субаренду. Но так как расходы на поддержание мельниц оставались за государством, то, с целью освободить его от этой обязанности, их в 1751 году отдали в наследственную аренду.

Поскольку и это оказалось не целесообразным, они были наконец совсем проданы, и на этом потеряло силу мельничное право, просуществовавшее почти 500 лет.

В XIX фишхаузенская водяная мельница была переделана в паровую. Кроме неё, в городе имелась ещё одна паровая мельница.

В 1358 году упоминалась ветренная мельница, стоявшая перед воротами Фишхаузена, в канун 1575 года – две мельницы, в 1781 году – снова только одна, а в 1828 году – голландская ветряная

мукомольная мельница, конная мельница и три мельницы для измельчения коры. В 1865 году в Фишхаузене существовало три ветряные мельницы, одна из которых из-за своих пяти крыльев казалась особенно примечательной.

С XIX века здесь было два кирпичных завода. В XVIII веке упоминалась стоявший перед замком сарай, где производился обжиг кирпичей на четырёх печах, дрова для которых поставляли крестьяне королевских деревень.

В XIX веке в городе появилась паровая лесопилка.

В Фишхаузене не нашла большого интереса переработка янтаря, этого исконного продукта

морского побережья, хотя были мечты о создании промышленного предприятия, которое могло бы производить из него изделия на уровне искусства.

Ремесленники Фишхаузена, в том числе сапожники и портные, гончары и кузнецы, бондари и столяры, были объединены в цехи, при необходимости мужественно заступавшиеся за своих членов. Так, в 1618 году сапожники жаловались курфюрсту на то, что в Гермау, в других деревнях и на ярмарке в Тиренберге (Дунаевка) осело множество сапожников-бёнгазенов (ремесленников, не состоявших в цехе). Гончары обращались с жалобой на то, что фрауенбуржцы, вопреки правилам, сбывали свой товар в Пиллау и Камстигале, и просили курфюрста, чтобы «чужие, попадавшие туда ремесленники удалялись».

Мясникам, согласно старому обычаю, разрешалось приобретать скот на селе, но, если в Фишхаузене пребывал герцогский двор, ему поставляли местное мясо.

Постепенно совсем исчезли ремёсла суконщиков, кожевников и мыловаров, как и когда-то популярное домашнее ткачество, в процессе которого в Фишхаузене использовалось до 60 ручных ткацких станков.

Представляют интерес некоторые цены, предписанные ремесленниками Фишхаузена в 1640 году. Изготовление большой двуспальной кровати с пологом стоило 20 марок, гроба – 2 марки, кладка печи также стоила 2 марки. Портные, которые были обязаны ходить к заказчикам на дом, оценивали шитьё пиджака в 18 грошей, а брюк – в 12 грошей. Большие рыбацьи сапоги стоили 8 марок. Кожевники могли брать за отделку лосиной шкуры 10 марок, а оленьей шкуры – 5 марок. Скорняки предпочитали шкуры небольших животных; отделка волчьей шкуры стоила 15 грошей.

Продукты питания были тогда тоже очень дешёвы, а двумя столетиями позднее в Кёнигсберге газета «Фишхаузенше ландботе» («Фишхаузенский сельский курьер») отмечала следующие цены: один шеффель пшеницы – 2 талера 10 зильбергрошей (старинная прусская серебряная монета), ржи – 1 талер 6 зильбергрошей 9 пфеннингов, ячменя – 27,5 зильбергроша, овса – 21 зильбергрош, картофеля – 12 зильбергрошей; фунт масла – 7 зильбергрошей, говядины, телятины и баранины – 1 зильбергрош 8 пфеннингов, свинины – 2 зибельгроша 8 пфеннингов.

Дешевизне продуктов питания способствовал рыбак Пипер, которому жители района Фишхаузен в 1847 – 1848 годах доверили депутатство в парламенте Пруссии. Пипер оказался старейшим членом парламента. Та как он был хорошим оратором, товарищи по партии даже посылали его в лекционные поездки в разные места. Этому не помешало то, что политические противники в районе выставляли ему вотум недоверия и хотели доказать, что он становился посмешищем по каждому поводу. Его портрет висел во всех витринах, район купил для него имение Варникен.

В производственной и торговой жизни Фишхаузена наступил застой, причём безо всякой надежды на улучшение в будущем. Деловая жизнь города понесла сильный ущерб из-за ввода в эксплуатацию железных дорог Кёнигсберг – Пиллау и Фишхаузен – Пальмникен.

Не очень удачным с экономической точки зрения объектом оказалась Фишхаузенская районная железная дорога, для строительства которой в 1899 году было создано акционерное общество. Район принял в этом участие, взяв на себя расходы на основные работы и подписавшись на акции в сумме 282 тысячи марок.

Der Kreisbahnhof und das Gelände der Gasanstalt.

Протяжённость районной железной дороги до Мариенхофа (ныне Ново-Переславское) составила 18,6 км, а участок от Фишхаузена до Гаффкена использовался ею совместно с Пальмникенской железной дорогой. Районная железная дорога была сдана в эксплуатацию 1 октября 1900 года. Сначала жители Земланда её не приветствовали из-за тягот,

вызванных строительством. Железная дорога пошла на пользу сравнительно не многим людям, потому что проходила по малолюдному району крупных землевладений. В последний период Первой мировой войны она на некоторое время оказалась особенно ценной для жителей Фишхаузена и Пиллау, так как приняла на себя транспорт на эти города, когда государственная железная дорога была вынуждена предельно ограничить свою работу из-за нехватки угля и вагонов.

С XVIII века в Фишхаузене была почтмейстерская служба, потом появилось почтовое отделение второго класса с агентством в Блудеа (Кострово), Годникене (ныне не существует) и Циммербуде (район Светлого), а в 1855 году – телеграфная связь.

По материалам исследований Оскара Шлихта.

25. Вилла Порр

Красивейшая «Вилла Порр» на окраине города Приморска.

Вилла из 13 комнат построена в первой половине XX века на территории фамильной усадьбы с заложенным в 1870 году уникальным парком принадлежала Антону Порру.

Парк имеет научное значение и ценен наличием интродуцентов и декоративных форм деревьев и кустарников: псевдотсуга белая, дуб красный, липа серебристая, лапина крылоплодная, бархат амурский и другие. Возраст некоторых деревьев достигает

двухсот лет. Буковой аллеи – около 150 лет.

В первой половине XX века Антон Порр вёл заметную предпринимательскую деятельность в Фишхаузене. Он владел кирпичным заводом, работа которого началась ещё до Первой мировой войны, лесопилкой в лагуне, столярными мастерскими, кладочным бизнесом и сельскохозяйственным районом площадью 106 га.

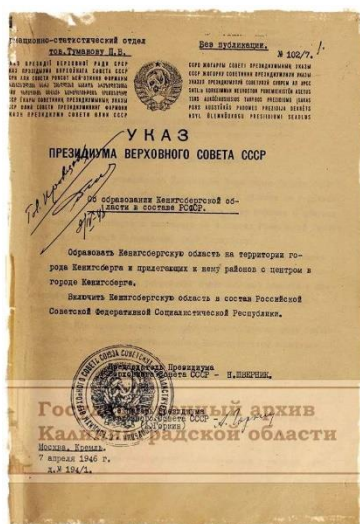
После Второй мировой войны кирпичный завод был снесен. В 1952-2011 годы вилла становится объектом Министерства обороны, здесь располагалось отделение военного госпиталя. В настоящее время здание пустует, ветшает и разрушается.

Постановлением Правительства Калининградской области от 23 марта 2007 года № 132 вилла Порр получила статус объекта культурного наследия регионального значения.

26. ЗАМЛАНДСКИЙ (ПРИМОРСКИЙ) РАЙОН НАКАНУНЕ ПРИБЫТИЯ ПЕРЕСЕЛЕНЦЕВ. (Краткая историческая справка по материалам ГАКО)

Образование района.

Замландский район был образован Указом Президиума Верховного Совета СССР от 7 апреля 1946 г. Он располагался на одноименном полуострове и имел на протяжении 60 км непосредственный выход в Балтийское море. Сухопутная граница Замландского района совпадала с немецким районированием, произведенным ещё в 1913 г. и уточненным в 1928 г.

Образование и переименование района закреплены Указом Президиума Верховного Совета РСФСР от 7 сентября 1946 г. «Об административно-территориальном устройстве Калининградской области». Отныне Замландский район стал именоваться Приморским, центром которого до 25 июля 1947 г. был город Приморск.

Население района на 1 июня 1946 г. составляло 18240 человек. Среди них насчитывалось 1512 человек, прибывших из СССР, 466 советских граждан, подлежащих репатриации, и 16262 немца.

Наследие предшествующего периода.

Несмотря на то, что район занимал внушительную площадь, его экономическая база в немецкий период истории была развита слабо.

В последние годы войны (1942 – 1944) на территории района из хозяйственных объектов работали три лесозавода, три кирпично-черепичных, комбикормовый и двенадцать масло-сыроваренных заводов, семь мельниц, газовый завод, электростанция мощностью 4500 кВт, янтарно-лаковый завод и действовал водопровод.

В Замландском районе была развита дорожная сеть, протяженность которой составляла 273 км, из них 117,4 км имели районное значение, а 129,6 км – сельское.

Значительная часть из указанных предприятий и коммуникаций была разрушена в результате военных действий.

Деятельность Замландской комендатуры.

Государственный архив Калининградской области

После окончания боевых действий районом управляла Замландская комендатура. Однако о деятельности этого органа известно не так много. По документам удалось установить, что военным комендантом района был одно время майор Овечкин, а врачом М.И. Маркович, переведенный затем в совхоз №2.

После окончания боев территория района была разминирована, при этом не обходилось без происшествий. Так, в докладе начальника тыла Юго-Балтийского флота контр-адмирала Бурханова, поступившем на имя начальника Управления по гражданским делам Кёнигсбергской области 25 мая 1946 г., указывалось, что в «результате взрыва мин и боезапаса имеют место лесные и степные пожары, которые угрожают объектам Министерства Вооруженных Сил и гражданским».

Приказом от 24 мая 1946 г. военные коменданты освобождены от обязанностей по восстановлению экономики в районах Кёнигсбергской области, так как эти функции перенимали на себя управления по гражданским делам.

Управление по гражданским делам Приморского (Замландского) района, созданное 7 апреля 1946 г., действовало до 21 июня 1947г.

Положение сельского хозяйства.

Сельскохозяйственные угодья Замландского района составляли 79695 га, среди них пашня занимала 41320 га, сенокос – 15830 га, усадебные земли – 4400 га, лес и кустарник – 14490 га, прочие земли – 3655 га.

Землепользователями являлись 71-й авиаполк, 350-й судорембат, авиабаза № 11 и 3-я воздушная армия. В районе было организовано 4 военсовхоза (№1, 2, 4, 9), которые располагали 15100 га земельных угодий; 2 совхоза Мясомолтреста (№3, 4), имевшие 5700 га; подсобные хозяйства (19295 га); под специальные участки отводилось 20100 га; свободные земли составляли 19500га.

Военные совхозы были созданы на основании постановления № 1 военного совета Особого военного округа от 29 января 1946 г. Для их организации расформировали подсобные хозяйства воинских частей. Например, подсобные хозяйства 11-й гвардейской дивизии передали военному совхозу №2, а подсобные хозяйства 754-го, 794-го артиллерийских полков и ремзавода – военсовхозу № 9.

С этого момента и следовало приступать к подготовке весеннего сева, но не во всех хозяйствах с этим справлялись успешно. Критике подверглось руководство военсовхоза № 1.

Комендант района констатировал 19 февраля 1946 г. после проведенной проверки следующее: «Центральная усадьба за совхозом не подобрана, жилые и хозяйственные постройки за совхозом не закреплены, сельхозинвентарь находится под открытым небом в разбросанном виде. Рабочие за совхозом не закреплены, отсутствует какая-либо организация труда, распределение рабочих на бригады и звенья не произведено, плана работы в совхозе нет, вся производимая работа не имеет целеустремленности и проходит самотеком».

Несмотря на ряд недостатков организационного плана, к июню 1946 г. были достигнуты следующие результаты. В военных совхозах под посевами было занято 5305,7 га (озимые, годные к уборке, – 1630, прочие зерновые – 2641, картофель – 678,4, корнеплоды – 195, капуста – 66,3 га). Военные совхозы располагали крупным рогатым скотом (1897 голов), 742 лошадьми и 9 овцами.

В совхозах Мясомолтреста земельные угодья, отведенные и закрепленные за ними по постановлению военного совета 11-й гвардейской армии от 11 марта 1946 г., распределялись следующим образом: всего было 3740 га пашни, в том числе под посевами – 458 га (под зерновыми – 408 га, под картофелем – 20 га, под корнеплодами – 20 га, под овощами – 10 га). Также имелось 334 головы крупного рогатого скота, 195 лошадей, 134 свиньи и 41 овца. Центральной усадьбой совхоза №3 был населенный пункт Дорбникен (Краснолесье), а совхоза №4 – Плинкен (Лесенково).

Промышленность.

Советские власти организовали рыбный промысел в поселке Нойкурэн (город Пионерский), его персонал в то время составлял 131 человек, среди них насчитывалось 106 рабочих; с января по май 1946 г. было выловлено 170 т рыбы. В поселке Росситен (Рыбачий) на рыбном промысле трудился персонал из 198 человек, среди них 151 – рабочие; улов составил 687 т. В Фишхаузене (Приморске) функционировал лесозавод, который обслуживали 26 человек (из них 18 – рабочие). Было организовано дегтярное производство.

Коммунальная и социальная сферы.

Первыми предприятиями сферы обслуживания были швейная, сапожная и слесарная мастерские и две парикмахерские с пятью креслами.

Учреждения народного образования представляли 4 школы (три начальные и одна семилетняя), в которых обучалось 242 человека. При этом не были забыты и немецкие дети-сироты. Для них в районе по приказу Управления по гражданским делам при военном совете Особого военного округа от 2

апреля 1946 г. предполагалось открыть два детских дома, рассчитанных на 133 человека.

Сеть здравоохранения состояла из 5 больниц, рассчитанных на 250 коек, и 5 амбулаторий.

Деятельность Управления по гражданским делам Замландского (Приморского) района перед заселением.

До Второй мировой войны на территории района располагалось 232 населенных пункта.

Перед заселением района провели обследование более 60 населенных пунктов, где предполагалось разместить переселенцев. Но, как оказалось, «часть точек, намеченных военной комендатурой, была определена без выезда на место, а потому при изучении населенных пунктов и земель обнаружилось, что большое количество населенных пунктов разбито и непригодно для жилья». Менее 20 из них могли стать базой будущих колхозов.

Во всех населенных пунктах водообеспечение производилось из колодцев с подкачкой воды насосами, которые требовали ремонта. Поселки до войны были электрифицированы.

Мелиоративная сеть отсутствовала, но имелся дренаж. В пунктах предполагаемого расселения отсутствовали конская упряжь и сбруя, посуда, сельскохозяйственные машины вероятно, уже хорошо поработали трофейные команды.

Характеристика населенных пунктов Замландского района перед прибытием переселенцев:

Рантау (Заостровье) – имеет 68 домов на 272 семьи переселенцев, занимает воинская часть.

Алькникен (Прибрежное) и Рантау (Заостровье) – рассчитан на 65 семей переселенцев, имеет скотных дворов на 100 и 150 голов, плодово-ягодных насаждений нет, кроме отдельно стоящих деревьев.

Штробуиенен (Куликово) – имеет 19 домов и 8 дворов индивидуального пользования, рассчитан на 40 семей переселенцев.

Горбзайде (?) – имеет 6 домов, скотный двор на 60 голов, конюшню на 25 голов, рассчитан на 36 семей, принадлежит подсобному хозяйству калининградских портовых элеваторов. Плодово-ягодных насаждений нет.

Викиау (Клинцовка) – имеет 15 домов на 15 семей, занята немцами.

Вискиаутен (Моховое) – имеет 20 домов, 2 скотных двора на 100 голов, расположена воинская часть. Плодово-ягодных насаждений нет.

Викау (Хрустальное) – имеет 35 домов, 2 скотных двора на 30 голов. Плодово-ягодных насаждений нет.

Рессен (?) – имеет 5 домов, плодово-ягодных насаждений нет.

Мюльзен (Холмы) – имеет 26 домов из них 19 требуют незамедлительного ремонта, скотный двор на 110 голов, свинарник на 60 голов, рассчитан на 70 семей. Занимает овощно-молочный совхоз Калининградского облторготдела. Плодово-ягодные насаждения. Отдельные деревья.

Трансау (Озерове) – имеет 23 дома и 2 скотных двора на 100 голов с незамедлительным ремонтом, 9 дворов индивидуального пользования, рассчитан на 80 семей переселенцев. Плодово-ягодных насаждений нет.

Рудау (Мельниково) – имеет 50 домов, 2 мельницы, скотные дворы, конюшни, свинарники на 300-400 голов – всё с незамедлительным ремонтом, рассчитан на 100-120 семей переселенцев. Дома городского типа заняты немцами и военсовхозом №9. Плодово-ягодных насаждений нет. Сеяные травы, сельхозинвентарь.

Другенен (Переславское) – имеет 23 дома с незамедлительным ремонтом, 4 (2 из которых требуют незамедлительного ремонта) скотных двора на 45 голов, рассчитан на 53 семьи. Живут немцы. Плодово-ягодных насаждений нет.

Квайдигген (?) – имеет 6 домов с незамедлительным ремонтом на 41 семью. Плодово-ягодных насаждений нет.

Розигнайтен (Откосово) – имеет 8 домов с незамедлительным ремонтом на 44 семьи.

Эльхдорф (Куликово) – имеет 12 домов с незамедлительным ремонтом на 24 семьи. Маслозавод демонтирован. Плодово-ягодных насаждений нет. Занимает 71-й автополк.

Куменен (Кумачево) – имеет 30 домов и 2 скотных двора на 50 голов с незамедлительным ремонтом, 10 дворов индивидуального пользования, рассчитан на 45 семей. Полуразрушенный пивзавод. Занят леспромхозом № 1 «Неманлес». 10 плодовых деревьев.

Гермау (Русское) – имеет 50 домов и скотный двор на 100 голов с незамедлительным ремонтом, сохранился корпус маслобойного завода и частично оборудование. Проживает 25 немецких семей. Занимает военсовхоз № 1. Плодово-ягодные насаждения.

Поленен (Круглово) – имеет 16 домов и скотный двор на 100 голов с незамедлительным ремонтом, рассчитан на 40 семей. Занимает подсобное хозяйство ветотдела Юго-Балтийского флота.

Кален (Цветное) – имеет несколько домов, требующих незамедлительного ремонта на 45 семей, 3 скотных двора на 150 голов, складское помещение. Амбар, маслозавод. В пяти домах живут немцы.

Дарген (Лунино) – имеет 7 домов, требующих незамедлительного ремонта на 25 семей. Скотный двор на 100 голов. Кузница. Занимает отдел рабочего снабжения движения пути Литовской железной дороги.

Меденау (Логвино) – имеет требующих незамедлительного ремонта 50 домов для 75 семей. Постройки для скота индивидуального пользования, 5 скотных дворов на 100 голов. Занимает подсобное хозяйство мелькомбината.

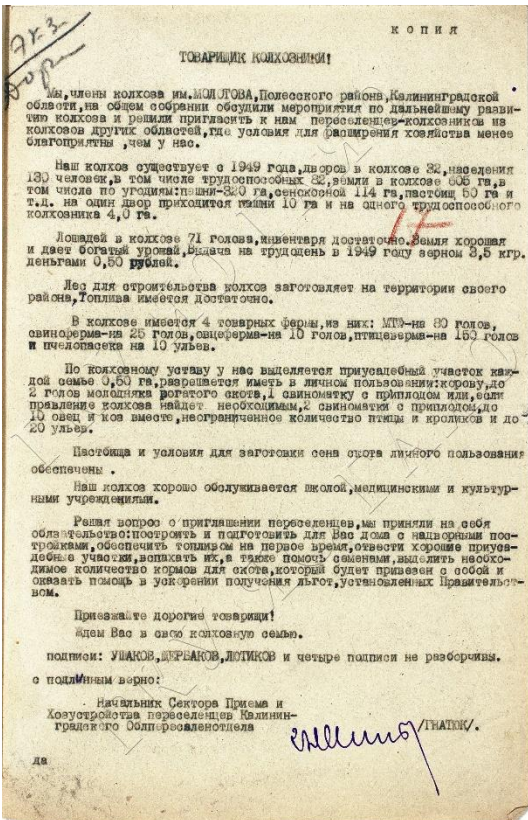
Между тем в протоколе заседания комиссии по подготовке к приему переселенцев в Калининградской области от 5 августа 1946 г. было отмечено, что Приморский район «намечил организовать 16 колхозов и расселить в них 1100 семей».

На одну семью в колхозе приходилось от 15 до 29 га земли. При отводе земель и населенных пунктов для колхозов часто возникали споры с уже имевшимися владельцами. В результате этого комиссия по подготовке к приему переселенцев постановила: «Учитывая крайний недостаток пунктов, пригодных для размещения переселяемых колхозов, считать необходимым передачу всех спорных пунктов для организации новых переселенческих колхозов».

После обследования поселков и решения всех спорных вопросов был намечен график приема переселенцев и станции разгрузки – Кенигсберг (Калининград) и Кранц (Зеленоградск).

Размещение переселенцев из центральных областей РСФСР в Замландском районе в 1946 г.

Горьковская область – в августе и сентябре по 150 семей, в октябре – 100. Всего – 400.

Владимирская область – в августе 150, в сентябре – 250. Всего – 400.

Ярославская область – в августе и сентябре по 150 семей. Всего – 400.

Материалы документов Государственного архива Калининградской области позволяют сделать следующие выводы.

Границы вновь созданного Замландского (Приморского) района совпадали с немецким довоенным районированием. Основную массу населения составляли немцы. После окончания боевых действий, несмотря на то, что предприятия и коммуникации района в той или иной степени были разрушены, начинается восстановление экономики,

создаются предприятия для обслуживания населения.

За сравнительно короткий промежуток времени до прибытия первых переселенцев удалось достичь следующих результатов. Было проведено разминирование территории района. Появились объекты хозяйствования – различные воинские подразделения, четыре военсовхоза, два совхоза Мясомолтреста. Несмотря на ряд недостатков организационного характера в некоторых хозяйствах, к лету 1946 г. значительные площади были засеяны зерновыми культурами, посажены овощи. В Куршском заливе и Балтийском море организован рыболовство. В крупных населенных пунктах созданы предприятия коммунальной и социальной сферы: мастерские, школы, детские дома для немецких детей, больницы, амбулатории.

Государственный архив Калининградской области

Так как представители военной комендатуры халатно отнеслись к вопросу будущего размещения переселенцев, то сотрудниками управления по гражданским делам Приморского (Замландского) района было проведено тщательное обследование населенных пунктов. Подсчитано количество домов, в которых можно разместить переселенцев,

определено их техническое состояние (при этом хотелось бы подчеркнуть, что 93,4% жилищного фонда требовало ремонта), охарактеризованы надворные постройки, установлены пользователи и владельцы, особо отмечено наличие плодово-ягодных насаждений, сеяных трав, сельскохозяйственного инвентаря.

С учетом всех этих обстоятельств были намечены границы создаваемых колхозов и количество переселяемых в них семей. В случае, если возникали разногласия с прежними владельцами или пользователями, то решения принимались в пользу вновь создаваемых хозяйств. После тщательно проведенной работы был составлен график приема переселенцев. Таким образом, руководство района было готово к предстоящим изменениям.

Материалы подготовлены к публикации в альманахе «Калининградские архивы», выпуск 4, ассистентом Калининградского государственного университета Л. А. Ефремовым.

27. Соседи Фишхаузена

Севернее города Фишхаузен находились епископские хутора Шеферхоф и Нойендорф (сейчас это один посёлок Дивное). После секуляризации они стали доменом, и их из-за безденежья много раз отдавали в залог как при герцоге Альбрехте, так и при курфюрстах. Отдавали их и в наследственную аренду, а с начала XVIII века государство нанимало временных арендаторов в качестве управляющих своим

сельскохозяйственным имуществом.

В XIX века, до 1890 года, как Шеферхоф и Нойендорф относились к Фишхаузенскому доменамту, а затем Нойденхоф с 557 га земли стал самостоятельным государственным имением.

С начала же в ведении Фишхаузенского доменамта были 124 хуфа 32 моргена земли, и он являлся самым большим на западе Замланда. Проживавшие здесь 47 кельмеров (крестьяне с Кульмским правом, освобождённый от отработок в пользу государства), 117 бауэров (свободные крестьяне), 6 мельников, 9 торговцев-

садовников, 7 трактирщиков и 109 барщинных крестьян выплачивали в целом государству годовую подать в 15953 талера.

Нойендорф получил свои привелегии от епископа Иоганнеса I Кларе 7 ноября 1327 года, а незадолго до этого одному местному жителю были вручены обязанности сельского старосты, что было нововведением. Пруссы, селившиеся в Нойендорфе, получали права наравне с немцами. По распоряжению епископа Якобуса в 1356 – 1358 годах были заново размежеваны границы деревни.

17 августа 1876 года большая часть Нойендорфа сгорела. Такая же судьба постигла и Шеферхоф, но гораздо раньше, в 1797 году, причём из-за сильной грозы; тогда погибло 1400 овец. Фишхаузенские горожане, к которым обратились с помощью, отклонили просьбу из-за опасности собственного пожара.

Шеферхоф так и остался хутором домена Фишхаузен. Здесь была создана совместная школа для детей доменов Фишхаузен и Нойендорф.

По материалам исследований Оскара Шлихта.

28. Поселок Парусное – имение Гаффкен.

Севернее Нойендорфа находилось дворянское имение Гаффкен (Гаудкен, Гауткен, Гаудткен), одно из самых преуспевающих хозяйств Замланда и считавшееся образцовым.

Ещё в 1413 году о нём сообщали: «Садовники Гауткена молотят за одиннадцатый шеффель, а если они берут одиннадцатый шеффель, то им дают ещё один шеффель за дополнение до двенадцатого шеффеля».

Своим названием Гаффкен обязан древнепрусскому роду Сиглеров, получившему название Гаудекерс.

Во времена Тевтонского ордена поместье Гаудекен (Geudken/Gaudken) являлось фольварком (хутором, хозяйственным поселением) замка Лохштедт. Располагаясь вместе с хутором Шеферай (Schäferrei) недалеко от Нойхойзера, оно через некоторое время стало называться «поместье Нойхойзер». В орденское время здесь находился довольно крупный конезавод, где разводили тяжеловозов для тевтонских рыцарей. В 1397 году насчитывалось более 100 особей, в то время как во всех комтурствах вместе взятых имелось 2200 верховых лошадей.

В 1629 году поместье перешло во владение Андреасу фон Моренбергу (Andreas von Mohrenberg), являвшегося залогодержателем Гаудекена. Тогда к Гаффкену относились восемь крестьянских участков и трактир. В 1817 году стоимость именина Гаффкен оценивалась в 46776 талеров.

В 1854 году дворянское поместье Гаффкен (Gaffken) вместе с хуторами Дамерау (Damerau), Нопкейм (Nörkeim), Бартен (Barten) общей площадью 1000 га (поселения в настоящее время не существуют), а также с расположенными в 12 км «торфоразработками Шермау» (Гермау около прусского городища Гроссе Хаузен) и 50 га леса на горе Каустер (гора Каустер, «каве кобольде» («подземные», связано с гибелью людей и подтверждает факт существования здесь прусской крепости), – это конечная морена высотой 31 м, у её подножия в 1873 – 1876 годах была пробурена геологоразведочная скважина глубиной в 147,8 м, она достигла на 109-м метре горных пород мелового возраста – впервые в Восточной Пруссии, однако не встретила никаких слоёв, которые могли бы содержать янтарь и в поисках которых предпринималось бурение) приобретает Отто Вин (Otto Wien) фермер из Мекленбурга, коммерческий советник и совладелец весьма преуспевавшей кенигсбергской компании Эрнст Кастелл (Ernst Castell), занимающаяся оптовой торговлей зерном. Жена Вина была родом из Любека, сам Отто Вин скончался в 1882 году.

На землях Гаффкена выращивались пшеница, сахарная свекла, картофель, бобовые культуры и кормовые травы. Здесь было развито животноводство: разводили племенных лошадей, коров, свиней, овец. В конце 30-х годов XX века хозяйство имело свой молочный завод. Дизельную электростанцию, пункт производства удобрения путём переработки отходов животноводства.

Помимо хозяйственных построек и образцовых по тем меркам жилых домов, в Гаффкене был возведен загородный дом в итальянском стиле из желтого клинкерного кирпича, с высокой башней в восточной части. Поместье окружала 2,5-метровая стена с встроенными в нее деревянными воротами. Выходившая за ворота и обсаженная старыми липами дорога вела в сторону хутора Дамерау, расположенного в 1,5 км от поместья. После Первой мировой войны общая площадь поместья вместе с хуторами Дамерау и Нопкейм составляла 1000 га.

Существовала дворянская школа, сначала в Дамерау, потом в гаффкене. Школа являлась и местом богослужения, для чего имелось соответствующее помещение.

В 1923 году ротмистр Эмиль Майер из Грауденца (Graudenz) арендовал Гаффкен вместе с хуторами у сообщества наследников Вина, образованного в 1922 году по инициативе ландрата Макса Ротгера (Max Rötger), женатого на одной из представительниц семейства Вин. В 1909 году Майер купил поместье Нитцвальде (Nitzwalde) в округе Грауденца, однако с появлением Польского коридора ему пришлось отказаться от своего владения.

Эмиль Майер был весьма предприимчивым человеком. Например, на хуторе Бартен он развивал биолого-динамический метод ведения сельского хозяйства, но через пять лет прекратил эксперименты из-за значительного снижения урожайности. Майер стал одним из первых крупных землевладельцев в регионе, занявшихся

свекловодством. Сначала выращенная свекла вывозилась на переработку в Растенбург, а когда местный завод перестал справляться с поступающими объемами, свеклу стали отправлять в Мариенбург и Альтфельде. Помимо этого, хозяйство Майера приносило ежегодно от 600 до 750 тонн картофеля и от 500 до 600 тонн зерновых и зернобобовых.

В Гаффкене имелось стадо племенного скота, зарегистрированное в Восточно-прусской племенной книге, а также 6-8 кобыл тракненской породы, занесенных в главный реестр. Ежегодно в адрес Кенигсбергского товарищества по сбыту продукции животноводства отправлялось 15-20 вагонов откормочных свиней. Молодой тракненский жеребец из Гаффкена, выставленный на одном из кенигсбергских аукционов в 1943 году, был продан по рекордной цене в 17500 рейхсмарок. В конце войны этот жеребец находился в экспериментальной коневодческой лаборатории в Цвине.

Амбары, возведённые здесь по образцу подобных сооружений в провинции Мекленбург, имели длину 80 м, ширину 16 м и высоту 18 м. Столь крупные постройки были, однако, непрактичны, поскольку их обслуживание требовало много рабочей силы. Вплоть до 1938 года на местной молочной ферме производились масло и сыр высшего сорта.

В Гаффкене родился известный физик Вильгельм Вин (13.01.1864 -30.08.1928), в 1911 году получивший Нобелевскую премию за открытия в области законов, управляющих тепловым излучением. Он являлся учеником Германа фон Гельмгольца (Hermann von Helmholtz), преподававшего в 1849-1855 годах в Альбертине, а также последователем Рентгена (Röntgen) в Визбурге. Об уроженце Гаффкена физике Вильгельме Вине мы расскажем в отдельном.

В так называемой «Роще» находился фамильный склеп семейства Вин.

В 1946 году Гаффкен был переименован в поселок Парусное. Посёлок входит в состав сельского поселения Дивное. В Парусном с 1950-х годов дислоцируется в/ч 10617 — 561-й морской разведывательный пункт специального назначения, одно из подразделений спецназа ВМФ СССР и РФ.

Источник: www.ostpreussen.net Перевод Андрея Константинова (Reiter)

29. Немецкий физик Вильгельм Карл Вин

Wilhelm Wien als Student.
Deutsches Museum.

Немецкий физик Вильгельм Карл Вин родился 13 января 1864 года в поместье Гаффкен, Фишхаузенского хауптамта Восточной Пруссии (ныне пос. Парусное, Россия). Был единственным сыном Карла Вина, фермера, и Каролины Вин (в девичестве Герц). Когда мальчику было два года, его семья переехала на меньшую ферму в Драхенштайн, окрестность Растенбурга.

Замкнутый, как и его отец, мальчик не имел друзей и был особенно привязан к своей матери. Как было принято тогда, ему наняли учительницу французского языка, на котором он стал говорить раньше, чем научился писать по-немецки.

Официально В. начал учиться в возрасте одиннадцати лет в Растенбургской гимназии. Он не был внимательным учеником, предпочитая вместо подготовки домашних заданий бродить по полям, и учился плохо, особенно по математике.

Родители взяли его из школы в 1879 году и воспитывали дома, обучая фермерскому делу, а свои школьные занятия он продолжал с частным учителем. Затем осенью 1880 года Вильгельм поступил в гимназию в Кенигсберге и окончил ее ранней весной 1882 года. Позднее, этой же весной, ободренный своей матерью, он поступил в Геттингенский университет.

Неудовлетворенный математическими курсами и не любивший жизнь студенческих корпораций, он оставил Геттинген, проучившись там один семестр, и отправился в путешествие по прирейнским областям Германии. Он вернулся домой, намереваясь стать фермером, но, поняв, что эта работа не для него, возобновил занятия математикой и физикой в Берлинском университете осенью 1882 года.

После двух семестров классных занятий и трех лет лабораторной работы под руководством Германа фон Гельмгольца, выдающегося физика, математика и физиолога, проведя также одно лето в Гейдельбергском университете, Вин получил докторскую степень в 1886 году. Его диссертация была посвящена дифракции света на остром металлическом крае и влиянию абсорбции металла на получаемые цвета.

Для справки. Дифракция – это явление, вызываемое волновой природой света. Если за металлическим барьером поместить экран со стороны, противоположной источнику света, то при подходящих условиях на нем возникнет дифракционная картина. Эта картина состоит из перемежающихся ярких и темных полосок, простирающихся ниже геометрической тени барьера, как если бы свет огибал край барьера. Поскольку расположение ярких и темных полос

связано с длиной волны (соответствующей определенному цвету) и дифракционная картина различна для разных длин волн, то с помощью дифракции можно разделить свет, содержащий смесь цветов, на окрашенные полоски.

Вин обнаружил, что после дифракции свет становится поляризованным и что материал, из которого состоит край, влияет на цвета. Он полагал, что этот цветовой эффект нельзя объяснить в рамках существующих теорий, поскольку они не учитывают колебаний молекул дифракционной пластины. Летом 1886 года Вильгельм приехал домой, чтобы помочь родителям на ферме, на которой возник пожар, повредивший несколько строений. Он оставался здесь в течение следующих четырех лет, продолжая самостоятельно изучать теоретическую физику.

Его будущее определилось, когда засуха 1890 года вынудила его родителей продать землю. Вин стал ассистентом у Гельмгольца в новом Государственном физико-техническом институте в Шарлоттенбурге (ныне часть Берлина), где занимался решением задач, поставленных промышленными фирмами. За 30-летний период Вин выполнил широкий круг научных исследований в различных академических институтах.

В 1892 году он стал лектором Берлинского университета, в 1896 году занял пост профессора физики в Техническом университете в Аахене, сменив на этом посту Филиппа фон Ленарда. В 1899 году он был профессором физики в Гессенском университете, а затем, в 1900 году, стал преемником Вильгельма Рентгена на посту профессора физики Вюрцбургского университета.

Исследования Вина охватывают ряд вопросов, включая, в частности, гидродинамику, особенно поведение морских волн и циклонов. Еще в Государственном физико-техническом институте он начал свои плодотворные исследования по тепловому излучению, т.е. излучению тел, вызванному их нагреванием. При разных температурах тела поглощают, отражают или передают падающее на них излучение. Но независимо от этого они излучают энергию, поскольку обладают определенной температурой. Хорошо знакомым примером служит нить электрической лампочки.

В 1860-х годы Густав Кирхгоф, проводя теоретические исследования связи между излучением и поглощением энергии, ввел понятие абсолютно черного тела, которое поглощает все падающее на него излучение, ничего не отражая. Реальное тело, черное, как уголь, – этот превосходный, хотя и не абсолютно идеальный поглотитель излучения – все же отражает небольшую долю света, падающего на него. Оно выглядит черным, потому что отражает слишком мало света. Абсолютно черное тело – это идеальный поглотитель, и Кирхгоф показал, что оно, кроме того, и наилучший возможный излучатель и поэтому может служить эталоном для нахождения связи между интенсивностью излучения и температурой тела – независимо от материала, из которого сделан конкретный излучатель. Хотя обычное тело не может быть абсолютно черным телом, Кирхгоф показал, обосновав теоретически, что пространство, полностью окруженное стенками при однородной температуре (например, топка), обладает нужными свойствами абсолютно черного тела – независимо от материала стенок. Убедиться в этом можно, если попытаться понять, что произойдет, когда мы проделаем маленькое отверстие в одной из стенок. Излучение, попавшее в отверстие, достигнет противоположной стенки и частично поглотится, а частично отразится. Крайне невероятно, чтобы отраженная часть попала обратно в наше маленькое отверстие. Вместо этого она будет совершать серию отражений и поглощений до тех пор, пока не поглотится полностью (слегка нагрев при этом стенки), и никогда более не выйдет наружу.

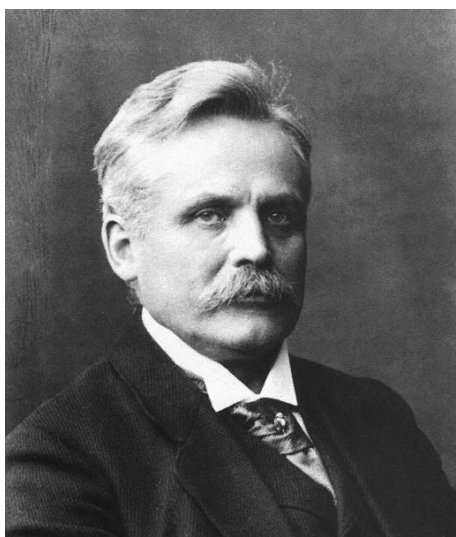
Другими словами, наш кусок пространства, ограниченный стенками, полностью поглотит попавшее в него излучение, как это и положено абсолютно черному телу.

Кирхгоф показал, что излучение внутри такой полости, составленное из перекрещивающихся лучей, которые отражаются от стенок, обладает распределением длин волн и интенсивностей, зависящих только от температуры, но не от материала стенок.

В 1893 году Вин исследовал излучение абсолютно черного тела, используя для этого то, что он назвал «мысленным» (в отличие от лабораторного) экспериментом, опирающимся на законы термодинамики.

Австрийский физик Людвиг Больцман использовал термодинамику аналогичным образом для обоснования математической формулы, эмпирически найденной его соотечественником Иозефом Стефаном. Стефан заметил, что общая энергия, излучаемая каждую секунду черным телом и включающая все длины волн, пропорциональна четвертой степени абсолютной температуры (-273°C) тела.

Вин развил это теоретическое исследование, подсчитав, каким образом изменение температуры повлияет на энергию, излучаемую на заданной длине волны, или цвете (на самом деле в узком интервале длин волн с центром в заданном значении). Из экспериментов было известно, что нагретое тело испускает излучение в определенной области, или спектре частот (длин волн), но не однородно. График излучаемой энергии как функции длины волны представляет собой кривую, начинающуюся с низких значений при больших длинах волн, плавно поднимается к закругленной вершине, представляющей максимум интенсивности при некоторой промежуточной длине волны, а затем вновь падает до низких значений энергии при более коротких длинах волн.

Вин обнаружил, что эта кривая перемещается в область более коротких или более длинных волн по мере того, как температура соответственно повышается или понижается, согласно простому соотношению, ныне известному как закон смещения Вина. Длина волны, соответствующая пику излучения, умноженная на абсолютную температуру, остается величиной постоянной. Поскольку форма кривой, изображающей зависимость излучаемой энергии от температуры, в основном не меняется, то, зная кривую при одной температуре, можно построить аналогичную кривую и при любой другой температуре, пользуясь законом Вина.

Изменения длины волны очевидны в электронагревательном элементе по мере возрастания температуры. Когда элемент становится достаточно горячим, он светится тусклым красным свечением (длинные волны).

Когда температура повышается, он меняет свечение на ярко-красное, затем оранжевое, далее желтое и, наконец, белое, поскольку длина волны становится все короче и короче.

Белый цвет – это смесь многих длин волн. Здесь присутствуют короткие волны в соответствии с законом Вина (длины волн по мере возрастания температуры становятся короче) и все волны, включая и менее длинные, которые обладают достаточной энергией, чтобы присутствовать в видимой компоненте в согласии с законом Стефана – Больцмана (общее количество излучаемой энергии возрастает с увеличением температуры).

В 1896 году Вин продвинулся дальше в своих теоретических расчетах, объяснив форму кривой распределения энергии с помощью законов термодинамики и электромагнитной теории, развитой шотландским физиком Джеймсом Клерком Максвеллом. Это объяснение получило известность как закон излучения Вина. Закон смещения Вина получил экспериментальное подтверждение при измерениях излучения, испускаемого маленьким отверстием в полости черного тела. Исследование было проведено Отто Луммером и Эрнстом Прингсхаймом в 1899 году с помощью чувствительного прибора, называемого болометром.

Однако, что касается закона излучения, то обнаружилось, что он очень хорошо согласуется с экспериментами только в области коротких волн и сильно отклоняется от них для длинных волн. Английский физик Дж. У. Стретт (лорд Рэлей) вывел уравнение, которое хорошо работало для длинных, но плохо для коротких волн. Именно попытка согласовать теорию с экспериментом на всем спектре волн привела Макса Планка к созданию его революционной квантовой теории.

Как отметил Вин, Планк решил проблему, «введя знаменитую гипотезу об элементах энергии (квантах), согласно которой энергия не является бесконечно делимой, но может распределяться только довольно большими количествами, которые нельзя дробить дальше».

Вин занимался также и другими исследованиями, прежде всего электрическими разрядами в газах под очень низким давлением в вакуумных трубках. При этих разрядах появлялись три типа излучения, казавшихся тогда загадочными. Один тип, названный катодными лучами, двигался от катода (отрицательного электрода) к аноду (положительному электроду). Второй тип, названный канальными лучами, двигался в противоположном направлении. Третий тип, открытый в 1895 году Вильгельмом Рентгеном и названный рентгеновскими лучами, возникал в области анода, откуда он выбивался катодными лучами. Катодные лучи, позднее названные электронами, были открыты английским физиком Дж.Дж. Томсоном в 1897 году.

Вин подтвердил, что катодные лучи – это частицы, несущие отрицательный заряд.

Он также показал, что каналы лучи – это положительно заряженные атомы (ионы) остаточных газов в разрядных трубках, и дал впервые оценки длин волн для рентгеновских лучей (гораздо короче видимого света), измеряя отношение их энергии к энергии порождающих их катодных лучей.

Его дальнейшие работы также внесли существенный вклад в радиационную физику; здесь можно упомянуть уточненные расчеты длин волн рентгеновских лучей и предложение использовать для их измерения кристаллы за пять лет до того, как Макс фон Лауэ проделал аналогичную работу.

The house where Willy Wien was born on the farm called Gaffken west of Königsberg in East Prussia.

Вин был награжден в 1911 году Нобелевской премией «за открытия в области законов, управляющих тепловым излучением». В Нобелевской лекции он говорил о значении того, что он назвал «мысленными» экспериментами. «В приложениях термодинамики к теории излучения полезно применять те идеальные процессы, которые оказались столь плодотворными в других отношениях, – сказал он. – Я имею в виду мысленные эксперименты, которые зачастую не

могут быть реализованы на практике, но тем не менее приводят к надежным результатам... Из этих мысленных экспериментов мы можем извлечь важный вывод: мы можем определить, каким образом спектральный состав излучения абсолютно черного тела меняется при изменении температуры».

Во время своего визита в США в 1913 году Вин читал лекции в Колумбийском университете и посетил как Гарвардский, так и Йельский университеты. В 1920 году он вновь стал преемником Рентгена, на сей раз в качестве профессора физики Мюнхенского университета, где руководил созданием физического института. В 1925 – 1926 годы он был ректором этого университета.

Ein Familienfoto, 1919.

Von links: Tochter Gerda, Sohn Karl, Frau Luise Wien, Tochter Waltraut, Prof. Willy Wien, Tochter Hildegard.
Foto: Privatarchiv Waltraut Wien.

В 1898 году Вин женился на Луизе Мелер, которую он встретил в Аахене; у них было два сына и две дочери. Вин любил в свободное время изучать историю, литературу и искусство. Он умер в Мюнхене в 1928 году. «Вероятно, найдется очень мало физиков, которые, как Вилли Вин, в такой же степени равно хорошо разбирались бы как в экспериментальной, так и в теоретической сторонах своей практической деятельности», – написал о своем коллеге Макс Планк.

С 1906 года до самой смерти 30 августа 1928 года Вин был соиздателем (вместе с Максом Планком) журнала «Аннален дер физик» ("Annalen der Physik"). Он был членом американской Национальной академии наук и научных академий Берлина, Геттингена, Вены и Стокгольма.

Сын Вильгельма Вина Карл Вин (Karl Wien; 1906—1937) — немецкий учёный в области географии, доктор наук, альпинист, совершивший ряд сложнейших восхождений по новым маршрутам в Альпах, а также первое восхождение на пик Кауфмана (Ленина) на Памиро-Алтае. Участник трёх немецких гималайских экспедиций на вершины Канченджанга (1931), Синиолчу[en] (6888 м, первовосхождение, 1936) и Нанга-Парбат (1937, руководитель). Погиб в ночь с 14 на 15 июня 1937 года вместе со всей альпинистской группой, участвующей в восхождении, в результате схода снежной лавины.

Источники: <http://n-t.ru> <http://nobelprize.org>

30. Продолжаем путешествовать к соседям Фишхаузена

В направлении от Гаффкена к морю располагались на плоских холмах посреди плодородных земель небольшие населённые пункты Занглинен (со старой деревенской школой) и Литтаусдорф (Литтауишдорф) – в 1258 году упоминался как Главсотемотер. Литтаусдорф некоторое время был собственностью фон дер Ваттлау и фон Шлибенов (на страницах проекта в социальных сетях о фон Шлибенах мы упоминали во время работы в Правдинском районе <https://www.facebook.com/HistoryK39/posts/422788998433328> https://vk.com/wall-168806484_429 и отдельно об Элеоноре Шлибен <https://www.facebook.com/HistoryK39/posts/426865311359030> https://vk.com/wall-168806484_449).

Позднее местные крестьяне участвовали в добыче янтаря, даже существовало выражение: «Этот крестьянин может здесь добыть золотой кабак».

Севернее Литтаусдорфа, по Зальтнickenскому водоотводному каналу, проходила граница между церковными приходами Фишхаузен и Гермау. Он, как и все другие водотоки западного побережья, не сыграл какой-либо существенной роли ввиду отсутствия накопления вод атмосферных осадков.

Население Занглинена и Литтаусдорфа, вместе с людьми, жившими на берегу моря, в так называемом Штрандхойзере, составляло в 1939 году 223 человека.

На территории Гермауского церковного прихода было много укрепленных валами прусских городищ и древних захоронений. Здесь сделаны многочисленные находки доисторического характера, главным образом бронзового века.

После прихода в Пруссию Тевтонского ордена и подавления восстаний пруссов в гермауской округе ряду знатных прусских семей орден оставил их прежние владения. Поскольку они перешли на его сторону. Эти семьи были наделены всяческим привилегиями. Крупнейшими землевладельцами в церковном приходе являлись Гаудекеры, этот род был самым влиятельным и самым распространенным на западе Замланда.

Существенные изменения в землевладении произошли, когда орден после Тринадцатилетней войны был вынужден удовлетворять притязания предводителей немецких наёмников, прибывших к нему на помощь из империи, земельной собственностью из-за нехватки денег, больше всего – в 1468–1470 годах. Поскольку те предъявляли претензии и на другие привилегии, им предоставлялись повышенные, практически неограниченные права. Этим, почти суверенным землевладельцам подчинялись тогда бауэры, хальбауэры («полукрестьяне»), айгенкетнеры (владельцы карликовых хозяйств) и кассаты (батраки).

Такие землевладения, увеличиваясь путём приобретения деревень, превращались в дворянские (рыцарские) имения, какими, хотя и с изменившимися правами, сохранялись до новейших времён. Количество дворянских имений значительно возросло во времена герцогов, так как многие другие землевладельцы также были наделены дворянскими правами.

Так, в 1580 году имения Кирпенен (Поваровка), Корьейтен (Путилово) и Поленнен (Круглово), находившиеся в собственности Ганса Шёнвизе (одного из главных представителей прусской аристократии, перешедшей на сторону Ордена), и части деревень Бонау (ныне не существует) и Линкау (Тихореченское), также с владельцами-пруссками, были отнесены к действительным дворянским имениям.

Деревни Бонау и Линкау были впервые упомянуты в отдельной грамоте 1258 года, в которой было указано о проживавшего здесь очень уважаемого рода Гирме.

В 1301 году упоминалась вилла Линков, тогда здесь был пожалован гермаускому казначею Лейкауте участок земли.

В 1379 году магистр Винрих фон Книпроде пожаловал тогдашним владельцам Клаукам особые привилегии, за которыми в 1435 и 1490 годах последовали другие. Клауки владели имением Линкау до 1663 года. Более поздним владельцами Линкау были фон Ауэр, фон Типпельскирх и бывший лейтенант на русской службе фон Цандер.

В Линкау когда-то имелась водяная мельница на Линкауском ручье.

По материалам исследований Оскара Шлихта.

31. Крупнейшая замландская деревня Гайдау

Первым относительно большим населённым пунктом в направлении на северо-восток от Фишхаузена была деревня Гайдау (Годоува, Гейдове), сейчас небольшой посёлок Прозорово является ориентиром в поисках этого огромного земельного надела. Об этой деревне упоминал ещё Герман фон Зальца. Гайдау – вообще самый ранний упомянутый в документах населённый пункт Замланда. Происхождение названия пытались свести к древнепрусскому «гайтис» («пшеница»).

В 1268 году некоторые жители Шоневика получили землю в Гайдау, а в 1299 году какого-то Ремботе называли владельцами тамошнего ленного поместья. Эти и более поздние передачи земель во владение привели к тому, что Гайдау стала одной из крупнейших замландских деревень.

Новейшее время принесло с собой значительное измельчение территории: появились землевладения Гаффкен, Каллене и Вишродте, имение Карлсхоф был также новообразованием на гайдауских общинных землях. Но, несмотря на это, Гайдау, со своей округой в 913 га, и в XX веке, наряду с Краамом (ныне Грачёвка), была самой большой деревней на западе Замланда – в туристическом маршруте проекта «Откуда берёт своё начало река

Светлогорка» подробно изложено об истории Краама и всего побережья Светлогорского городского округа.

Папа Александр IV позволил в 1261 году епископу Замланда передавать лен земли новообращённым в своей части страны, чтобы, по возможности, воспрепятствовать их отходу от новой веры. Тогда же были отданы пять крестьянских семей в деревне Посьете во владение новообращённым Вайлоте и Кейтино. Посьете была деревней возле Блудау (Кострово), на месте Касперсхёфена (Дорожное).

Затем в епископской части страны землю распределял Орден, а епископы снова стали заниматься этим с 1301 года.

В гайдауской округе земли передавались почти всегда в указанной форме, и здесь сформировалась прослойка прусских свободных ленников. Они были, собственно говоря, промежуточной ступенью между кёльмерами и бауэрами. Прусские ленники были обязаны, наряду с ведением хозяйства нести воинскую службу; ими командовал тогда епископский фогт. Расходы на их вооружение, по-видимому, брал на себя орден. Епископские ленники также помогали при строительстве орденских и епископских сооружений и в уходе за ними, вносили налоги воском, деньгами и т.д.

Тяжёлое положение свободных ленников привело к тому, что они приняли активное участие в крестьянском восстании 1525 года. В начале XVIII века вследствие чумы многие потомственные ленники оказались в безлюдных, почти пустынных местах, однако были обязаны вносить прежние высокие подати и налоги. В 1738 году прусскими ленниками было предоставлено полное право собственности на их достояние, они могли его теперь продавать по своему усмотрению.

К XX веку понятие «кёльмерская собственность», хотя и без юридического значения, но сохранилось, а вот о прусских свободных ленниках, когда-то особенно многочисленных в Замланде, почти полностью позабывали. Этому способствовало имевшее место сглаживание различий между ними и кёльмерами.

Гайдау, старая прусская деревня, состояла из одной вытянутой улицы, тогда как деревня немецкого типа чаще всего группировалась вокруг деревенской площади. В XX веке в Гайдау было пять хозяйств покрупнее и четыре помельче. Число жителей за 1844 – 1855 годы возросло с 195 до 353, но к 1919 году уменьшилось до 293.

В 1931 году в Гайдау было четыре айгенкетнерских хозяйств, а в районе Фишхаузен – около 860. Наилучшие условия для развития этой формы собственности были созданы при короле Фридрихе II. Он считал, что сельский работник должен быть привязан к земле хотя бы самым малым собственным участком, так как экономя время для работы на нём, он будет вынужден повышать производительность труда на земле своего господина.

Однако впоследствии карликовые хозяйства айгенкетнеров, не выдержав конкуренции, были скуплены бауэрами и крупными землевладельцами.

С землями Гайдау граничил Каллен, единственное поместье в церковном приходе Фишхаузен, с площадями, занимавшими 1261 га, из них было около 150 га выпасов и 250 га леса. Число жителей Каллена с округой составляло в 1919 году 385 человек, а к 1939 году уменьшилось на 26 человек. В то же время в Гайлау вместе с Карлсхофом и Вишродтом проживало 284 человека.

По материалам исследований Оскара Шлихта.

32. Уникальный археологический комплекс в районе посёлка Цветное.

Уничтожение исторического наследия имеет законные основания.

Несколько лет назад в статье «Областные власти санкционировали уничтожение уникальных археологических памятников» газеты «Дворник» Александр Адерихин подробно поведал о деятельности карьерного комплекса в районе посёлка Цветное Балтийского городского округа.

Поскольку проблема является актуальной и сегодня особо, мы приводим фрагмент этой статьи на нашей странице.

«Песок с Великого янтарного пути»

Карьерный комплекс недалеко от посёлка Цветное Балтийского муниципального округа уже действует. Постановление о разработке карьера подписано лично губернатором Николаем Цукановым 30 сентября 2013 года. Здесь легально добывают песок для масштабного строительства дорог и домов. А заодно здесь уничтожают памятники археологии: древние могильники и городища, находящиеся на территории карьерного комплекса. Строительный

песок оказался важнее древней истории нашей Родины.

Варварское уничтожение археологических памятников эпохи бронзы в карьере происходит на абсолютно законных основаниях. Уничтожаемые памятники не состоят на государственном учёте. По каким-то причинам в послевоенное время их просто не поставили.

Один из таких «несуществующих» памятников — курган эпохи бронзы. Он датируется V – VIII веками до нашей эры. Это холм, в котором могут быть тысячи древних захоронений. О его существовании археологам известно с середины XIX века. Если с добычей песка в карьере всё пойдёт по плану, то могильник просто сроят с лица земли. Вместе со всеми его тайнами, загадками, научными открытиями, артефактами и научными сенсациями. Что мы потеряем, приобретая только строительный песок?

Калининградский археолог Константин Скворцов рассказывает, что из всех памятников археологии, открытых на территории Восточной Пруссии до начала Второй мировой, после войны на учёт было поставлено от силы одна десятая. Памятники из посёлка Цветное – не исключение.

Ситуация с памятниками нашей древней истории сложилась странная. Памятники упоминаются в научной литературе, но денег поставить их на государственный учёт у государства нет. Зато есть деньги и «возможности» навсегда похоронить их в отмытках и подушках фундаментов каких-нибудь важных «объектов», например, для чемпионата мира по футболу.

Для защиты и охраны нашего культурного и исторического наследия при правительстве области существует специальная служба. Её деятельность финансируется из областного бюджета. Среди сотрудников этой правительственной структуры немало профессионалов-историков, понимающих ценность археологических памятников в посёлке Цветное.

По материалам ещё XIX века, здесь находятся неизученное прусское городище ориентировочно 2-й половины первого тысячелетия и грунтовый могильник от эпохи викингов до предорденского времени. Они тоже пойдут «на песок».

Недалеко от посёлка Цветное расположен могильник римского периода (I – IV века нашей эры). После войны этот могильник не исследовался. Какие тайны и загадки хранит он в своей толще? Этого мы не узнаем никогда. Зато из этих тайн и загадок будет построен какой-нибудь «объект», на торжественном открытии которого представитель властей торжественно перережет красную ленточку. Тех самых властей, которые отдали на разграбление историю Родины.

Особый интерес для археологической науки представляет могильник, обозначенный на немецких картах как «Горбатая гора» или «Петушиный гребень». Это господствующая возвышенность (31 метр над уровнем моря) в данной местности, расположенная примерно в километре от посёлка Цветное. По данным немецких археологов-членов «СС», работавших на Горбатой горе в 1937 году, здесь находится могильник IX – XIII веков. Этот могильник со всеми своими тайнами и научными открытиями также должен уйти «на песок».

Русский «след»

Место под карьер выбрано областными властями крайне «удачно». Сам по себе посёлок Цветное – исторический артефакт. Первое упоминание о нём датируется 1289 годом. Тогда этот населённый пункт назывался «Кальден». Позже это название трансформировалось в немецкое «Каллен». После 1945 года Каллен был переименован в Цветное.

Лингвисты, изучающие древние языки, рассказывают, что немецкое название этого населённого пункта произошло от прусского слова, обозначающего... песок.

В XVIII веке посёлок и поместье Каллен приобрели представители одного из древнейших прусских родов фон дер Гольтц. Как и подавляющее большинство прусских дворян, мужчины из этого рода были профессиональными военными, проливавшими свою и чужую кровь по всей Европе, от Франции до России. Из этого рода происходит и Генрих фон дер Гольтц, служивший российскому

императору Петру I.

Этот прусский дворянин был принят на русскую службу по личной рекомендации польского короля Августа II. К тому моменту фон дер Гольтц был уже опытным военачальником. Специальным указом российского императора Генрих фон дер Гольтц был принят на службу в звании генерал-фельдмаршала-лейтенанта «со старшинством над всеми русскими генералами». Фон дер Гольтц подчинялся непосредственно главнокомандующему всей русской армией графу Шереметьеву.

Генрих фон дер Гольтц успешно воевал с поляками, шведами, украинцами, австрийцами, турками и другими врагами России. Однако карьера Генриха в России закончилась крахом. Он, профессиональный военный, посмел ослушаться князя Меншикова, нового главнокомандующего, назначенного самим Петром. Фон дер Гольтца предали военному трибуналу и приговорили к смертной казни. Однако Пётр, учитывая заслуги Генриха перед Россией, заменил смертную казнь высылкой опального фельдмаршала за границу.

15 апреля 1945 года через поместье Каллен прошла линия фронта. Частям Красной армии не удалось взять Каллен с ходу. Сергей Гольчиков, калининградский исследователь, в своих работах приводит цифры наших потерь в боях в этом районе. За 15 апреля потери составили 7520 человек убитыми и ранеными, 16 апреля потери составили 6260 убитых и раненых. 17 апреля фронт пошёл дальше. Советские солдаты и офицеры заплатили за эти могильники и древние городища слишком высокую цену, чтобы сегодня памятники просто так «пустить на песок». Но в правительстве Калининградской области считают по-другому...»

Источник https://rugrad.eu/communication/blogs/Konigsberg_archive/8864/

Располагавшуюся северо-восточнее Фишхаузена деревню Кальден в 1333 году епископ Замланда Иоганнес Кларе, тот самый, что заложил собор в Кнайпхофе и еще много церквей и замков, отписал эти земли – «хорошие постройки в Кальдене» своему переводчику Николаусу (Nicolaus), а почти через 200 лет, в 1527 году, герцог Альбрехт даровал их господам Петеру фон Каллен (Peter von Kallen), Бернарду Нихтсу (Bernhard Nichts) и Петеру Рассе (Peter Rasse). В 1583 году Каллен приобрел Сигизмунд фон Кондорфф (Sigismund von Kohndorff или Kirschendorff), с 1620 года советник герцога, убитый, согласно одной из версий, в поместье своими подданными.

Следующими хозяевами Каллена и находившейся поблизости деревни Компенен (Нивы) являлись: фон дер Олснитц (von der Ölsnitz), фон Моренберг (von Mohrenberg), фон Калсов (von Kalsow), фон Типпелскирх (von Tippelskirch) и некий полковник фон дер Хардт (von der Heydt или Hardt).

Земли Каллена занимали тогда 9 хуфов 18 моргенов, а Компенена – 12 хуфов. Продажа Каллена обосновывалась первым владельцем совершенным опустошением поместья шведскими расквартировываниями – скот большей частью был разгроблен и вымер, а крепостные обрекались на гибель.

Женатый на представительнице рода фон Моренбергов «полковник и командир Глаубицкого полка» фон Кальсов владел залоговыми землями, спустя некоторое время выкупил часть этих владений.

В 1782 году имение Каллен и деревню Компенен приобретает президент палаты Антон Готлиб фон дер Гольтц (Gottlieb von der Goltz), бывшего в милости у короля Фридриха II и задёшево получившего свои владения. Сообщалось об их цене в 17200 талеров, в XX веке они относились к самым дорогостоящим имениям Змаланда. С этого времени и вплоть до 1945 года Калленом владели представители данного рода.

В 1905 году господский дом перестроили и расширили. Благодаря хорошим пастбищам, в Каллене занимались разведением тракененской породы лошадей, кобылы содержались на хуторе Брух (Bruch), а жеребцы на соседнем хуторе Финк (Finck). До наших дней поместье Каллен не сохранилось.

Компенен, ставший хутором Каллена, относился не к Фишхаузенскому, а Тиренбергскому (район бывшего посёлка Дунаевка) церковному приходу.

Он впервые упоминался в документах от 1310 года как вилла Кампагинис, а в 1342 году – как Кампайн в собственности Судауэра Кориоте, владельца-прусса.

В посёлке Нивы довоенных построек не сохранилось, но, бывший Компенен, интересен мемориальным комплексом немецкого кладбища, на территорию которого с опушки леса перенесена плита с высеченой надписью на немецком и русском языках с места «захоронения 93 пехотной дивизии.

В память всем жертвам Второй Мировой войны, отдавшим жизнь в Калининграде и окрестностях».

Источник: www.ostpreussen.net Перевод Андрея Константинова

В 2,5 км северо-восточнее находилось родовое кладбище. Сохранилась единственная надгробная плита (2005 г.) размером около 2х1 метр с длинной эпитафией на немецком, с упоминанием камер-президента барона Антона фон дер Гольтца и его жены Леопольдины...

Источник: <https://www.prussia39.ru/geo/geo.php?id=119>

IV.

33. Штурм «Рыбного дома»

Фрагмент из книги Сергея Александровича Якимова «Хроника штурма Пиллау» 2007 года, главы о взятии Фишхаузена. Фотографии из дела 1-й Гв ШАД и других источников.

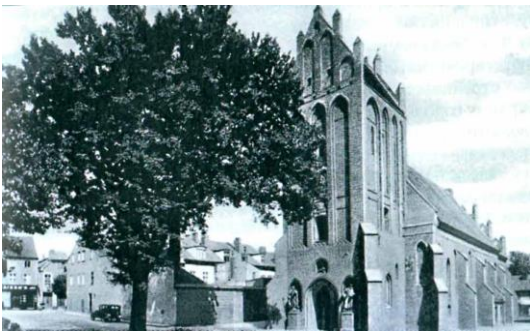
Штурм «Рыбного дома»

Из сообщения Советского Информбюро. Оперативная сводка за 17 апреля:

«На Земландском полуострове западнее КЕНИГСБЕРГА войска 3-го БЕЛОРУССКОГО фронта, продолжая наступление, с боями заняли город и порт ФИШХАУЗЕН и населенные пункты ЛИТГАУСДОРФ, ГАФФКЕН, ЗАНГЛИНЕН, НОЙЕНДОРФ, ДАРГЕН, ТЕНКИТТЕН, КАЛЬКШТАЙН, ЛЕГИНЕНЕН, РОЗЕНТАЛЬ, КАРЛЬСХОФ, ВИШИРОДТ, БЛЮДАУ, НЕПЛЕКЕН, ЦИММЕРБУДЕ, ПАЙЗЕ. Остатки разгромленной группы немецких войск отброшены в район порта Пиллау, где уничтожаются нашими войсками».

Бои за Фишхаузен

Своим именем Фишхаузен (ныне — пос. Приморск) обязан рыбакам, многие столетия жившим на берегу залива Фришес-Хафф. История города связана с Тевтонским орденом, католическими епископами, прусскими герцогами и бранденбургскими курфюрстами, германскими кайзерами и профессорами знаменитой Альбертины (Кенигсбергский университет), на содержание которых с горожан взимался особый налог. Здесь родилась не только прусская гвардия, но и прусское протестантство. В административном центре Замланда работали: лесопильный, кирпичный и газовый заводы, мельницы, электрическая и семеноводческая станции, скотобойня, банки, школы, сиротский приют, дом престарелых, больница и госпиталь. С населенными пунктами полуострова Фишхаузен связывали автомобильные и железные дороги, а также судоходный залив.

Весной 1945 года окружные власти вновь открыли сберегательные кассы и стали выдавать кредиты для посевных работ, свернутых уже к началу апреля из-за постоянных налетов советской авиации. Вновь были назначены бургомистры и старосты, занятые сбором продовольствия для людей и кормов для брошенной домашней скотины. Собственное население округа давно бежало, и оставленные ими дома и имения занимали беженцы из других районов Восточной Пруссии и Кенигсберга, грабили отступавшие солдаты Вермахта.

Днем 16 апреля, когда в городе еще работали почта и телеграф, бои за Фишхаузен развернулись с новой силой. Прилежавшую к городу высоту, сплошной лабиринт траншей и дзотов, пять раз штурмовали гвардейцы 32-й стрелковой дивизии. Воинское счастье улыбнулось Герою Советского Союза гвардии капитану М.А. Андрееву, ворвавшемуся с пулеметным расчетом в немецкую траншею.

Соппротивление противника было сломлено, и 2-я гвардейская армия вышла к узкому перешейку земли, более походившему на кратер вулкана. Особенно сильной бомбежке и артобстрелам подвергалось «имперское шоссе № 131», забитое немецкой военной техникой: танками, вереницей автомашин вперемежку с бронемашинами, тракторами, повозками и орудиями, так что по нему не было возможности не только проехать, но и пройти. Все потеряло здесь свою устойчивость: и воздух, и земля, и вода, из которой то и дело вздымались серо-зеленые фонтаны.

«...перед обедом каждые полчаса волнами налетали около 500 бомбардировщиков. И уже после первой волны город полыхал во всех углах и концах. Позднее русские сбросили бомбы на наши позиции, и наша рота понесла большие потери, — вспоминал немецкий солдат. — Здесь, к востоку от Фишхаузена, я пережил сильное волнение. Спускавшийся на парашюте советский летчик стрелял по нам из своего автомата. По нему открыли ответный огонь, и он упал на землю уже мертвым. Между отлетом одних и прилетом других бомбардировщиков мы решили переместиться на значительное расстояние от Фишхаузена, так как удержать позиции было невозможно».

Изрытый траншеями и перегороженный баррикадами старинный Фишхаузен, чье население в предвоенные годы не превышало и четырех тысяч человек, превратился в груду щебня и золы. Непадающая пыль и дым, зарево пожаров, охвативших город, сделали полдень пасмурного дня похожим на вечер. Используя осветительные бомбы, советские летчики уничтожили до восьми-десяти танков и бронетранспортеров, разрушили железную дорогу, отправив под откос эшелон с заводским оборудованием. Между налетами авиации ночное небо прочерчивали своим багряным пунктиром «катюши». Под их прикрытием бойцы 17-й гвардейской стрелковой дивизии 39-й армии вышли на северо-западную окраину городка.

Штаб одного из стрелковых полков укрылся под сводами орденой церкви, украшенной фресками XIV века и старинным алтарем с изображением фигуры Христа, держащего в руке земной шар. Высокая башня кирпичи служила ориентиром для немецкой артиллерии. Ее снаряды вывернули наизнанку небольшую булыжную площадь и разбили стоявшие у входа в храм терракотовые статуи святого Адальберта и первого евангелистского епископа Георга фон Поленца, ранив осколками солдат-связистов. Когда раненых внесли в церковный подвал, стоявшие рядом бойцы слышали, как один из них с большим трудом начал петь: «Это есть наш последний и решительный бой». Через минуту песня утихла, боец замолк навсегда.

С юго-восточной стороны город Фишхаузен прикрывался заболоченным лесным массивом, откуда противник меньше всего ожидал атаки. Здесь стучали топорами бойцы 126-й Горловской стрелковой дивизии (в составе 43-й армии), сбивавшие щиты-волокуши для полевой артиллерии, которую чуть ли не по пояс в воде, обливаясь потом, тянули на руках.

Солдаты и офицеры с трудом пробирались в вязкой трясине, держа над головой оружие и патроны. Каждый шаг требовал куда больших усилий, чем километры, пройденные ими по обычным дорогам.

Судьба этой дивизии была типичной для соединений Красной Армии, участвовавших в Великой Отечественной войне. Тяжелый июнь 1941 года, горечь отступления от границ Восточной Пруссии на Немане, четыре окружения.

126-я стрелковая дивизия первого формирования (1939 г.) закончила свой боевой путь под Москвой в составе менее 1000 человек и была расформирована. В 1942 году была сформирована другая дивизия, от первой ей достался только номер.

После трудных боев дивизию не отводили на отдых, а снова бросали на самые трудные участки фронта под Сталинградом, в Донбассе, в Севастополе. Ее бойцы освобождали Белоруссию и Литву, брали Тильзит и Кенигсберг. За массовый героизм и воинское умение соединение наградили двумя орденами Красного Знамени и орденом Суворова.

У советских солдат был достойный противник — 1-я восточно-прусская пехотная дивизия, одна из лучших в Вермахте. Ее солдаты маршировали по площадям многих европейских столиц, взрывали дворцы и парки в пригородах Ленинграда. С Восточного фронта ее вернули для защиты Кенигсберга. В составе дивизии воевали батальоны морской пехоты и гитлерюгенда и «соединение восточных народов».

Потери этой дивизии у Фишхаузена превзошли потери всех сражений, в которых она прежде участвовала. Из остатков ее частей, позднее пробившихся к Пиллау, была сформирована лишь небольшая боевая группа.

Из донесения командира 126-й стрелковой дивизии: «Противник к исходу суток 16.04.45 г., оказывая отчаянное сопротивление на подходах к г. Фишхаузену, обороняясь на господствующих высотах, контролируя огнем всю прилегающую местность, массированным артминометным огнем и пулеметным огнем пытался сдержать продвижение наших частей.

Наведя переправы, в 18.00 16.04.45 г. 550-й и 366-й стрелковые полки перешли в наступление и, подвергаясь сильному фланговому огню противника, в 21.00 16.04 ворвались на восточную окраину г. Фишхаузен и завязали уличные бои.

В результате активных действий штурмовых групп во взаимодействии с артиллерией, гранатой и зажигательной бутылкой в рукопашном бою и в ожесточенной схватке за отдельные кварталы и отдельные укрепленные здания в 24.00 16.04 форсировали устье реки в районе гавани, части дивизии к 4.00 17.04. полностью очистили южную часть города Фишхаузен».

Группа автоматчиков вышла скрытно к мосту, до взрыва которого оставалась ровно одна минута. В то время как ефрейтор А.А. Малютин обезвреживал фугас, его товарищи, отбиваясь от наседавшего противника, ожидали подхода танкистов, которые, с ходу преодолев речку, ворвались в городские кварталы. В уличном бою бойцам не хватало патронов, и они стреляли короткими очередями. лейтенант С. Д. Чередниченко, доставивший в пехотную цепь девять коробок с лентами патронов и пять ящиков с ручными гранатами, был позднее награжден орденом Красной Звезды.

Бронебойщик В. Хомичук из подвала жилого дома поджег легковой автомобиль. Вторым выстрелом он попал в водителя грузовой машины, и она на большой скорости ударилась в стену горевшего трехэтажного особняка, густым, клубящимся дымом закрыв перекресток, куда немцы выкатили противотанковое орудие. рядовой А. Шохин через окно соседнего дома пробрался в тыл расчета, и

когда немецкий унтер-офицер прильнул к прицелу, открыл автоматный огонь. До конца боя эта пушка так и простояла со снарядом в стволе.

Когда один из бойцов попал под огонь немецкого пулеметчика, старший сержант В. М. Криницкий, будучи ранен сам, спас жизнь своему товарищу. А бойцы младшего сержанта Н. Ф. Догаткина стремительным броском выбили немцев из траншеи у залива, на берегу которого взорвали склад немецких боеприпасов. Рядовой Г. С. Федяев с гранатой в руке ворвался в укрытие и пленил

тринадцать солдат. Старшина А. П. Авдеев, заменив раненого телефониста, исправил под огнем около сорока порывов линии связи с командным пунктом полка. В этот день отличились и музыканты дивизии под командой капельмейстера М. Н. Пивника, убрав груды искореженного металла с дороги, ведущей к Фишхаузену, в сражении за который дивизионная артиллерия выпустила снарядов калибра 122 мм больше, чем при штурме Кенигсберга.

Командиры батарей и огневых взводов — старшие лейтенанты А.М. Тюрин, П.П. Янковский, лейтенанты К. В. Лубович, Н. Н. Хуснупин, Л. И. Кулаков, Д. Д. Шерстюк, младший лейтенант А. Ф. Пласкин — били прямой наводкой по немецким дотам и снайперам, засевшим на чердаках зданий, в помещениях вокзала и водонапорных башнях.

Занятие Фишхаузена

Днем 17 апреля, когда на городских улицах продолжали рваться бомбы и гранаты, генерал И. И. Людников, пробираясь по грудам щебня, обломков, обходя кладбище трупов, разбитых орудий, машин и повозок, вышел на берег залива, где подписал донесение, имевшее особую важность. В графе, куда

изо дня в день заносились потери, на этот раз было записано: «В течение дня войска армии приводили себя в порядок, мылись в бане, производили сдачу боевых патронов, гранат и ракет на склады боевого питания». О том, что эти слова означали конец войне на еще одном берегу залива Фришес-Хафф, было ясно гвардии старшине Николаю Трофимову: «Дошли, товарищ генерал. Дальше некуда. — И тут же полюбопытствовал: — А может, на Берлин?». — «Спасибо тебе, гвардии старшина, за то, что дошел от Волги до Балтийского моря. А куда дальше, я и сам не знаю. Куда прикажут. Мы люди военные», — ответил ему Людников.

Советским войскам достались большие трофеи: четырнадцать танков, двадцать две самоходки, семьдесят два бронетранспортера, более двухсот автомобилей и тысячи мотоциклов, склады с марочными винами и коньяком, эвакуированные сюда из Кенигсберга.

Если верить очевидцам, то часть винных запасов погибла в огне пожаров, другую немцы спрятали в окрестностях виллы Порр. О дальнейшей судьбе «драгоценного груза» умалчивают отчеты трофейных команд. На привокзальных путях Фишхаузена стоял состав с техническим спиртом. Врачи ничем не смогли помочь выпившим его солдатам.

От некогда ухоженного и уютного Фишхаузена чудом сохранилось лишь семьдесят пять строений, в которых поселились военные моряки и немецкие жители. В большом юнкерском имении на окраине города остались десятки раненых немецких солдат, а в подвале господского дома нашли сбитого над Фишхаузенем советского летчика. Его спасли от жандармерии русские женщины-невольницы. Они выдали раненого офицера за свою больную подругу.

Один из немецких солдат предупредил женщин, чтобы они вели себя осторожнее, и сообщил, что вот-вот сюда придут русские.

В сенном сарае пехотинцы обнаружили раненого летчика, старшего лейтенанта М. Абрамишвили. Прикрывая наземные войска, он успел выброситься из горящей машины с парашютом и попал в плен. Немецкий офицер осмотрел его и, смазав мазью обожженные места на теле, показал Абрамишвили объемистую кожаную папку:

«Здесь секретные документы. Я хочу передать их русским. За это сохраните нам жизнь». Он ткнул пальцем в себя и молодую женщину-машинистку. Важные бумаги передали в штаб 39-й армии, а летчика представили к награде и вернули в свою часть.

В первый послевоенный год Фишхаузен переименовали в Приморск. В центре его установили фигуру воина с автоматом в руках под развернутым знаменем. По обе стороны от монумента покоятся останки 1.807 советских солдат и офицеров, павших здесь в апрельские дни 1945 года.

Когда последний командующий немецкой группировкой «Земланд» Дитрих фон Зауцен предпочел русский плен, он спросил генерала А.П. Белобородова: «А Фишхаузен? Он цел, этот город?» — «Не очень. Там шли жестокие бои». — «Бог мой!» — воскликнул немец и заплакал. «В чем дело?» — удивился Белобородов. «Вы не поймете меня. Фишхаузен — моя родина. Там жили мои деды и прадеды. Родовое поместье, парк, каскад прудов. Жизнь и обычаи, сложившиеся веками. Все было — и ничего нет. Я исконный пруссак. Я дворянин. Разве Вы можете это понять?».

— «Нет, — ответил ему Белобородов, — мне не понять, почему вы, вторгшись к нам, испепеляли целые города, не моргнув глазом, а теперь, когда война пришла к вам в дом, плачете? Где логика?».

«Он был очень расстроен, этот сентиментальный барон, твердил про старинный дом, про стены, увитые плющом, и зимние вечера у камина. А я слушал и мысленно представлял, что было бы со мной, попадись я в его руки в сорок первом, — вспоминал этот разговор генерал Белобородов. — У меня имелось к нему несколько деловых вопросов, но я решил отложить этот разговор и пригласил Заукена к столу. Однако и рюмка водки не встряхнула прусского барона. Он еще больше раскис, и говорить с ним стало не о чем».

В ежедневной сводке командование Вермахта в Восточной Пруссии указывало на упавший боевой дух войск и тяжелые потери. Бежавших в Пиллау немецких солдат перехватывали густо расставленные посты полевой жандармерии у Тенкиттена (ныне — пос. Береговое), где разбитые части дивизий дрались плохо и удерживались офицерами только с помощью оружия.

Потери в офицерском составе большие: только за 24 часа убито четыре командира дивизий. Потери в материальной части артиллерии — она большей частью разбита. Командование войсками и комендант Пиллау принимали все меры, чтобы косу севернее Пиллау сделать зоной глубоко эшелонированной обороны и там объединить войска».

Усилив свой натиск, армии Василевского прижали к заливу основные силы противника, вынудив его отступать по узкой, к тому же простреливаемой, прибрежной полосе в сжимающуюся горловину пиллауского полуострова. Эта мышеловка вот-вот должна была захлопнуться. Таким образом, к 17 апреля большая часть Замланда была очищена от противника.

Источник: <https://exarchmk.livejournal.com/7235.html>

34. Разгром 58-й пехотной дивизии противника у города Фишхаузен.

«Беглый огонь! Записки немецкого артиллериста 1940-1945».
Вильгельм Липпих. Издание – Москва: Яуза-пресс, 2009 год.

«Последние приказы 16–18 апреля 1945 года. Это был конец. Это был конец моей роты. Это был конец 58-й пехотной дивизии. Возможно, что конец настал и для Германии, и для меня.

Через четыре года после вторжения в Россию день 16 апреля 1945 года стал худшим днем войны. За последние несколько часов минометная рота, которой я командовал, просто перестала существовать.

То, что случилось на главном пересечении дорог в Фишхаузене, было не обычным сражением, а скорее катастрофической кульминацией мощного заградительного огня советских войск, обрушивавшегося в течение последних недель на наши отходившие на запад части. Окончательно застряв в гуще отступающих войск, которые двигались по единственной дороге через этот небольшой городок в Восточной Пруссии, мы больше не могли идти дальше. Артиллерия четырех советских армий и нескольких сотен советских самолетов обрушили огонь на это огромное скопление немецких войск. Те, кому не удалось скрыться через городские переулки, были уничтожены огненным валом русских снарядов и бомб. В результате налета советской истребительной авиации на западные окраины Фишхаузена мое лицо было посечено массой крошечных осколков. Я почти ослеп от грязи и крови, застилавшей глаза, однако понимал, что мне повезло остаться в живых в этом крошечном аду.

Было ясно, что от моей сильно поредевшей за последние дни роты почти ничего не осталось. Смерть огромного количества подчиненных меня потрясла, и это при том, что за годы войны я видел смерть многих боевых товарищей.

Однако больше всего меня потрясло нескончаемое разрушение военного порядка, начавшееся еще до того, как мы добрались до Фишхаузена. До этого времени, даже несмотря на усиливающийся хаос войны, вермахту все еще удавалось сохранять в своих рядах строгую дисциплину и сплоченность подразделений. Теперь перестала существовать даже самая малая видимость порядка...

...Поскольку Фишхаузен превратился в дымящиеся развалины, а части Красной Армии находились от нас всего в паре километров, я побрел на запад вместе с оставшимися в живых немецкими солдатами по главной дороге, которая проходила через сосновые леса. Оказавшееся на пределе физических и эмоциональных сил, мое тело двигалось вперед чисто автоматически. Мой разум оцепенел, но я все еще ощущал личную ответственность за подчиненных. Главной целью для меня стало отыскать тех из моих людей, кому посчастливилось сохранить жизнь в этой кровавой мясорубке. Возможно, они скрываются где-нибудь в заброшенных домах или в

подземных складах боеприпасов, которых было много в лесу.

Кровь и песок, облепившие мое лицо, все еще заслоняли мне обзор. Я, спотыкаясь, брел по дороге и почти не видел, куда иду. Примерно через каждые двадцать метров пути свист очередного снаряда заставлял меня бросаться на землю.

Снова встав на ноги, я упрямо продолжал шагать вперед, пытаюсь вытереть глаза, чтобы понять, где нахожусь и где можно найти убежище от нового залпа вражеской артиллерии.

Примерно в миле от Фишгаузена на северной стороне дороги появилась группа из десяти солдат моей роты. Они только что вышли из блиндажа размером двадцать на тридцать метров. Среди них был гауптфельдфебель Юхтер, начальник тыла, а также пара фельдфебелей, два обер-ефрейтора и несколько рядовых.

— Где остальные? — мрачно спросил я.

Один из солдат тихо ответил:

— Мы попали под огонь бомб, а также реактивных и артиллерийских снарядов. Мы потеряли всех лошадей. Мы потеряли все снаряжение. Мы все потеряли. Все разрушено. Мы — последние, больше никого нет.

Я понял, что те, кто уцелел, либо потерялись в суматохе отступления, либо сумели прорваться на запад.

Говорить было больше не о чем. События последних часов и недель отняли у нас остатки сил, как моральных, так и физических. Нас, собравшихся в блиндаже, охватило мрачное настроение, предчувствие скорого конца. Моим подчиненным нужны были лишь главные сведения и указания. Они надеялись услышать их от меня, но я знал не больше, чем они. Впервые за время войны я остался без приказов вышестоящего начальства и не знал, что делать и чего ожидать дальше.

Испытывая настоятельную необходимость в таких приказах, я сообщил моим людям, что, как только у меня восстановится зрение, я отправлюсь на поиски командира нашего 154-го пехотного полка, подполковника Эбелинга. Примерно час спустя, после того как один из солдат протер мне глаза и извлек осколки из лица, я почувствовал, что снова могу нормально видеть.

Приказав солдатам оставаться в блиндаже, я направился в лес по узкой тропинке, которая вела в западном направлении. С неба непрерывно сыпался настоящий град осколков, но он уже не слишком мешал мне продвигаться вперед. Спустя пятнадцать минут я оказался возле замаскированного блиндажа, находившегося примерно в 25 метрах южнее главной дороги. Когда я вошел внутрь, то ожидал

увидеть еще одно пустое помещение.

К моему удивлению, я увидел там с полдесятка старших офицеров вермахта, которых было легко распознать по красным лампасам на бриджах. На мгновение потеряв дар речи, я машинально встал по стойке смирно и отдал честь. Офицеры, собравшиеся вокруг стола, рассматривали какие-то карты и, очевидно, не заметив моего удивления, автоматически ответно поприветствовали меня.

В тот момент, когда я собрался попросить новых приказаний, раздался громкий гул самолетных двигателей. Когда генералы нырнули под стол, я выбежал наружу. С юга в нашу сторону направлялся десяток бомбардировщиков В-25 американского производства, но с советскими красными звездами на крыльях. Они явно выбрали целью бомбометания наш участок. С высоты тысяч метров на нас полетели бомбы.

В моем распоряжении оставались считанные секунды, чтобы спрятаться в безопасном месте.

Отбежав на расстояние пяти-шести метров от блиндажа, я нырнул в длинную траншею глубиной что-то около двух метров. Находиться в ней было немного безопаснее, чем прятаться в блиндаже. При прямом попадании те, кто спрячутся в нем, обречены на верную гибель. Находясь в траншее, можно погибнуть или получить тяжелое ранение, но все-таки есть шанс спастись, ведь там можно не опасаться смерти под тяжелыми обломками кровли.

Скрючившись на дне окопа, я старался держать голову ближе к поверхности, чтобы не быть погребенным под массой земли. Прижав руки к ушам, я открыл рот, чтобы от взрывов не лопнули барабанные перепонки. Таким образом уравнивалось внутреннее и внешнее давление. Война учит солдата многим премудростям, помогающим остаться в живых, если, разумеется, он доживет до той поры, когда сумеет воспользоваться полученными уроками.

В следующий момент после того, как я спрятался, вокруг загрохотали русские бомбы, одна за другой, очень быстро. Это напоминало залп гигантских реактивных снарядов. Оглушительные взрывы сотрясали землю и воздух. В моей голове мелькнула мысль — неужели то, что я выскочил из блиндажа, не спасет мне жизнь? Странно, но при этом я не испытывал страха. Бомбы, снаряды и пули за последние годы стали постоянной частью моей жизни, и я даже успел привыкнуть к ним.

Пока бомбы пропахивали окружавшее меня пространство, мне не оставалось ничего другого, как ждать. Разум буквально онемел, в голове было пусто, мной правил лишь животный инстинкт выживания. Мой рот был по-прежнему открыт, потому что бомбы порой разрывались на расстоянии всего двух метров от меня, а я отчаянно боялся, что от нескончаемого сумасшедшего грохота навсегда лишусь слуха.

Когда бомбежка немного утихла, я понял, что мне в очередной раз повезло. Я, еще не оправившись от адского шума, неуклюже выбрался из окопа. Несмотря на незначительные ранения, недосып и скудное питание последних недель, я все еще оставался в неплохой физической форме. Мое психологическое состояние было намного хуже, но я старался изо всех сил сохранять ясность мысли.

Офицерский долг требует от меня вести за собой подчиненных и заботиться о них.

Хотя упоминавшийся выше генеральский блиндаж остался цел, я понял, что у старших офицеров хватает иных забот, нежели отдавать приказы ротному командиру. Я продолжил поиски командира полка и направился в северном направлении, затем снова пересек главную дорогу.

Минут через десять я неожиданно-негаданно наткнулся на подполковника Эбелинга, пытавшегося установить новую линию обороны примерно в паре километров от нас.

Обрадованный тем, что нашел его, я понял, что добился цели и могу получить новый приказ.

Из короткого разговора с подполковником я уяснил, что верховное командование отправляет нас обратно в Германию. Все оставшиеся в живых офицеры 58-й пехотной дивизии должны вернуться на родину, где станут ядром новой дивизии, которая будет формироваться в Гамбурге.

Немногие оставшиеся в живых солдаты нашей дивизии переводятся в состав 32-й пехотной дивизии, которая останется в арьергарде и будет сдерживать наступление частей Красной Армии.

Дав мне устные указания, Эбелинг сделал запись в моей солдатской книжке и расписался. Поскольку офицеры нашей дивизии будут самостоятельно добираться до Гамбурга, этот письменный приказ не позволит эсэсовцам наказывать меня как дезертира, если я неожиданно наткнулся на них. Одним росчерком пера подполковник открыл мне, так сказать, дверь, через которую я смогу выйти из ада передовой и избежать смерти или русского плена...

Фишхаузен. 13–16 апреля 1945 года.

...То, что мы вынесли в предыдущие недели, было лишь прелюдией к драматическим событиям, которые произошли через два дня в десятке километров западнее.

16 апреля артиллерия четырех советских армий вместе с четырьмя сотнями самолетов обрушила на нас огонь своих орудий в мощном наступлении, имевшем целью уничтожить остатки немецких войск в Земгалии. Результатом стала катастрофа поистине огромного масштаба. Ничего подобного в годы войны я не видел.

Тем утром наша рота добралась до небольшого городка Фишхаузена. Через него проходили главные дороги, ведущие с севера и востока. Располагался он на оконечности узкого полуострова близ песчаной косы Фриш-Нерунг.

К советской артиллерии, продолжавшей обстреливать нас, — она находилась в двух-трех километрах восточнее, — присоединилась авиация. Русские самолеты пролетали над нами на высоте 150–300 метров.

Я отправился вперед, чтобы разведать дорогу, и, оказавшись на расстоянии 20 метров перед колонной, вышел на узкую городскую улицу. В следующее мгновение обстрел из вражеских орудий значительно усилился, едва ли не в два раза по сравнению с его интенсивностью на подходе к Фишхаузену. Из-за нескончаемого заградительного огня и напиравших сзади других немецких частей колонна была вынуждена остановиться. Воцарился хаос, возницы из всех сил пытались обуздать перепуганных лошадей.

Стараясь держаться ближе к разрушенным одно- и двухэтажным домам, я не осмеливался заходить в них, опасаясь оказаться под их обломками в случае прямого попадания. Когда рядом пролетал снаряд или в моем направлении начинал двигаться вражеский самолет, я быстро прятался за угол дома или скрывался в дверном проеме.

Когда я углубился в центр Фишхаузена примерно на километр, ураган артиллерийского огня и оглушительные взрывы авиационных бомб слились в безумную какофонию. Такого адского хаоса я ни разу не видел в предыдущие годы войны.

Обломки военного снаряжения четырех или пяти разбитых немецких дивизий были беспорядочно разбросаны по всему городу. На улицах лежали обугленные трупы людей и животных. Лишь грохот взрывов не давал мне слышать жалобные стоны раненых и умирающих лошадей.

Жуткое зрелище погибающего города притупило все мои чувства, ввело в состояние бездумного оцепенения и невыразимого отчаяния. Я понимал, что могу погибнуть в любую секунду.

Однако я был не готов к смерти. Моей главной целью стало бегство из этого кошмара и необходимость собрать вместе всех оставшихся в живых солдат нашей роты.

К этому времени бомбежка усилилась настолько, что мне стало ясно — нужно побыстрее уйти с главной дороги, иначе меня ждет неминуемая гибель. Не имея возможности связаться с моими людьми в этой кровавой кутерьме, я лишь надеялся, что они поймут, что смогут спастись, только если бросят лошадей и орудия и попытаются самостоятельно выбраться из Фишгаузена.

Скользнув в какой-то переулок слева от меня, я пробежал два квартала и оказался на краю города. Когда я вышел к южной окраине, то свернул на запад и стал двигаться вперед по дороге, параллельной главному шоссе, которое находилось справа на расстоянии примерно 30 метров. Все так же стараясь держаться ближе к домам, я осторожно шел по местности, которая медленно поднималась вверх метрах в ста от гавани. Хотя бомбежка здесь была не такая интенсивная, как на шоссе, осколки все равно падали достаточно близко от меня.

Когда я достиг самого края города, то вернулся на центральную улицу Фишхаузена примерно в километре от того места, где я отошел от берега. В эту минуту в небе появился советский истребитель «Як», летевший к центру города. Приблизившись к главной дороге, он принялся огнем пулеметов поливать скопление немецких солдат и

транспортных средств.

Заметив ряд траншей рядом с улицей, я мгновенно нырнул в одну из них. Вместо того чтобы залечь на дно полутораметрового окопа, я нашел удобное и относительно безопасное место, откуда смог наблюдать за происходящим. Мое неистребимое любопытство в те дни неизменно преобладало над чувством опасности.

Пилот «Яка», по всей видимости, заметивший меня, тут же изменил курс и полетел в моем направлении. Я почувствовал себя загипнотизированным яркими вспышками пулеметных очередей русского самолета, когда тот помчался в сторону моего окопа.

Пули со свистом впились в землю передо мной, вздымая фонтанчики пыли, летевшей прямо мне в глаза. В лицо мне впились пригоршня мелкой шрапнели.

Когда «Як» с ревом пролетел прямо над моей головой, я вскрикнул от боли, отпрянул назад и повалился на дно траншеи.

Через секунду мозг принялся оценивать ситуацию. У меня явно было легкое ранение, но когда я открыл зажмуренные глаза, то ничего не увидел, одну только черноту. Я лихорадочно размышлял о том, что могло со мной случиться. Неужели я навсегда ослеп?

Прошло несколько тяжелых мрачных минут, прежде чем ко мне стало возвращаться зрение, правда, частично. Мои глаза были залеплены грязью и кровью, и я различал лишь смутные силуэты того, что окружало меня.

Выбравшись из окопа, я заковылял по главной улице, стараясь разглядеть происходящее сквозь дымку, застилавшую мой взор. Несмотря на непрекращающийся дождь снарядных осколков, несколько наших солдат пытались привести в негодность орудия, чтобы они не достались врагу.

Прошел всего час с тех пор, как я вошел в Фишхаузен, однако за это короткое время была почти полностью уничтожена немецкая армейская группировка «Земгалия». Зная, что захват города Красной Армией — дело решенное, я понимал, что сейчас нужно найти уцелевших солдат моей роты и ждать нового приказа начальства. Катастрофа в Фишхаузене означала конец многому, но в то же время стала началом моего удивительного спасения от русского плена.

Двигаясь на запад под огнем вражеских снарядов, я вскоре отыскал несколько своих солдат возле пустого блиндажа, в котором раньше хранились боеприпасы. Это было примерно в трех километрах от города.

Моя попытка отыскать подполковника Эбелинга едва не закончилась трагедией, потому что на то место, где я искал его, налетела эскадрилья русских бомбардировщиков. Я в последнюю секунду успел спрятаться в траншее, чудесным образом избежав нового ранения.

Минут через десять я, наконец, нашел Эбелинга, который пытался организовать новую линию обороны, чтобы остановить надвигающегося с востока неприятеля. Я получил достаточно иллюзорный приказ отправиться в Гамбург и войти в состав формирующейся там новой дивизии. Этот приказ давал мне возможность вернуться в центральную Германию, но также требовал от меня отправить уцелевших солдат моей роты в другую дивизию. Последнее было мне особенно неприятно и горько, потому что я знал, что их ждет неминуемая смерть или плен.

Два дня спустя, 18 апреля, под переменным артиллерийским огнем мы с гауптфельдфебелем Юхтером отправились на запад, в направлении Пиллау. Затем свернули на юг, к берегу Данцигской бухты, где сели на паром и переплыли в порт Хель...»

Источник: <https://www.yaplakal.com/forum7/topic1776428.html>

35. Соммер Андрей Иосифович

Соммер Андрей Иосифович – советский военачальник, генерал-майор танковых войск (1945), Герой Советского Союза (1945), завершил Вторую мировую войну в Фишхаузене (город Приморск Балтийского городского округа).

Родился Андрей Иосифович 4 (17) мая 1897 года в Константинограде Полтавской

губернии в семье военного.

В 1907 году А.И. Соммер поступил в Полтавский кадетский корпус, затем поступил в Киевское военное училище, 1 декабря 1914 года в чине прапорщика был направлен на фронт Первой мировой войны.

13 октября 1915 года командир батальона 24-го Симбирского пехотного полка 6-й пехотной дивизии 15-го армейского корпуса А.И. Соммер, кавалер трех боевых орденов, раненый во второй раз попал в плен, из которого четыре раза пытался бежать. В 1918 году вернулся из плена, работал на телефонной станции. В Красной Армии с 1 июня 1919 года – красноармеец Симбирской бригады Красных коммунаров. В августе 1919 года А.И. Соммер был назначен на должность командира роты, затем – командира батальона, был дважды ранен. Член ВКП(б) с 1919 года, в 1921 году добровольно вышел из партии в связи с несогласием с политикой НЭПа.

После окончания Гражданской войны А.И. Соммер продолжил служить в должности командира роты, командира батальона на Кавказе. В 1924 году окончил Тифлисскую пехотную школу, в 1931 году – курсы «Выстрел», в 1936 году – заочно Академию имени М.В. Фрунзе.

В 1937 году А.И. Соммер был обвинен в шпионско-диверсионной деятельности и арестован, приговорён к расстрелу, который был заменен 15 годами заключения. В 1940 году, после ареста Ежова, был реабилитирован, восстановлен на службе 10 августа 1940 года. Преподавал в Орловском бронетанковом училище, Орджоникидзевском военном училище, окончил курсы усовершенствования командного состава бронетанковых войск. 10 декабря 1940 года А.И. Соммеру было присвоено звание подполковника.

В августе 1943 года А.И. Sommer был направлен на Воронежский фронт на должность начальника оперативного отдела 9-го механизированного корпуса, позже служил в должностях начальника штаба бригады, начальника штаба бронетанковых войск 40-й армии, начальника штаба 7-го механизированного корпуса. В 1943 году А.И. Sommer принимал участие в форсировании Днепра и освобождении Киева, в 1944 году - в форсировании рек Прут и Дунай, в Корсунь-Шевченковской и Яссо-Кишинёвской операциях. В августе 1944 года А.И. Sommerу было присвоено звание полковника.

29 октября 1944 года полковник А.И. Sommer был назначен командиром 89-й танковой бригады 1-го танкового корпуса 3-го Белорусского фронта. 89-я танковая бригада под командованием полковника А.Соммера особенно отличилась во время Восточно-Прусской операции. Бригада участвовала во взятии Инстербурга, Кройцингена, Прейсиш-Эйлау, Тапиау, в апреле 1945 года - в штурме Кёнигсберга и

боях на Земланском полуострове, завершив Вторую мировую войну в Фишхаузене.

19-20 января 1945 года Шиллен (поселок Жилино Неманского городского округа) был взят войсками 89-й танковой бригады под командованием полковника А.И. Соммера.

В ночь на 20 января 1945 года воины 89-й танковой бригады под командованием полковника А.И. Соммера вышли к Кройцингену (поселок Большаково Славского городского округа), в результате трехчасового боя населенный пункт был взят.

21 января 1945 года воины 89-й танковой бригады под командованием полковника А.И. Соммера с боем овладели населенным пунктом Мактхаузен (поселок Высокое Славского городского округа).

В ночь с 21 на 22 января 1945 года 89-я танковая бригада под командованием полковника А.И. Соммера принимала участие во взятии города Инстербурга (город Черняховск).

23-25 января 1945 года 89-я танковая бригада под командованием полковника А.И. Соммера принимала участие во взятии города Тапиау (город Гвардейск).

28 января 1945 года Трутенау (поселок Медведевка Гурьевского городского округа) был взят войсками 89-й танковой бригады под командованием полковника А.И. Соммера.

При взятии Зеераппена (поселок Люблино Светловского городского округа) 30 января 1945 года особо отличились воины 89-й танковой бригады под командованием полковника А.И. Соммера.

В последних числах января 1945 года Кнёппельсдорф (поселок Рассвет Гурьевского городского округа) был взят при поддержке 89-й танковой бригады под командованием полковника А.И. Соммера.

10 февраля 1945 года 89-я танковая бригада под командованием полковника А.И. Соммера принимала участие во взятии города Прейсиш-Эйлау (город Багратионовск).

В январе 1945 года полковник А.И. Соммер обманул немецкую охрану у моста в Таплакене (поселок Талпаки Гвардейский городской округ), заговорив с ней по-немецки, представившись генералом танковых войск Соммером, что позволило захватить мост.

6-9 апреля 1945 года 89-я танковая бригада под командованием полковника А.И. Соммера принимала участие в штурме города-крепости Кенигсберга.

В апреле 1945 года 89-я танковая бригада под командованием полковника А.И. Соммера принимала участие в кровопролитных боях за город Фишхаузен (город Приморск).

19 апреля 1945 года за мужество и героизм полковнику А.И. Соммеру было присвоено звание Героя Советского Союза (медаль «Золотая звезда» № 6975).

После окончания Великой Отечественной войны А.И. Соммер продолжал службу в должности командующего бронетанковыми войсками 11-й гвардейской армии. 11 июля 1945 года ему было присвоено звание генерал-майора танковых войск, ушел в отставку по состоянию здоровья в 1947 году.

Соммер Андрей Иосифович скончался 17 сентября 1966 года, похоронен на старом городском кладбище Калининграда.

В честь генерала А.И. Соммера в Калининграде названа улица, на которой установлены мемориальная доска и памятник героям-танкистам. Этот танк Т-34 – непосредственный участник боёв за город.

«В январе 1945 года в глубокий германский тыл советским командованием была направлена целая танковая бригада. По сути, это были смертники. И вел их по землям Восточной Пруссии офицер царской, а затем Красной армии, российский немец Флориан Соммер, на себе испытывавший сталинские репрессии.

В истории войны это был, вероятно, единственный случай, когда лично Сталин всей бригаде и персонально каждому танкисту пять раз объявлял благодарности.

Пять раз за две недели. И каждый раз Москва салютовала подвигу танкистов. Правда к концу этого рейда, через две недели, уже мало кто из них остался

живым.

Что это была за операция и какова ее цель? О деталях этого уникального танкового рейда нам поможет узнать последний оставшийся в живых его участник и свидетель» <https://tvzvezda.ru/schedule/programs/2019961015-Gj7DW.html/20206111030-f5esf.html>

V.

36. Курорты в окрестностях Фишхаузена

Местность между Фишхаузенем и Пиллау с лёгкой руки профессора К. Г. Раппольта названа «прусским раем». Это было связано как с её красотой, как и с наличием здесь янтаря. Допускались и преувеличения, вершины которых, как сообщает О. Шлихт, достиг кёнигсбергский профессор Иоганн Готлиб Хассе в своей книге, опубликованной в 1799 году под пространным заголовком «Притязания Пруссии, страны янтаря, быть раем для предков и

прародиной человечества». В ней он доказывал, что здесь когда-то был настоящий рай, то есть колыбель человечества, а буковую рощицу, располагавшуюся южнее Тенкиттена и заросшую дикими розами, рассматривали как бывший райский сад Эдем. Иные авторы указывали, однако, на парадоксальность подобных утверждений и признавали, что и другие места Земли могут быть ничем не хуже. К такому же выводу пришёл и один путешественник, искавший под Фишхаузенем рай, но нашедший на месте душистого Розенбуша один песок и слышавший вместо соловьиных трелей только жужжание навозников.

В XIX веке небольшой и сравнительно молодой Лохштедтский лес можно было считать оазисом среди местности, опустевшей в результате уничтожения лесной растительности для предупреждения атак шведов.

Южнее детской лечебницы существовала и свежая вырубка, где лес был уничтожен в 1914 году для защиты Пиллау от предполагаемого нападения русских войск.

От подобных действий с точки зрения обороны было мало толку, а вот вред был ощутимый, так как они способствовали заносам земель движущимися песками.

С юга к вырубке 1914 года примыкал маленький, но очень красивый лес Пильценвальд (Pilzenwald), составная часть Лохштедского леса. Это название с некоторой погрешностью можно перевести как Грибной лес (правильнее, Pilzwald). Неровная местность в самом его начале была известна под названием «Семь холмов»; здесь тянулись вдоль опушки леса защитные рвы, вырытые также в 1914 году.

В 1806 году один кёнигсбергский врач, который считал здешнее морское побережье пригодным для создания курорта, описывал «Грибной» лес следующим образом:

Partie aus den sieben Hügeln im Wäldchen bei Neuhäuser.

«На берегу Балтийского моря возле Пиллау находится такое тихое, священное место, что ему молва и эрудиция уже присвоили название «Рай»; прекраснейшие лиственные деревья, какие только способна родить Северная Германия, образуют густой лес; эти крупноствольные деревья дают, тем не менее, гуляющему свободный путь. Прекрасно каждое отдельное дерево прекрасного леса».

А один тогдашний путешественник считал: «Здесь, пожалуй, существует тысяча видов птиц, но в этом лесочке не встретишь мух и других насекомых, может быть, вследствие того, что резкий ветер с моря неблагоприятен для них, или же из-за множества птиц».

Прямо у шоссе, на углу «Грибного» леса, стоял дуб почти 4,5 м в обхвате, один из самых красивых в Замланде. Подобные деревья были священными у древних жителей региона.

Немного продвинувшись отсюда по шоссе, можно было достичь «Вальдкруга» (или «Пильценкруга»), гостиницы времён ордена, которая сначала была «Лохштедским трактиром», а позднее – «Пиллауским трактиром» («Pillauische Krug»). Отсюда, как считал О. Шлихт, из-за искажения мог бы получиться «Пильценкруг» («Pilzenkrug»), но, скорее всего, данное название связано со словом «Пильценвальд». Эта гостиница, будучи когда-то ещё станцией на дороге Кёнигсберг – Пиллау, имела большое значение для путников, а потом стала популярным местом летнего отдыха. Она была расположена прямо на опушке «Грибного» леса.

За трактиром стояла старая липа, памятник природы. Ствола ее не было видно из-за свисающих к земле ветвей и снова в ней прорастающих. Но у ствола было 4 любовно поставленных скамейки, где часами могли сидеть любители природы. Лес, похожий на парк, доставлял огромное удовольствие проезжим путешественникам. А табличка с указанием, что здесь на 54,35 северной широты находится самая северная точка Европы, навевала мысль о постоянстве мира.

По «Грибному» лесу можно было разными тропами добраться до морского курорта Нойхозер. Здесь попадались по пути огромные буки, потомки вырубленного леса.

А небольшая рощица между «Вальдкругом» и заливом Фришес Хафф представляла собой лесопарк, очень удобный для прогулок. Прекрасен был вид на Лохштедский замок и далёкую Фишхаузенскую бухту с Луговых гор, как называли здешние холмы у залива.

Вплотную к «Вальдкругу» находился Шефеай (некогда фольверк крепости Лохштедт), до 1809 года состоявший в государственной собственности. Затем он, вместе с соседним полями, перешёл в частные руки, а в XX веке превратился в процветающее имение. На него перешло название маленького имения Старый Нойхойзер, находившегося на берегу моря.

Двигаясь на юг по шоссе, параллельному железнодорожному пути, можно было попасть на железнодорожную станцию Нойхойзер, сооружение которой дало толчок к основанию курорта.

Ещё в начале XVIII века на берегу моря появились домики, они упоминались как «нойнхойзер» – «новые дома» – жилой дом и большая коптильня жившего в одиночестве рыбака. Дом был когда-то служебным домом штрандрейтера и, в конце концов, стал опять-таки жилищем берегового смотрителя. Эту одинокую усадьбу по-прежнему называли «новым домом», но несколько по-другому – «Нойхойзер», и название в итоге передалось станции и курорту. Когда здесь начал развиваться посёлок как курорт, его пытались назвать «Юлиенбад», то есть июльский курорт, но укоренилось Название Нойхойзер.

В 1816 году генеральный арендатор янтарных промыслов коммерсант Карл Дуглас предусматривал здесь основание курорта. Но правительство тогда сооружало морской курорт Кранц и побоялось причинять ему ущерб. Поэтому последовал отказ Дугласу под предлогом, что «здесь морская вода из-за частого перемешивания с водой залива не дала бы такого же лечебного воздействия, как в других местах». Дуглас построил для своей семьи летнюю дачу. Позднее этот сельский дом начала посещать кёнигсбергская финансовая аристократия, а затем он стал летним пристанищем певческой школы.

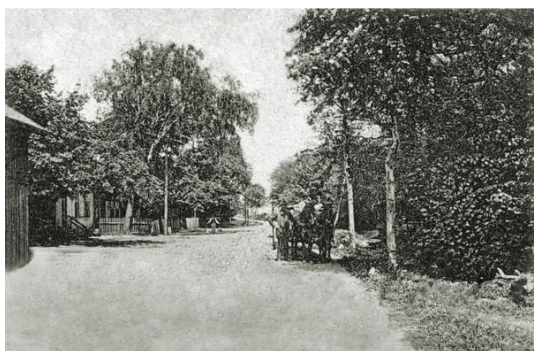
В доме берегового смотрителя тоже проживали отдыхающие, которым Дуглас разрешал посещать морской пляж.

Когда в начале 60-х годов XIX века оценили план строительства железной дороги Кёнигсберг – Пиллау, то при расчёте доходов ссылались на пассажирские перевозки для будущего курорта. При этом было отмечено, что лица, приезжающие сюда на отдых, издавна останавливались в прибрежных домах.

Вскоре после открытия железной дороги здесь поселилось какое-то число зажиточных кёнигсбергских коммерсантов, ранее проводивших лето в Кранце и Нойкурене. В первые годы их дома практически находились в унылой песчаной пустыне, но путём очень глубокой вспашки почвы постепенно был создан большой сад, внутри которого оказался Нойхойзер. Имена основателей курорта продолжали жить в названиях улиц Элерс-штрассе, Лаубмейер-штрассе и Штеллер-штрассе.

Здесь построили и приобрели летние загородные дома многие аристократические и другие зажиточные семьи.

От вокзала к Нойхойзеру вёл кратчайший путь через небольшую, высотой около 30 м, гору Пфаннкухенберг («Гору пончиков» или «Сковорода для пирога»), с которой были видны море и залив, Пиллауский полуостров и коса Фрише Нерунг.

Рядом с дорогой к берегу моря, у входа на территорию курорта, стоял курзал, при строительстве которого была заблаговременно предусмотрены все потребности посетителей. Это большое здание было приобретено Фондом императрицы Августы Виктории и перестроено в дом отдыха.

Отдыхающих привлекал и широкий песчаный пляж без единого камушка. Он всегда был весьма удобным для купания. Здешние берега, однако, сильно страдают от осенних и зимних штормов. Представляешь их силу, узнав, например, что зимой 1818 года большие льдины поднялись намного выше восьмиметрового берегового откоса и при этом побережье и пляж просто разрушились.

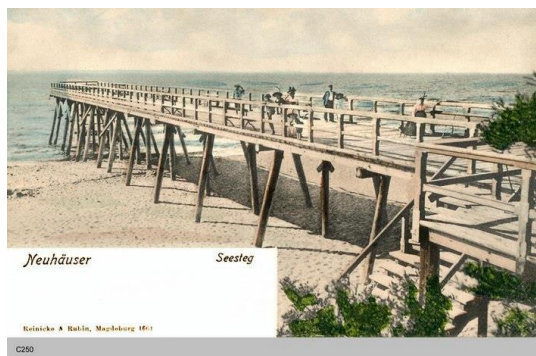

Короткие, но относительно высокие мостки были сильно оборваны этими штормами. При юго-западном ветре с них можно было наблюдать прибрежные потоки выжимаемых через Пиллауский пролив вод залива, благодаря их желтоватой окраске, выделяющейся на фоне зеленоватых морских вод.

В 1893 году были построены сходни к морю и уютная стеклянная веранда – пляжный павильон – на самом берегу. А в 1904 году соорудили баню. Она, вместе с водопроводом и канализацией, поставили Нойхойзер в отношении благоустройства на один уровень с другими курортами.

В давние времена Нойхойзер зимой был почти необитаем, и сторож тогда присматривал за ним, но в XX веке многие семьи и зиму стали проводить здесь. Поэтому в Нойхойзере образовалось постоянное население, численность которого к 1939 году достигло 961 человека. Например, в 1858 году в Нойхойзере насчитывалось 28 человек, проживающих в трёх домах. Правда, в статистические данные 1939 года были включены жители Лохштедта, «Вальдкруга» и имения Старый Нойхойзер и Шеферай, но там число их вряд ли достигало ста.

За лето Нойхойзер принимал в довоенное время около 1600 отдыхающих.

«Еще несколько лет тому назад дикий уголок ныне пользуется популярностью, и курортная литература посвящает ему много места. Между морем и заливом, среди хвойного и лиственного леса таинственно укрылся балтийский курорт Нойхойзер.

В часе езды от Кёнигсберга – место аристократических вилл, райский уголок для детей, диадема на западном побережье Земланда.

Защищенный от ветра лесом и холмами, он предназначен для каждого, кто ищет после напряженной работы и изнурительной деятельности покой и отдых, идеальную красоту и здоровое пребывание» – из путеводителя для русских путешественников 1912 года.

Посетителям рекомендовали совершить следующие прогулки:

- 1) По древнему рыцарскому замку Лохштедт;
- 2) К Тенкиттену и кресту Адальберта;
- 3) К вилле Розенталь;
- 4) По Пиллау;
- 5) К Пальмникену.

Сюда приезжали учиться пению из Скандинавии, России, Италии, Испании и даже Америки.

Здесь в детском санатории проходили курс лечения сотни больных туберкулезом. Многие годы обязанности главного врача в нем исполнял доктор медицины Гоерделер, родной брат Карла Гоерделера, принявшего участие в антигитлеровском заговоре и казнённого в 1944 году.

Теплые ванны, водопровод, канализация и паровое отопление появились здесь раньше, чем в Пиллау, поставив Нойхойзер на одну ступень с самыми известными курортами побережья. В 1935 году отдыхающих принимали четыре отеля: «Вальдкруг», «Дойче Хаус», «Пруссия», «Балтия», около десятка пансионатов, три детских приюта и многочисленные виллы. К услугам гостей были рестораны, кондитерские и кафе. Два раза в неделю здесь проходили концерты и танцевальные вечера.

Вторая Мировая война не обошла стороной и Нойхойзер. Тяжелые бои развернулись 24 апреля 1945 года за опорный пункт Нойхойзер, прикрывавший доступ к Пиллау. Это был наиболее подготовленный к обороне рубеж. Противник бросил сюда почти все танки и подразделения морской пехоты. К 21.00 Нойхойзер был взят, а к исходу суток наши войска овладели частью противотанкового рва. За день было уничтожено 1200 солдат противника, 8 танков и САУ, 15 орудий, 8 минометов, 24 пулемета. Захвачено в плен 300 человек. Со стороны Красной Армии не обошлось без потерь.

Свой последний боевой вылет совершил 24 апреля 1945 года летчик 1-й гвардейской штурмовой авиации 1-й воздушной армии, Герой Советского Союза гвардии старший лейтенант Поляков Павел Яковлевич. Его штурмовик Ил-2 был сбит зенитным огнем противника в районе поселка.

После окончания войны с разных мест СССР начали приезжать переселенцы. Многие семьи по праву называют себя старожилами.

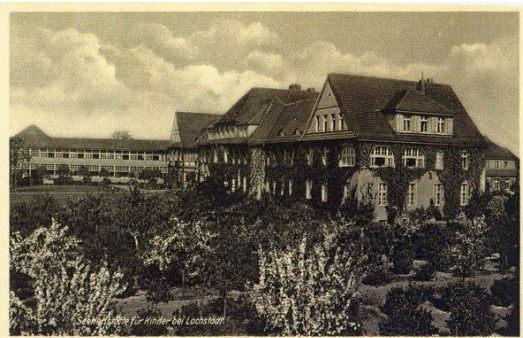
Бывший курортный район Восточной Пруссии, Нойхойзер (Neuhäuser), ныне это посёлок Мечниково. Несколько лет назад на берегу моря открылся гостевой дом под названием, ни меньше, ни больше, а – «Рай Пруссии»...

По материалам работ Оскара Шлюхтера.

37. Детский морской санаторий. Seeheilstätte für Kinder. Kreis Fischhausen Ostpreußen.

Одно из самых удивительных мест на берегу Балтийского моря.

В 1906 году в районе Лохштедта был открыт детский санаторий на побережье моря. Полное его строительство было завершено в 1914 году.

Спонсирование велось при поддержке «Ассоциации по лечению лёгочных заболеваний в Восточной Пруссии». Современное оборудование, полный комплекс лечебных корпусов полностью соответствовал тому времени.

Работа санатория осуществлялась круглый год. Первые дети поступили на лечение из города Фишхаузен в 1914 году в возрасте от 4 до 14 лет. В санатории лечили почти все случаи заболевания туберкулёза. За исключением инфекционного.

Вспышка детского туберкулёза возникла в период Первой мировой войны. Дети из городов Фишхаузен, Пиллау, Раушен, Нойхойзер и других некоторых деревень поступали на лечение в санаторий, целебными факторами которого были прежде всего солнце, лесной и морской воздух.

1 октября 1917 году детский санаторий посетила Императрица Восточной Пруссии Огюст Виктория.

В 1920 году полный уход за санаторием был передан Орденской кирхе города Фишхаузен. Руководителем детского санатория был назначен Адель фон Браун.

Медицинский персонал, который ухаживал за детьми имел отдельный жилой комплекс со всеми удобствами на территории санатория. Руководителем медперсонала была назначена Марта Савацки (работник Красного креста города Фишхаузен), она занимала эту должность с 1920-1943 годы.

В период с 1917-1929 года количество больных детей увеличилось до 350 человек. По решению руководителя санатория Адель фон Брауна и окружной администрации города Фишхаузен было решено выделить из городского банка города Фишхаузен финансовую поддержку, добавить докторов и обслуживающего персонала детскому санаторию. Из Ассоциации Красного креста города Фишхаузен в санаторий было направлено 42 человека медицинского персонала, из города Пиллау – 33 медицинских работника.

Общая площадь санатория составляла 15.000 м кв. В главном корпусе были администрация, медицинское управление, кабинеты врачей, а также 29 палат для детей. В главном крыле корпуса находились комнаты для персонала (санитаров), современная по тем временам большая кухня, прачечная и комната для дезинфекции. Выше этажом, с отдельным входом функционировали 33 палаты для детей с формой открытого туберкулёза.

В южном крыле корпуса располагались комнаты для отдыха, используемые детьми круглый год. Весь главный корпус имел большой подвал. В нём были система отопления с помещением для топлива, комнаты для хранения продуктов и морозильные камеры с натуральным льдом. Во втором блоке размещались жилые помещения для машиниста, кочегара, садовника, водителей, спальни мужского и женского персонала, спальни для работников кухни и прачечной, а также спальни помощника кочегара и садовника. В промежуточном крыле находился гараж, свинарник, конюшня и каретный двор. Солома и сено хранили в верхней части крыши корпуса.

В 1930 году построено дополнительное здание для детей и отдельный жилой дом для старшего врача.

Вся вода для санатория на прямую поступала из моря. Вода проходила очистку через систему фильтров, нагревалась и доставлялась в душевые и ванны.

Комплекс зданий санатория был окружён прекрасным парком, созданный садовником Робертом Бонке. На территории санатория был спроектирован большой фруктово-огородный сад с теплицами и многочисленными ягодными кустарниками.

Детский санаторий за период своего существования смог вылечить более 570 детей.

Из воспоминаний одной из воспитательниц детского санатория Урсулы (Ursula Sauer, Wilhelmshaven-):

«В 1935-36 годах я работала воспитательницей в санатории. У нас проходили реабилитацию и лечение дети как из самого города Фишхаузен, так и из городского округа. Большая часть детей проходила лечение от туберкулёза в возрасте от 6 до 14 лет.

Медицинским руководителем санатория был доктор Gördeler Ferdinand.

Детский санаторий был лучшим в своё время. Все комнаты и палаты были щедро обставлены мебелью, двор засажен цветами, был не большой молоденький парк, сам санаторий располагался по середине леса и до берега моря было всего несколько шагов...»

17 января 1945 года все работники санатория, а также находившиеся на лечении дети были успешно эвакуированы в Германию.

Спустя время пропал замечательный парк, на территории нет каретного двора, не ходит садовник и не слышны звонкие голоса детей. Но здесь по-прежнему лечат людей и в корпусах бывшего детского морского санатория располагается военный санаторий.

Источник: группа Кирилла Опаленика, жителя Приморска, об истории Фишхаузена «Fischhausen Ostpreußen» https://vk.com/wall-59996030_1806

Приносим свои слова благодарности и восхищения историческим зарисовкам о Приморске-Фишхаузене этой группе, которая поддерживает тесную связь с бывшими жителями Фишхаузена и делится впечатлениями на своей странице.

38. ИСТОРИЯ ПОРТА КЕНИГСБЕРГ

Когда еще в 1242 году купеческий город Любек планировал закладку «своего» города в устье реки Прегеля, – то, несомненно, он принял во внимание выгодное географическое положение выбранного пункта строительства.

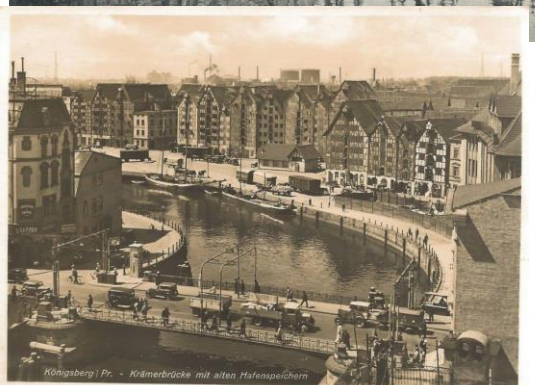
Тевтонский Орден, перехватив инициативу Любека, в 1255 году заложил здесь свою крепость с тремя пред-крепостными городами: Альштадтом, Кнайпхофом и Лебенихтом. Кёнигсбергские города расположились неподалеку от моря и заливов на удобном торговом месте.

Отсюда, помимо западных морских путей (Балтийское море, Вислинский залив), шли речные дороги на восток (по реке Прегеле), на север и далее (по реке Дейме и Куршскому заливу в Литву), на юг (по реке Алле в Мазурский край). В дальнейшем, при развитии судоходства и сухопутных дорог, торговые связи Кёнигсберга распространились далее: в Англию, Голландию, Скандинавию, Россию, Польшу. Города Альштадт, Кнайпхоф и Лебенихт получили кульмские права свободной торговли и привилегии на содержание верфей.

В связи с этим развитие судоходства вышло на первый план, и в 1440 году река Прегель была углублена вдоль набережных Кнайпхофа и Альштадта. Кроме того, была взята на себя функция по организации товарообмена между горожанами.

Каждый из трех городов имел свой порт – место разгрузки и загрузки судов – ластадии. Ластадия Альштадта располагалась на острове Кнайпхоф. После получения Кнайпхофом городских прав, порт Альштадта передвинулся в более удобное место – на правый берег рукава Прегеля.

Как утверждает немецкий исследователь Фриц Гуазе, этот порт еще во времена Тевтонского Ордена располагал деревянной набережной, тремя парами весов, подъемным краном, служившим для разгрузки и погрузки судов, а также используемым при монтаже корабельных мачт. Кроме того, в порту были построены многочисленные зернохранилища и многоэтажные склады для товаров. Вторая площадка в Альштадте,

где складировали привезенные товары, была отстроена немного позже. Порт в городе Кнайпхоф располагался на левом берегу Прегеля, по обе стороны Зеленого моста. Он тоже располагал деревянной набережной и был оборудован весами и двигательными механизмами, вокруг него вырос большой комплекс складов и зернохранилищ, где хранилась зола, деготь, известь и строительный лес. Отметим, что третий город на берегу Прегеля – Лебенихт – не располагал морским портом. На набережной этого ремесленного города находился речной порт, имевший местное значение.

Средневековый период развития кёнигсбергской торговли характеризуется постоянными конфликтами Тевтонского Ордена с Литвой и Польшей и острой необходимостью в деньгах для оплаты значительных военных расходов. Единственный реальный постоянный источник доходов в те годы (XIV – XVI века) могла дать только упорядоченная транзитная торговля. Второй важной статьёй доходной части бюджета была торговля янтарем, добыча которого являлась государственной монополией Тевтонского Ордена. При этом надо заметить, что добыча янтаря тогда велась самым примитивным способом, путем сбора его на побережье.

Кроме торговли янтарем, Орден контролировал потоки товаров: медь, воск, меха, зерно и лес. Остальные источники доходов (пожертвования из Германии, налоги и сборы) не могли полностью и стабильно покрывать содержание огромной наемной армии, крепостей и замков, а также административный аппарат орденского государства.

Вскоре руководство Тевтонского Ордена убедилось в том, что гораздо выгоднее передать все торговые дела непосредственно в руки купечества, взывая регулярную пошлину и таможенные сборы. Либерализация торговли в Пруссии, как и в других североевропейских странах, привела к созданию пространственного торгового союза, «Ганза» («Товарищество») с формальным главенством вольного города Любека.

В 1339–1340 годах кёнигсбергский Альштадт оформил свое вхождение в Ганзу. За ним последовали Кнайпхоф и, ненадолго, Лёбенихт. Дело в том, что Лёбенихт являлся сельским придатком кёнигсбергского замка, он снабжал жителей продуктами и изделиями кустарного промысла.

Торговый союз Ганза, как известно, объединил более 80-ти городов. Во многих других городах имелись представительства и конторы Ганзы. Наибольший расцвет Ганзейского союза пришелся на 1370–1400 годы, когда союз провел победную войну против Дании, тормозившей предоставление торговых привилегий скандинавским городам.

Кёнигсбергские города стали экспортировать, помимо традиционных товаров Тевтонского Ордена, сельдь, золу (поташ), смолу (деготь), пушнину (меха). Ввозили соль, сукно, рис, вино. При этом соль являлась наиболее важной статьёй морского импорта, далее её везли в Польшу и в Литву.

Важным обстоятельством явилось то, что в 1365 году гроссмейстер Ордена Винрих фон Книпроде дал кёнигсбергским городам право закладки судов. На берегах Прегеля появились первые верфи.

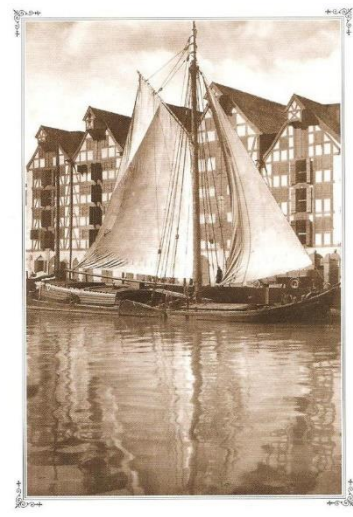

На Западе, со стороны Вислинского залива, Кёнигсбергский порт «прикрывал» на Прегеле большой запор, названный Голландским, а на Востоке — малый запор, Литовский. Голландский и Литовский запоры – это возведенные на сваях помосты по обоим берегам Прегеля, направленные к его центру, но не смыкающиеся друг с другом, а создающие проход, который замыкался шестом-

шлагбаумом, крепившимся на одной стороне, а вторым концом достигал другого берега. На Литовском запоре, построенном в 1642 году, было возведено специальное здание, где собиралась таможенная пошлина – «штромгельд». После вспыхнувшего в 1655 году большого пожара это здание было отремонтировано и перестроено в пакгауз.

Расстояние от Альтштадта до Вислинского залива составляло около 10 км, а оттуда до Пиллауского пролива, бывшего с начала XVII века единственным выходом из залива в Балтийское море, ещё 32 км. Основной заботой купечества всех трех городов было постоянное углубление русла, которое шло от моря к порту.

С течением времени менялись и суда, их осадка стремительно увеличивалась: от двух метров у каравелл, трех метров у ганзейских парусников (нем. Kogge), 3,5 метров у галеонов и до 4,5 метров у флюитов. Инфраструктура порта оставалась удобной и к тому времени, когда в Балтийском море появились пароходы. Порт отлично справлялся со своей основной функцией – товарообменом между соседними территориями и иностранными государствами.

Рассказывая историю порта, имеет смысл уделить внимание роли дорог. Ключевое значение имел Волоний тракт, ведущий от Польшы до Кёнигсберга, он проходил через города Луков, Кольно и Ломжу. Также в источниках не раз упоминается тракт из Кёнигсберга в Познань, идущий через города Торунь, Квиджин, Грудзендз, Бранево и Эльблонг, а также тракт через Литву, соединяющий города Августов и Гродно с Кёнигсбергом. Эти дороги использовались и зимой, когда в Кёнигсберг за день прибывало около 600 саней с товарами.

Постепенно новые политические и экономические течения привели к ослаблению Ганзейского союза. В 1579 году Кёнигсберг последний раз участвовал в съезде Ганзы, хотя формально не выходил из союза до его полного распада в 1669 году. В тот период, пользуясь распадом Ганзы, некоторые прусские правители попытались ограничить свободу купцов. Это приводило к локальным конфликтам. Польские короли, вассалом которых был Тевтонский Орден, поддержали кёнигсбергских купцов, стремясь ослабить влияние Ордена. Противоречия благополучно разрешились. В целом же, можно отметить, в 1608 году в Кёнигсберг прибыло 614 кораблей с солью и зерном, а в 1623 году – вывезено 500 000 шеффелей

зерна или 20 000 тонн.

Уже с середины XVI столетия морская торговля региона сильно зависела от голландцев. На 1549 год количество нидерландских кораблей составляло четверть от общего количества выходящих из порта судов, и составляло 42% их общей грузоподъемности. В 1681–1682 годах эти показатели взлетели соответственно до 60% и 75%. Англичане и шотландцы с их долей в 3% и 6% занимали второе место после голландцев.

Начало XVII столетия – время расцвета Кёнигсбергской торговли. Красноречивее всего об этом говорит количество кораблей, посетивших этот порт (например, в 1626 году число зашедших сюда кораблей было в три раза больше, чем в 1550 году, а их совокупный тоннаж возрос в семь раз).

В этот период через порт в больших количествах вывозилась древесная зола, зерно, кожа разных видов, деготь, лен, конопля, воск и жир. Интересно, что при этом экспорт зерна из Кёнигсберга не имел такого значения, как вывоз такого же товара из Эльблонга и Гданьска. Это объясняется доставкой зерна из Литвы, где выращивалось меньше хлеба, чем в соседней Польше. В порт на Прегеле ввозились в огромном по тем временам количестве железо, сельдь, известь, соль, а также колониальные товары и вина. Но войны XVII столетия,

происходившие на прилегающих к Кёнигсбергу территориях, привели к существенному падению торговых оборотов порта, а их рост возобновился только после 1721 года. Отметим, что введение Фридрихом II государственной монополии на торговлю солью и постройка Быдгощевского канала нанесли кёнигсбергской торговле значительный ущерб.

Освобождение от польской зависимости в 1657 году, вхождение Пруссии в состав Бранденбургского государства – привели к изменению ситуации в торговле в период XVII – XVIII веков. Морской торговый оборот Кёнигсберга неуклонно увеличивался. В 1724 году произошло объединение трёх кёнигсбергских городов. В 1730 году в Кёнигсберг прибыло 872 корабля, в 1784 году экспорт зерна превысил 3 000 000 шеффелей, или 120 000 тонн. Таким образом, торговля зерном становится главенствующим фактором для Кёнигсберга, начиная с середины XVII века. Пик экспорта зерновых пришелся на конец XVIII века, затем он снизился до 1 500 000 шеффелей или 60 000 тонн. К концу XIX века вывоз зерновых вновь поднялся и превысил 450 000 тонн, что составило 75% от общего объема экспорта.

К периоду XVII века относится время создания кёнигсбергских торговых бирж. Уже в 1619 году упоминается о первой бирже, а в 1623 году на северном берегу острова Кнайпхофа построено первое биржевое здание. За ним последовали другие биржи – нынешнее сохранившееся здание торговой биржи, сооружённое в 1875 году. Вместе с тем,

Кёнигсберг периодически испытывал периоды спада общего торгового оборота, особенно к концу XVIII века, когда часть торговых путей пошла западнее от города. Введение государственной монополии на торговлю солью сковывала инициативу купцов. Мнимое сиюминутное благо для государства обернулось обнищанием Кёнигсберга, которое потом пришлось с трудом преодолевать.

Пришлось подключить прусскую протекционистскую политику и экономические санкции против польского Гданьска. Торговое соглашение, заключенное между Пруссией и Речью Посполитой, предусматривало, что на перевозимые по реке Висле польские товары будет наложена 12%-ая пошлина в пользу Пруссии. Но прусские таможенники за счет махинаций добивались сборов в 30-50% от стоимости товара, пришедшего из

Польши. В итоге все это привело к тому, что иностранные купцы стали обходить польский порт стороной, и переориентировались на Кёнигсберг.

В середине XIX века в Кёнигсберге ощущался подъем торговли из-за Крымской войны России. Черноморские порты были блокированы. А в Кёнигсберге появились новые виды экспорта, например, чая, которого в год стали вывозить по 227 000 центнеров. Но в целом военная обстановка в Европе не способствовала расцвету торговли. И все же время технического прогресса в XIX – XX веках давало о себе знать.

В 1811 году Кёнигсбергские и Пиллауские портовые сооружения были переданы правительством местному купечеству. В 1818 году Кёнигсбергский порт посетило более 300 торговых судов. В 1828 году в Кёнигсберг из Эльбинга прибыл первый пароход «Коперникус», через десять лет между Кенигсбергом, Пиллау и Даниингом курсировал пароход «Газель», а по устью Прегеля ходил паровой бот «Анна-Генриета». В 1855 году в рейс на Тильзит от Кёнигсберга отправился большой металлический пароход «Шнелль». В 1872 году через Кенигсберг прошло 3 740 различных судов.

www.Bildarchiv-Ostpreussen.de 006982
Königsberg (Pr.), Stadtkreis Königsberg, MT12088-4.
Neuer Silospeicher am Hafenbecken 4 VII. (1910-1930), © Krauskopf, Königsberg

Кроме того, укреплялись торговые связи между Германией и Российской империей. Огромный поток российской сельскохозяйственной продукции (бобовые, зерно, пенька, лён) шел в Европу через Кёнигсберг. В 1897 году в Кёнигсберге было возведено зернохранилище и мельница. Размеры зернохранилища действительно были немалыми: почти 140 метров в длину, 35 метров в ширину и почти 50 метров в высоту. На сооружение этого здания ушло более 7 миллионов штук красного кирпича. Здание было построено на 8 тыс. железных сваях и включало в себя четыре элеватора, вмещающих 56000 тонн зерна. Стоит отметить, что эти элеваторы являлись до 1930 года самым большим зерновым складом в Европе.

Однако приходится констатировать, что Кёнигсберг, хотя и развивался в торговом отношении, но все-таки постепенно утрачивал главенствующую роль в регионе, терял монопольное право на некоторые льготы, благодаря которым он мог сконцентрировать у себя потоки грузов (например, так называемое право «брака», то есть определение качества товаров). К концу XX века ввоз в Кёнигсберг состоял из колониальных товаров, каменного угля, металла, керосина, масел, химикалий, сельди и чая. Чай, преимущественно, шел в Россию. Вывоз складывался из льна, зерна, конопли, орехового дерева, сахара, сыров и др. В 1894 году перевозки осуществляли 2173 корабля, более 50% из них – немецкие.

В начале XX века в Кёнигсберге появилась идея строительства новых портовых сооружений и судостроительных заводов. В 1904 году стартовали работы по расширению старого порта. Но Первая мировая война прекратила этот масштабный проект.

Уже после войны в 1921 году на южном берегу реки Прегель началось строительство нового Кёнигсбергского порта. Но в новом порту из запланированных 5 гаваней было возведено только три: Индустриальная, Лесная и Свободная. Свободная гавань имела длину 600 метров и ширину от 80 до 120 метров.

Причальная стенка была протяжённостью в 450 метров. В гавани разместились два больших склада размерами 83 на 44 метра.

Индустриальная гавань по площади была в два раза больше Свободной гавани. Её длина составляла 1800 метров, а ширина 180 метров. Длина причальной стенки – 750 метров. Свободная и Индустриальная гавани имели глубину 8 метров.

Лесная гавань имела длину 1030 метров, ширину 80 метров и глубину от 3 до 6,5 метров.

13 июня 1924 года состоялось торжественное открытие нового Кёнигсбергского порта. В 1930 году он располагал 100 тысячами квадратных метров складских и навесных площадей, был снабжен 30 порталными кранами, работающими на электричестве, и считался самым совершенным портом на Балтийском море.

Порт строился по чертежам кёнигсбергского строительного советника Корнелиуса Кучке (1877-1968). Судьба обошлась с К. Кучке несправедливо. С приходом к власти нацистов, он был отстранен от должности, подвергнут превентивному заключению и вынужденно покинул Кёнигсберг. Тем не менее, творение К. Кучке продолжает служить людям до сего дня.

В 1938 году через кёнигсбергские гавани прошло 4 210 кораблей. При этом следует особо подчеркнуть, что дорогостоящее грандиозное строительство причалов велось в то время, когда Восточная Пруссия была оторвана от метрополии, согласно границ, утвержденных версальским договором (период 1919–1939 годы). Провинция в те годы являла собой анклавную территорию, подобную сегодняшней. Сообщение с Германией велось по польской территории, через так называемый «Данцигский коридор». Помимо гаваней, в эти годы активно велось городское строительство, сооружение шоссе, на полную мощность работали промышленные предприятия.

Бесперебойное функционирование новых портовых сооружений обеспечивал судоходный морской канал Пиллау-Кёнигсберг. Впервые устье Прегеля углублялось еще в 1540 году. Вторичное углубление до 4-х метров произведено в 1681–1683 годах. В конце 19 века приступили к строительству морского канала длиной 34,5 километра, глубиной до 6,5 метров, затем длина канала продлилась до 42 километров. В 1930 году произведена очередная модернизация канала: его глубина достигла 8 метров, ширина – 70 метров.

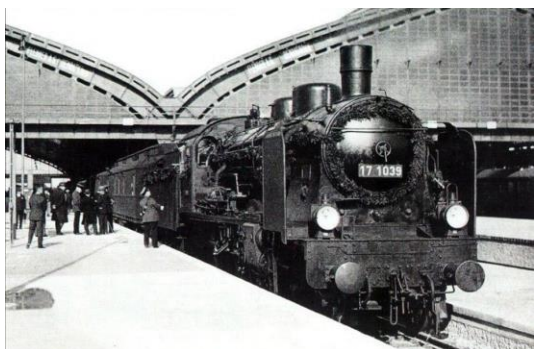

Имеются данные о прохождении морских судов по Кёнигсбергскому каналу за период 1902-1924 годы: в 1902 году – 1268 судов, в 1903 году – 1338, в 1913 году – 1414, в 1919 году – 501 судно, в 1921 году – 1072, в 1922 году – 1210, в 1924 году – 1262.

Открытие в середине XIX века железнодорожного сообщения не стало поначалу сильно конкурировать с морскими перевозками. Напротив, оно способствовало быстрому массовому подвозу товаров в порты и вывозу из портов прибывающих грузов. Дешевизна морских перевозок, по сравнению с тарифами на железной дороге, становилась привлекательным моментом для перевозчиков. Кроме того, видимо, был резон отправлять грузы в Европу морем, нежели зависеть от польских железнодорожных правил в «Данцингском коридоре». Однако приходится констатировать, что стальные пути железных дорог стали постепенно теснить перевозки по речным артериям.

Строительство судоходного Мазурского канала в южном направлении постепенно затухало, и так и не было закончено, ввиду экономической бесперспективности.

В 1895 году по железным дорогам в Кёнигсберг доставлено 735 000 тонн товаров, а вывезено 364 000 тонны, в 1923 году железнодорожный вывоз равнялся 1 400 000 тоннам, а ввоз примерно 650 000 тонн.

Что же касается автомобильного транспорта, то он не получил столь значительного развития, как в наши дни. Однако густая сеть модернизированных шоссе, построенная в Восточной Пруссии до 1939 года, заставляет думать о том, что, помимо военного значения, шоссе строились с учетом перспективы массовых перевозок грузов.

О торговле с Россией, одной из статей доходов Кёнигсберга, мы немного рассказали в публикациях нашего проекта в социальных сетях во время нашей деятельности на территории Советского городского округа.

<https://www.facebook.com/HistoryK39/posts/461473477898213> https://vk.com/wall-168806484_547 и <https://www.facebook.com/HistoryK39/posts/461507677894793> https://vk.com/wall-168806484_549

По материалам работ Игоря Афонина, Алексей Губина и Ольги Шумаковой <https://crew-man.com/news/istoriya-porta-kenigsberg.html>

39. Послевоенный Фишхаузен

Район Фишхаузен и округ Кенигсберг (Pr) были объединены 1 апреля 1939 года и сформированы в новый район Замланд. После войны оба округа снова пошли своим путем. В 1951 году город Пиннеберг в землях Шлезвиг-Гольштейн образовал землячество бывших жителей округа Фишхаузен, а в городе Минден, центре восточно-везфальского района Минден-Люббекке, в 1955 году – для жителей округа Кенигсберг (Пруссия).

В 1945 году город Фишхаузен, который обозначил путь сотен тысяч немцев к эвакуационному порту Пиллау, претерпел значительные разрушения под ударами авиации и артиллерии во время кровопролитных боёв 16 апреля 1945 года.

Примерно до 1961 года в городе сохранялись еще руины домов и старинной церкви, в этот год генеральный секретарь ЦК КПСС Никита Хрущев проезжал эти места – весь исторический центр города был выровнен к этому времени.

Сейчас в Приморске можно найти несколько довоенных зданий, одну водонапорную башню на сохранившейся и ухоженной железнодорожной станции, а вторую хорошо уже видно издали со стороны залива и по дороге в Балтийск.

Российский житель Приморска Кирилл Опаленик, популяризатор истории Фишхаузена, ведёт активную переписку с бывшими жителями Фишхаузена и намерен открыть музей города в доме Герме, во дворе которого сохранились доильный зал и кормовой бункер. В итоге от старого Фишхаузена мало что осталось.

Новое название этого места – Приморск, что означает «город у моря».

7 июля 1996 года в Приморске было открыто сборное кладбище для 1086 немецких жертв Второй мировой войны – мирных жителей и военнослужащих.

Частенько с берегов залива уютной бухты Приморск можно наблюдать за четырехмачтовым барком «Крузенштерн» на рейде, который проходит в порт приписки Калининград, возвращающегося или отправляющегося в неоднократные трансатлантические и кругосветные экспедиции. Барк был спущен на воду в 1926 году как последний крупный грузовой корабль, построенный на верфи Й. Текленборга в Гестемюнде возле Бремерхафена (Германия), названным «Падуя». Он спользовался в основном для перевозки селитры из Чили или зерна из Австралии. Во время Второй мировой войны барк служил парусным учебным кораблем в Балтийском море. В 1946 году гордый барк перешёл по репарации в собственность Советского Союза и получил имя «Крузенштерн» в честь известного русского мореплавателя адмирала Ивана Фёдоровича (при рождении Адам Йоханн) фон Крузенштерн. Фон Крузенштерн (1770 - 1846) происходил из остзейских дворян, в 1803—1806 годах возглавлял первое русское кругосветное плавание, готовясь к которому за составлением звёздных карт обратился к астроному Фридриху Бесселю, служившего тогда в Кёнигсберге.

Но это уже другая история....

Источник: www.ostpreussen.net

40. О туристической составляющей административного управления г. Приморска

На сайте администрации Балтийского Городского округа указано, что Городское поселение Приморск в настоящее время каких-либо туристических услуг не имеет, о чём зафиксировано со следующей формулировкой:

«Как таковая туристическая деятельность на территории муниципального образования «Приморское городское поселение» сведена к нулю, несмотря на большое количество достопримечательностей:

- дуб, посаженный в 1870 году (точнее, в честь окончания франко-прусской войны и объединения Германии – в 1871 году, ошибочно ранее считали, что в 1814 году в честь победы над Наполеоном и назван «Дубом Мира»; однако, в результате сильного шторма в ночь с 5 на 6 октября 2012 года утрачен – прим. ИЛП),
- развалины замка «Фишхаузен» (вернее, руины замка Фишхаузен, памятник архитектуры местного значения – прим. ИЛП),

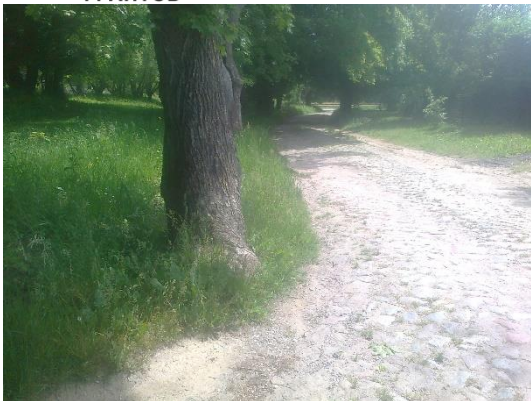
- река Приморская и мостик через нее (амтский мост между доменом и гаванью – прим. ИЛП),
- здание банка (точнее, здание финансового управления на улице Янтарной, сейчас здесь располагается администрация Приморска – прим. ИЛП),

располагалась на улице Шлихта, названной в честь почётного гражданина этого города, чьей краеведческой книгой охотно мы пользуемся – прим. ИЛП),

- здание вокзала и багажного отделения (скорее, здание багажного отделения железнодорожного вокзала начала XX века, с 2011 года имеет статус выявленного объекта культурного наследия, подлежащего государственной охране – прим. ИЛП).
- дом усадебный XIX века (знаменитая вилла Порр, владельца кирпичного завода в Фишхаузене – прим. ИЛП);
- мостовая по улице Янтарная (бывшая улица Шлихтштрассе в честь почётного гражданина Фишхаузена Оскара Шлихте – прим. ИЛП).

И создать на побережье Приморской бухты курортно-рекреационную зону с туристическим комплексом не удастся в связи с отсутствием инвестиций и заинтересованности власти, т. к. территория муниципального образования «Приморское городское поселение» в течении десятилетий переходила из одной зоны ответственности в другую (Балтийск, Зеленоградск, Светлогорск, Балтийск) и как вывод, никто ею серьезно не занимался.

Тем не менее, туризму и отдыху способствует мягкий климат, побережье моря и залива с песчаными пляжами, с уникальными рощами (парками), удобными для создания курортно-оздоровительных, развлекательных зон.

В настоящее время каких-либо туристических услуг и услуг частного комплекса на территории муниципального образования «Приморское городское поселение» нет...»

«К природным достопримечательностям Приморска принадлежат поля, реки Приморская и Садовая, сеть прудов, парковые острова с образцами уникальных деревьев», – говорится на вышеупомянутом сайте Балтийского городского округа о Городском поселении Приморск.

Команда проекта «История. Люди. Память» посчитала несправедливым такое замечание относительно туристического потенциала небольшого городка Приморск. Своим маршрутом приглашаем раскрыть красоты и уникальность этой местности в путешествиях по окрестностям самого маленького городка Калининградской области – Приморска, и тем самым попытаться подобрать «ключ понимания запада России».

Приморск требует особого отношения в сохранении исторической памяти этой земли.

Работа подготовлена
координатором Проекта «История. Люди. Память» – Эммой Басовой.